

Проклятые цепи

Путешествие трех главных героев к столице древней империи, разрываемой на части врагами снаружи, и распрями внутри. После проигранной войны, земли разорены, а народ недоволен. Знать не торопится помогать простым обывателям наладить их жизнь, а император бессилен без их поддержки. Стараясь уберечься от творящегося вокруг, наши герои продвигаются к своей цели, попутно разбираясь в себе и смиряясь со своим непростым прошлым.

Трава на своих редких островках посреди каменистого грунта клонилась к земле под тяжестью бриллиантовых капель утренней росы, которые, в свою очередь, являлись последним свидетельством существования густого, словно свежее молоко, и непроглядного, словно сама тьма, тумана. Тишина и всепоглощающий простор был свойственен этой непаханной земле круглый год, иногда мимо проносились табуны диких лошадей, иногда толпы наездников, но эти мгновения были редки и не были в состоянии разрушить каждодневную идиллию чистого утра. Так, две инородные фигуры, бредущие по своим смертным делам, были неспособны повлиять на местное ленивое течение жизни. Выдыхая из своих уст теплый пар взамен морозного и влажного весеннего утреннего воздуха, они будто старались привнести немного человеческого тепла в этот холодный и мертвый с первого взгляда пейзаж.

Тот, который шел спереди, был среднего роста, одет в давно износившийся темно-серый балахон, словно монах, хоть таковым и не являлся, просто уже давно привык к этой теплой и практичной в долгом походе вещи, и, в силу своей возможно излишней сентиментальности, отказывающийся поменять обносившуюся вещь на любую другую. Кроме балахона, на поясе висели несколько аптекарских подсумков, мешок за спиной и еще одна, уже большая, аптекарская сумка с ляжкой на плече. Иногда из-под длинных рукавов проблескивала серебряная драгоценность. Старое кольцо, благородный металл давно был исцарапан и загрязнен от отсутствия полировки, тем более колечко смотрелось инородно, неуместно и слишком вычурно на фоне такого грязного, и несколько раз залатанного, выцветшего балахона. Форма кольца была необычная, две змеи, словно оплетая палец носителя, переплетались своими гадскими головами, чтобы помочь друг-другу поддержать, или наоборот, не дать забрать другому, роскошный, чистого фиолетового цвета, драгоценный камень, инкрустированный в конструкцию одним из лучших мастеров своего дела во всем мире уже очень давно.

Шедший за своим другом, второй путник отличался более грациозной походкой, ни следа сутулости в спине, он смотрел только прямо, плавностью движений показывая, будто и сейчас он находится на самом длинном и лучшем представлении огромного театра жизни, ни на миг не выходя из своей роли. Этот был одет менее практично, облегающие кожаные одежды скрывались за коричневой накидкой, а под ними просматривалось стройное, близкое к абсолютной худобе тело, но от того все равно не кажущееся слабым из-за обильного количества жил, которые, разумеется, уже не так заметны под кожей одежд. На лице у этого не совсем обычного человека надета деревянная маска. Светлое дерево, казалось, насквозь пропиталась грязью, отчего вечно смеющееся лицо, искусно вырезанное на поверхности мертвого дерева, больше стало походить на крик отчаяния, или гнева, зависит от того, под каким углом посмотреть. У этого человека не было никаких драгоценностей, тоже походный рюкзак и несколько подсумков на поясе, но, в отличие от впереди шагающего, половина этих сумок была отведена маленьким бомбочкам всевозможного состава, от дымовых до газовых, а другая часть, под вещества для этих же самых бомбочек. Примененная в нужный момент драки такая маленькая приبلуда в состоянии изменить исход всего боя. Плюс спрятанные где-то в недрах одежд пара острых кинжалов прибавляли веса в каждом споре, где участвовал этот шут.

Так эти необычные фигуры и шли в полной тишине тундровых просторов, стелящийся туман сейчас был им только на руку. Недавно, по воли судьбы, им пришлось присоединиться к торговому каравану местного государства, бредущего в сторону сначала родных стоянок, а за ними и города. Одним из основных доходов Ордынского Ханства являлась работоторговля, самая многочисленная армия конников, они стремительными набегами разоряли приграничные деревни, оставляя после себя только сожженные хаты несчастных крестьян, и увозили весь товар, как людей, так и добро, в сторону Торговой Федерации, которая являлась давним союзником Ханства по вопросам сбыта товара.

От такого каравана и скрывались сейчас эта пара чудаков, не став дожидаться, пока торговцы осознают, что этих двоих никто не станет искать, они потерялись среди ночи, предварительно вырубив пару охранников и отпустив лошадей чтобы не было погони. Теперь вот так и шли, без лошадей и направления, в тумане, цепляясь только за протоптанную дорогу, неведь откуда взявшуюся под ногами в этой, казалось бы, необитаемой пустоте, которую сейчас разрушал приближающийся из мира за стеной тумана топот копыт. Путники вдруг остановились и начали прислушиваться, тот, который с кольцом, заговорил со своим другом который, к слову, был абсолютно нем.

— Арт, слышишь? Готовь световые, сначала поговорим, может и обойдется.

Артемий кивнул и скользнул за спину другу, параллельно доставая из подсумков несколько бомб с взрывающейся ярко и громко, оглушающей смесью.

Топот приближался, за отсутствием деревьев было хорошо слышно, что конник один. Спустя пару мгновений из-за тумана, наконец, вынырнул одинокий всадник. Максвелл, так звали второго путника, узнал в нем имперского гонца. Лошадь остановилась аккуратно около его лица. Всадник, не слезая со своего скакуна, проговорил:

— я ищу одного человека. По описанию ты очень на него похож.

— мне все так говорят. Возможно, если бы у тебя было его имя, твои поиски принесли бы плоды.

Вместо имени гонец достал из своей сумки портрет о розыске. В Аврелианской Империи, родине Максвелла, такие портреты использовали для опознания преступников.

Внешне путник никак не отреагировал, хоть внутри и начал уплотняться комочек нервов. Гонец стал сравнивать портрет и стоящего перед ним человека.

— враги ближе друзей.

— однако все иначе.

После этого гонец кивнул и вновь начал рыться у себя в сумке. Услышав тайное приветствие сообщества, он понял, что, наконец, нашел нужного ему человека.

Приняв письмо, Максвелл поблагодарил всадника, после чего они попрощались, и утреннюю морозную тишину вновь разорвал топот, теперь уже удаляющихся, подкованных копыт.

Артемий до самого конца сопровождал взглядом упертого гонца, пока тот не скрылся за стеной тумана. Найти этих двоих в этой стране, да еще и в таком тумане... за это нужно выдавать медаль.

Максвелл тем временем уже читал письмо, его лицо не выражало эмоций. Наконец, он сложил листок бумаги, вернул его в конверт и спрятал среди бесконечных складок своих одежд.

— Арт, нам нужен еще один человек. Тот, кто умеет хорошо драться. Мы идем домой.

Ничто не может принести больше бодрости по утрам, чем удар подкованного сапога под ребра. По всей видимости, огромный верзила, что сейчас возвышался над скованной тяжелыми кандалами рабыней, лежащей скрючившись на нагретой ее собственным теплом, этой ночью, земле, считал, что это истинно правда.

— вставай грязная псина! Мне приказано поставить тебя на ноги до обхода!

Девушка никак не откликнулась, только тихо засопела от боли. Ее грязные, впитавшие целые лужи грязи, волосы, сейчас закрывали такое же грязное лицо. Худые руки, покрытие ссадинами и синяками, были прижаты к грубому и совершенно бесформенному мешку, в какие наряжали местных рабов. Все это происходило посреди тюремного карцера, куда даже в лагерях рабов не садят людей за просто так. Тихий хрип сорвался с сухих губ заключенной.

— Я хочу воды.

Она начала медленно подниматься, однако руки ее подкосились, и тощее тельце вновь оказалось лежащим на уплотненной почве. Охранника же подобная слабость не тронула, и он не нашел ничего умнее, чем повторить пинок. Она вскрикнула.

— Хватит! Ты не видишь, что я не могу встать. Ты вообще знаешь, что со мной делали эту неделю дурень?! Я не ела три дня, помоги хотя бы сесть.

Верзила приостановил избиение. Он обдумывал, как такое слабое создание выживало на арене столько времени, ещё и считалось одним из лучших бойцов. У рабыни даже начали появляться поклонники. Если бы распорядитель не поднимал на ее таланте кругленькие суммы, ютиться бы ей на судне какого-нибудь знатного аристократа с северного королевства. Но опять же, только если ей повезло с милым личиком, за грязью то не разглядишь.

С минуту он глядел на лежащее перед ним тело, вероятно это были самые сложные размышления в его жизни, от того и лоб его покрылся невероятным количеством мыслительных морщин. Наконец, догадавшись, что новыми пинками делу не поможешь, он придумал иной способ. Ему приказано подготовить гладиатора к обходу, а не добивать и без того полумертвого человека.

Девушка все так же лежала, не делая новых попыток подняться, однако, если бы стражник был повнимательнее, то смог бы вовремя заметить пристально следящий за каждым его движением один полуоткрытый глаз, немного скрытый копной грязных волос. Стражник вздохнул, он стал надзирателем совсем недавно, поэтому пока еще было противно прикасаться к грязным рабам своими руками, поэтому чаще он делал это дубинкой. Верзила подошел к телу с тем, чтобы не помочь ей подняться, но, как минимум, поставить на ноги своими силами. Он только начал наклоняться, как получил совершенно неожиданный и подлый удар по своему мужскому достоинству. От резкой боли в глазах заплясали темные пятна, а разум временно помутился. В прочем, рабыня не останавливалась на достигнутом, она засунула пальцы прямо в нос противнику, мерзкий, но действенный прием, что позволил ей провести его по дуге прямо к ней в объятия, где она уже и оплела его шею своими цепями чтобы задушить своего мучителя. Она была опытным бойцом и прекрасно знала, что, если ее противник вырвется, ей придет конец, верзила уже начал осознавать, что происходит, он не мог кричать из-за передавленной шеи, поэтому иступлено бился с противником, на котором лежал спиной, силясь достать ее хотя бы локтями. Однако рабыня оставляла ему ни шанса,

оплеть свое тело и его шею цепями, она душила его не силой, но своим весом, прячась за его могучей спиной. Ее глаза не выражали ничего, в ней не было ни страха, ни жалости, ни злобы, только пустота, она давно привыкла постоянно бороться в этом богами забытом месте, и она так устала это делать. Движения стражника становились беспорядочными и какими-то отчаянными, он начал ощущать приближающийся конец. Тогда рабыня прошептала ему на ухо.

— Считаешь, сила на твоей стороне? Доволен своим положением тюремщика? Ведь ты такой сильный, привык ощущать себя всегда правым. Но жизнь не так проста, скоро ты, весь из себя такой важный, будешь лежать мертвый, мордой в грязи, на которой я спала, а я продолжу своё жалкое существование у другой вонючей и холодной стенки, сопляк.

Парень уже начал терять сознание, когда в карцер ввалились еще два стражника. Эти не церемонились, и один из них с разбегу зарядил рабыне маленькой дубинкой прямо в макушку, отчего та мертвым грузом развалилась под тяжелым телом незадачливого стражника. Один из новоприбывших помог подняться своему неродивому другу, а третий, тот, который зашел после первых двух, с гербом федерации на груди, глядя на развернувшуюся картину, заговорил с почти задушенным бедолагой:

— Максий, ты уже целую неделю делаешь вид что следишь за этими животными, я ведь тебя предупреждал, не церемонься с этой псиной, ну почему ты такой тупой, долго еще будешь вестить на эти разводы? “хочу пить”, “не бейте, я все понял”, “дайте еды”. Видишь, какие они все гниды? Будь уверен, если бы у нее хватило силы, твоя шея уже была бы сломана. Бегом в лазарет, будет тебе урок.

Верзила, зажимая рукой свое покалеченное достоинство, кивал всем словам своего начальника и страшно тер шею, будто всё еще искал остатки той смертельной цепи. Старший, тот, что с гербом, сел на принесенную специально для него табуретку.

— Лок, приведи ее в чувство.

Верзила вышел из камеры, в помещении осталось лишь четверо, три стражника и тело на полу. Один из надзирателей выплеснул содержимое миски прямо на лицо грязной рабыне. Та открыла глаза, немного проморгалась, затем спокойно села, облокотившись о противоположную от визитеров стену, принялась слизывать остатки своего завтрака, которым ее разбудили, со своей кожи, гордость еще никому не помогла выжить. Перед ней сидел главный надзиратель этой тюрьмы для гладиаторов, он же и заговорил.

— доброе утро психованная, как тебе завтрак? Высший сервис, прямо как в вонючих имперских ресторанах, с кухни в рот, набирайся сил, у тебя сегодня бой.

Он разговаривал с неизменной легкой улыбкой на устах. Этот человек, его зовут Ларук, главный надзиратель всей тюрьмы. Все, что было в нем человеческого, умерло давным-давно, если вообще было это человеческое. Не моргнув глазом, он может запытать раба до смерти, сломать им руки, ноги, морить голодом в воспитательных целях, а потом часами разговаривать с высокими гостями распорядителя, рассказывая о своих прелестных детях. Какая женщина вообще согласилась иметь детей от этого незатыкающегося чудовища? Конкретно с этой рабыней у него накопилась уже долгая история, в самом начале своего прибывания здесь, она часто пререкалась с ним, отвечая на его остроты нескрываемым презрением, постоянно целясь в самые больные его места, но с течением времени ее силы только убавлялись, постоянные побои и бои на арене не способствуют трате жизненных ресурсов на обычные пререкания, поэтому она стала просто молчать, смиренно выслушивая от этого говорливого и жалкого человечка все что он о ней думает, а поговорить он любил.

— Знаешь, ведь ты легенда у нас в казарме. Нет, правда, с остальными рабынями мои подчинённые резвятся как хотят и когда хотят, если этого не видит распорядитель, разумеется. Всё-таки портят товар. А вот к тебе не притронулся ни один, просто потому что ты убила всех, кто пытался, пусть сейчас ты уже и не в той форме, но память о трупах все еще у людей в головах. Но самое интересное то, что ты до сих пор жива. Знаешь, нам не составит труда заковать тебя в металл или применить магию, но ты хорошо показываешь себя на арене. Наш начальник имеет большие деньги на тебе, поэтому мы закрываем глаза на некоторые твои шалости.

Он пристально глядел на нее, ожидая хоть какой-то реакции, но ее глаза глядели в пустоту, она просто ждала и все, когда же этот человек наконец уйдет. Тем более что она знала, что он всегда хочет получить хоть что-то от собеседника, хоть оскорбление, хоть остроту, хоть поддержку, все равно, и поэтому она понимала, что игнорирование — это лучшая тактика для нее сейчас чтобы хоть чем-то ему насолить.

— Но все же я придумал хороший способ использовать твой буйный нрав. Буду заманивать к тебе новичков, чтобы не расслаблялись на местах, и учились доверию к людям. Ну да ладно, вижу, ты не в настроении разговаривать. На самом деле я пришел, чтобы подбодрить тебя. Босс поставил на тебя весьма внушительную сумму на этот раз, так что, если проиграешь и выживешь, добро пожаловать в наш дружный коллектив.

На лице у охранников мелькнула мерзкая ухмылка, но и тут девушка не показала ни единой эмоции. Все также молча взирала на пустоту перед собой. Наконец, Ларук поднялся со своего маленького трона и покинул апартаменты рабыни, за ним вышли его сопровождающие, которые и закрыли массивную дверь карцера.

Последний лучик света скользнул по измученному лицу девушки, прежде чем клетка вновь оказалась, в ставшем уже таким родным, мёртвом полумраке. Лишь когда удаляющиеся шаги совсем перестали быть слышны она позволила себе шевельнуться. Обхватив ноги руками и уткнувшись в колени лицом, пожелала вернуться в родные края, отрешившись на время от мира, и вновь ощутить тепло и уют родного дома, услышать смех сестры и отца, помочь матери с уборкой, а после, абсолютно спокойно и безмятежно, уснуть в устеленной самым мягким мехом, своей кровати. Но окружающий ее холод возвращал в реальность, сожженный дом и кровь на лице мертвого отца навсегда оставили в ее душе свой отпечаток. Она последняя, кто остался от ее семьи, и теперь она в плену, сама не понимая, чем они все это заслужили. По щеке скатилась одна единственная слеза.

“Отец, если я умру, кто будет помнить о вас? Наш дом сгорел, наша мать убита, сестру оторвали от меня уже очень давно, и ты тоже пал в бою. Если я умру, что от вас останется?”

Прошло немного времени, за дверью вновь послышались шаги подкованных сапог. Она размазала слезу по грязной щеке, ее взгляд вновь словно закаленная в вулкане, но ныне холодная, смертельная сталь.

“Я еще отплачу судьбе за всех вас, отец, дай мне только немного сил”

Громадный колизей величественно возвышался над всем городом, что раскинулся на берегу древнего моря и который, в свою очередь, без сомнения, только портил весь опустившийся пейзаж, словно художник случайно пролил всю свою палитру на только что законченное совершенное полотно. Стоя где-нибудь на высоком холме и глядя в сторону

моря, казалось, снести бы этот жалкий и неуместный городок, и оставить только лишь колизей да природу, красота этого места была бы неопишуемой. Построенная много веков назад уже давно забытым государством, давно забытыми мастерами и строителями, величественная арена с песком, который на протяжении всего своего существования жадно впитывал кровь несчастных бойцов, сражающихся только лишь для того, чтобы утолить жажду зрелищ достойной публики, в народе была названа Кровавым Колизеем. Со всего мира люди съезжались посмотреть на здешние бои, ведь по совместительству, несмотря на уродство местного поселения, оно являлось одним из самых больших рынков в Торговой Федерации.

Оглушая своим тягучим скрипом, лифт медленно полз вверх по каменной шахте в яркую неизвестность из уже такого знакомого мрака, приближая очередного воина к его смерти. Будет ли она сегодня жить или умрет, победит или проиграет, для рабыни это уже не имело смысла. Все, что у нее есть, это борьба. Пусть даже и на потеху публике, она не уступит своим надзирателям ни на минуту.

Двадцать демонов, рожденных в красных водопадах под кровавым песком, поднимались по всему периметру арены, чтобы принять участие в смертельном спектакле. Эти гладиаторы не были обычными рабами, каждый из них прошел уже десятки боев, закаленные в жестоких сражениях, каждый из них понимал, живым уйдет только один. Толпа ревела, приветствуя своих чемпионов. Сегодня будет заключено немало сделок, может кто из сражающихся и выживет, многие хотят иметь в своей коллекции гладиатора, тем более гладиатора чемпиона.

Девушка оглядела соперников. Как они нарастили такие мышцы? Видимо, были послушными зверушками, как того хотели их хозяева. Их не за что было сажать в карцер. Она принялась искать глазами знакомую ложу главного распорядителя арены и, по совместительству, ее нынешнего хозяина.

Распорядитель, как всегда, находился в своих личных апартаментах, в окружении красивейших рабынь, возлежал на бархатных подушках с вышитым золотыми нитями орнаментом. Подобные бои были для него не больше, чем прикрытием для ведения дел, поэтому в его личном уголке часто находились другие, весьма значимые, личности Федерации.

Но на этот раз рядом сидел не торговец. Его манеры не были похожи на манеры человека, привыкшего к тому, что каждое его желание незамедлительно исполняется. Сидел он не облокотившись на подушки, спина прямо, ноги крест-накрест, руки на ногах. Он отказался от винограда, вернее, чтобы его кормили. Сам взял роскошный поднос и начал методично поглощать одну виноградинку за другой. В отличие от распорядителя он явно находился не в своей тарелке. Тот шевелил только рукой, отгоняя или подзывая к себе новых слуг, которые и клали прямо ему в рот новые кушанья.

Увидев подошедшего к распорядителю главного надзирателя, девушка отвернулась от ложи. Она не хотела смотреть на него больше, чем требовалось. Нужно было сконцентрироваться на предстоящих убийствах и изучить соперников.

На подходе к городу Максвелл и Артемий устроили привал в редком лесу, необходимо было составить план действий.

— итак, давай подумаем, нам нужен боец, в данный момент лучший воин, на которого мы можем рассчитывать — это гладиатор, однако, если слухи не врут, если мы освободим Кхтонца, то он будет нам должен, и поможет в деле, разумеется, если на нем будет ошейник, так вдвое лучше, на рынках делать нечего, там точно нет опечатанных, да и нет у меня желания глядеть лишний раз на здешние достопримечательности, но думаю посетить его все же стоит.

Артемий недвижимо глядел на говорящего перед ним человека и не подавал ни единого сигнала о том, что слушает его. Тем временем Максвелл, прекрасно зная, что друг его все-таки слушает, продолжал.

— пока мы будем в городе я запрещаю тебе грабить или убивать тех, кто тебе не понравится, Федерация — главный враг империи, если в потасовке выяснится, что я имперец, нас зарубят за ближайшим углом, ты это понимаешь?

Шут все также не двигался, все равно что с деревом говорить.

— я как с деревом говорю, буду думать, что понял.

Артемий расставил руки в дружеском жесте, будто бы хотел обняться. Только Максвелл знал, что под маской у этого человека. Ее безжизненное дерево скрывало обезображенное пытками лицо. Несмотря на то, что его спутник был по-настоящему добрым человеком, убивал он абсолютно спокойно, это было для него также естественно, как ходьба. Однако он никогда не трогал достойных, по его личному мнению, людей, детей, стариков. Не трогал и тех, кто защищал свой дом, когда туда вваливался грабитель, в роли которого выступал сам Артемий. Определенно, его психика была повреждена.

Максвелл не знал, что с ним происходило до того, как нашел его в помойной яме рядом с имперской столицей. Но было очевидно, что шута пытали не один день, со знанием дела, чтобы он не умер сразу. Лечил Максвелл его очень долго, вправлял суставы, накладывал шины на сломанные кости, извлекал осколки, зашивал раны, потратил весь запас лекарств, а потом ещё год выхаживал и все удивлялся, как тот вообще выжил.

В итоге получилось намного лучше, чем рассчитывал целитель. Кости срослись хорошо, суставы работали весьма исправно, хоть и постоянно хрустели, но ни одного слова от Артемия Максвелл так и не услышал. Имя дал ему сам, в честь одного из артистов, которых он видел на бесплатных представлениях в столице империи. И, как позже оказалось, Арт имел неплохие акробатические способности, был невероятно гибок и быстр. Максвелл даже сомневался, нет ли у него катализатора. Настолько быстра его реакция. Впрочем, сомнения оказались беспочвенными, магией тот не пользоваться не мог, волшебство покидает безумцев.

Когда Максвелл впервые дал Арту клинок, то был приятно удивлен. Меч казался продолжением руки Артемия, тренировочное чучело было исполосовано вдоль и поперек в мгновение ока. Такой стиль боя Максвелл никогда не видел. Каждый новый удар плавно выходил из предыдущего, не забывая о ногах и второй руке, которые тоже периодически шли в ход, в результате чего на врага обрушивался невероятный шквал смертельных порезов. Это наглядно доказывало, что Артемий не простой человек, без темного прошлого в жизни явно не обошлось. При том, даже среди брата артиста, он выделялся своим профессионализмом.

Также не было числа фокусам, которые знал Артемий. Когда они останавливались в деревнях, он всегда собирал рядом с собой стаю детишек и начинал представление. Из простого: доставал камешки из-за ушей других людей, но иногда умудрялся вынимать живых птиц из кармана. Максвелл всегда удивлялся тому, когда он успевал их ловить. Но главное,

охотиться ведь его не заставишь, а для фокуса, так пожалуйста, все ради звука аплодисментов. Станный был человек, и опасный. Максвелл продолжал, он уже привык к тому что больше разговаривает сам собой, чем с Артемием.

— сначала пройдемся по рынкам, потом пойдем к арене, надеюсь, сегодня у них будут игры, все, спать.

Солнце уже опустилось за горизонт, весенние ночи уже не были настолько суровыми чтобы разводиться огонь, и путники просто укутались каждый в свой спальник. Максвелл лежал на спине и глядел в чистое звездное небо. Спустя почти шесть лет он все никак не мог привыкнуть к открытому небу над головой. На улицах родного района Аврелии, имперской столицы, они с сестрой еле сводили концы с концами, непрекращающееся чувство голода не способствует высоким размышлениям о тщетности бытия, да к тому же, если все-таки сделать усилие и вылезти на крыши покосившихся и тесных домиков рабочих районов, звезд на ночном небе города намного меньше чем здесь. Сейчас Максвелл размышлял о тех огромных глыбах, что проплывали по ночному небу. В этом мире их называют лунами, он читал теории о том, что это куски самого первого огромного небесного тела, когда-то бывшего целым, но расколовшегося на неисчислимое количество обломков, так они и летают вокруг уже сотни тысяч лет. Он любил время перед сном. Так уж привык, не думать в это время ни о прошлом, ни о будущем, ни о каких насущных проблемах, и очень не любил, когда перед сном его отвлекали. Так и сейчас, он просто размышлял о насущном, ценя каждый миг своего умиротворенного одиночества.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, они двинулись в путь, если не медлить, можно было добраться до порта к полудню, а при удачном стечении обстоятельств, к вечеру уже покинуть его, задерживаться лишнюю ночь в таком месте Максвеллу не хотелось.

Погода стояла ясная, насколько безоблачно было звездное небо, настолько же чистым и глубоким было небо и утром. Путники двигались к городу по одному из главных трактов, иногда мимо проносились гонцы с посланиями от купцов своим банкирам, но ни одного торгового каравана на дороге путники не застали. Максвелл снял с пальца кольцо и передал его Артемию, он умел прятать вещи так, чтобы те пропадали из материального мира насовсем, пока он о них не вспомнит.

— возьми мое кольцо, скоро будет пост, не хочу, чтобы во мне признали мага.

Арт кивнул, он принял драгоценность и быстро спрятал под своей накидкой. Приближался город.

Максвеллу было немного непонятно, как может такой большой город, состоящий на восемьдесят процентов из цепей, существовать без стен. Однако ответ на этот вопрос был довольно прост. Росакий, так назывался этот порт, являлся скорее перевалочным пунктом, чем городом. Постоянная текучка народа не давала и шанса на возникновение коренного населения, если не считать работарговцев, что постоянно сбывали здесь товар, или грузчиков, трактирщиков, и прочего обслуживающего населения. И даже то огромное множество кораблей, что постоянно курсировали в местном море, не принадлежали к этому порту. Корабли приходили и уходили, как и люди. Совершали сделки, выгружали товар и снова в море, освобождая место для новых кораблей, с новыми несчастными рабами.

Дешевая рабочая сила была ходовым товаром, особенно после войны, когда человеческого ресурса так не хватало. Поэтому Росакий не выгодно было захватывать. Не было ни производств, ни полезных ресурсов, даже деревья вокруг не годились для починки кораблей. Только бесконечные цепи, бесконечные страдания.

Большинство сооружений представляли роскошные шатры торговцев. Было и несколько барачков, складов, деревянных трактиров для моряков и прочих бытовых построек, они находились в основном ближе к порту. Береговая линия представляла собой сплошные причалы, казалось, не было ни одного свободного места между кораблями со всех частей света. Над всем этим великолепием и возвышался холм, на котором противостоял морским штурмам, вот уже не одно столетие, знаменитый Кровавый колизей. Именно вокруг этого холма и расположился самый большой в мире базар людских судеб, словно отвратительный нарост на теле земли, вызывал отвращение у двух путников, постоянно ищущих сами не знают чего, и от того хватаящиеся за любое дело, у которого по их мнению, был хоть какой то смысл, вроде оплаты старого долга, владелец которого потребовал возврата в недавнем полученном письме.

Впрочем, отсутствие стен не означало, что в город можно войти просто так. Со всех сторон его окружали ловушки для беглых рабов. Кроме того, голодные собаки всегда были наготове.

Наконец, путники приблизились к проходному пункту. Обычно въезд был свободный, но после войны в городе базировались несколько отрядов армии наемников торговой федерации. Согласно мирному договору, они обеспечивали безопасность имперских послов, которые выкупали военнопленных и имперских граждан, попавших в плен во время войны. Ведь Империя была прямым врагом федерации.

— Ну Арт, пора делать вид знатных богачей, молись, чтобы нас пропустили без проблем.

Проходной пункт представлял собой широкие деревянные ворота, распахнутые настежь. Они не вписывались в общую картину города. Видимо, солдаты построили их недавно. Зачем? Может, хотели принести хоть какой-нибудь порядок в этот бурлящий хаос.

Два путника подошли к воротам. Снаружи, на страже одиноко стоял сутулый мужчина, который лишь сдержанно кивнул, когда они прошли мимо. Однако за воротами, под навесом, обедали ещё трое. Максвелл кинул на них мимолётный взгляд и продолжил шагать, Артемий двигался следом. Но одному из стражников, не нравился его обед, он вскинул голову и прокричал.

— уважаемые господа, откуда путь держите?

Путники продолжали шагать.

— с пустынного государства, представители банка "Архан и сыновья", большего вам знать не полагается.

Говоривший поднялся со своего места, за ним неохотно поднялись и подчиненные. Командир или, вернее сказать, главарь, имел золотые драгоценности на пальцах и парочку зубов, сверкающих своим благородным металлом на полуденном солнце.

— а у представителей столь благородного банка имеются с собой необходимые бумаги? Лучше бы он продолжал обедать.

— бумаги у нас только для чеков, лучше скажите-ка мне офицер, с каких это пор для прохода к зоне свободной торговли требуются бумаги?

— с таких, как имперских граждан резать начали, кто-то хочет продолжать лить кровь на полях империи, а в прочем, это уже не нашего ума дело, вы мне вот что скажите, окажите милость, когда это представители банков начали передвигаться пешком?

— на дорогах много разбойников и дезертиров, мы не хотели привлекать внимание.

— логично, а чеки покажете? У вас и печать должно быть где-то завалялась, а то

бумажкой без печати только подтереться можно.

За спиной у командира раздался тихий смешок.

“Черт, а он не дурак, давит только так. Такими темпами наш поход за покупками закончится даже не начавшись.”

— Согласен, отсутствие печати выглядит очень подозрительным, у достойных людей я выменял ее вот на этот камешек, говорят, ценный.

Максвелл на ощупь достал из потайного кармана драгоценный камень и повертел перед лицом дотошного вояки.

— хочешь подкупить достойного представителя армии федерации? Да ты знаешь, что я могу с тобой сделать за такое?

Внутри Максвелла вдруг начал прокрадываться страх, резко захотелось развернуться и пойти прочь от этого человека, всего этого города. Ноги начали слабеть, ладони вспотели.

Так он всё-таки маг! Давит страхом, но волна страха слабовата. Судя по комплекции тела, он использует больше внутреннее воздействие.

“Нужно играть по его правилам.”

— вы правы, я не хотел вас оскорбить.

Максвелл достал второй камень.

— может так? Две луны третья сменит.

Солдат взял камни и положил к себе за пазуху. Волна страха сразу отступила.

— что же это вы, товарищи банкиры, без печати покупать собрались? Приятного пребывания.

После этих слов он откланялся и, с чувством собственной личной победы, отправился продолжать трапезничать, его подчиненные молча последовали за своим лидером, они уже не в первый раз проделывали этот трюк с подозрительными, по их мнению, личностями.

Отойдя на расстояние, с которого их не могли услышать, Максвелл заговорил:

— этот стражник — маг, ты тоже почувствовал? Странно, что он не обратил внимания на тебя.

Арт пожал плечами.

— у нас осталось всего три камушка, надеюсь, хватит. Два рубина ему отдал. Не смотри на меня, считаешь, мы бы с ними справились? Ты может и да, но я бы даже кольца не успел надеть, кстати о кольце, давай его назад.

Артемий протянул левую руку к уху Максвелла, тот не оборачивался, ему почему-то вдруг захотелось посмотреть откуда шут достанет его кольцо, поэтому не переставая следил за правой рукой. Но вот, нарочито медленно, шут проводит нагретым своим телом металлом по уху своего друга. Максвелл закатил глаза от неудачи и взял из руки Артемия свое кольцо. Магический катализатор, который является основой магии в этом мире. Особый минерал, Зионит, через металлический проводник, при прикосновении к коже человека, позволят использовать волшебство.

По сути своей энергия, которую возможно направлять по трем направлениям, и называется магией. Пять видов и четыре основных направления, двадцать способов применения, и каждое из них совершенствуется годами,

Магия имеет три воздействия и одно вдохновение: внешнее — разум, внутреннее — тело, духовное — душа и вдохновение. Имея пять спектров воздействия каждый из которых и делится на четыре уровня:

Воля (синий цвет): называется Потенциалом, внешнее — синие(потенциальные)

барьеры неспособные на движение, внутреннее — укрепление тела, увеличение силы мага, духовное — устойчивость к страху, вдохновение — не имеет пределов по применению энергии без безумия.

Гнев (красный цвет): называется Кинетикой, внешнее — красные (кинетические) барьеры способные только на движение, при остановке исчезают, внутреннее — повышает скорость и силу мага, духовное — воздействие страхом, сжигание воли противника, вдохновение — яркий красный луч, сметающий все на своем пути.

Радость (золотой цвет): называется Созидание, внешнее — лечение болезней или ран, внутреннее — усиленное заживление ран (не регенерация), духовное — снижение тревожности цели, внушая чувство безопасности (работает как наркотик), вдохновение — регенерация тела.

Любовь (серебряный цвет): называется Восприятие, внешнее — передача энергии другому магу усиливая используемый им спектр, внутреннее — вызывание влечения к магу, духовное — передача чувства влечения другому предмету, вдохновение — одновременное использование воли для усиления передачи энергии.

Уныние (черный цвет): называется Становление, внешнее — замедление времени, внутреннее — замедление процессов тела, укрепление тела, духовное — наложение апатии, вдохновение — замедление во времени отдельного объекта.

Применения колдовства не происходит без последствий, нельзя использовать слишком много энергии из-за пагубного влияния на психику мага. Если не знать меры, человек легко может обезуметь, исключением является только воля, злоба же, наоборот, является самой восприимчивой к безумию школой. Обезумевших от использования силы называют выгоревшими, катализаторы таких людей становятся непригодны для дальнейшего использования из-за того, что те начинают без конца высасывать энергию из использующего их мага, который в свою очередь не в состоянии прервать процесс, такие катализаторы называют пепельными. Цвет кристалла катализатора принимает цвет самой часто используемой энергии. Одновременно можно использовать только одно направление.

Помимо пяти основных направлений еще существует воздействие на разум, которое не входит ни в одну школу, некоторые называют эту технику шестой школой, или темной. Эта магия, как и замедление времени, считается черной магией и строжайше запрещена на территории всех существующих государств.

Учёные мало что понимали в первоисточнике волшебства, но несколько фундаментальных фактов всё-таки имели место быть. Сила магии напрямую зависит от определенной эмоции человека, например, ярость увеличивает силу и скорость, ввергает другого человека в страх или создаёт кинетические барьеры, в зависимости от типа воздействия. Каждый маг в основном использует одну эмоцию, наиболее близкую его характеру и одно воздействие, так как совершенствоваться в управлении магической энергией необходимо годами. Но чаще всего маги избирают управление при помощи воли. Эмоции непостоянны и зачастую непредсказуемы, а воля позволяет погасить чувства и сосредоточиться на магической энергии.

Надев кольцо, Максвелл почувствовал себя увереннее, все-таки он был практически беспомощен в битве без волшебства, да и с кольцом, на самом деле, не считал себя сильным магом. Хоть он и отдал много времени на оттачивание Потенциальных барьеров, он все же был мастером Созидания.

Мимо прошла колонна рабов в ошейниках и цепях. Внутри у Максвелла начала закипать

злоба. Сохранять холодный разум в таком месте будет сложно. Уже спустя минуту после проходных ворот, со всех сторон от дороги стали появляться стойки под навесами с товарами со всех концов мира, за каждой стойкой было видно по шатру различной степени роскошности. В основном товарами были конечно сувениры, диковинные инструменты, вина, ковры, картины, и много чего еще, в этой части очень редко попадались торговцы живым товаром, основная масса таких находилась в центре города-рынка. Видя подобные товары Максвелл каждый раз отворачивал взгляд. Он не считал себя высокоморальным человеком, но почему-то не мог спокойно смотреть в обреченные глаза несчастных в цепях. Но он все же не смог отвернуть взгляда от одного из прилавков, того, товаром за которым были дети. Почти инстинктивно, он свернул прямо в сторону торговца. Шатер за прилавком был потрепанным, виднелись многочисленные заплатки, владелец переживал не лучшие свои дни. Максвелл подошел к прилавку, хозяин товара с широкой улыбкой, только ртом, но не глазами, поприветствовал по всей видимости единственного заинтересовавшегося за все утро его маленьким навесиком.

— удачи на пути друг мой! Заинтересовались моим товаром? Это вам не простые рабы, из них вы сможете создать человека, который вам необходим, воина, разносчика, или обучить наложницу, все в вашей власти.

Усталыми глазами Максвелл посмотрел на детей в цепях, в прочем, рядом стояли еще и несколько взрослых, но эти хоть успели пожить... так он размышлял. Судя по виду, возраст от самых юных до самых взрослых составлял от 9 до 14 лет. Насколько это возможно, Максвелл оценил их состояния со своей профессиональной, врачебной точки зрения, после чего обернулся к торгашу.

— и кто же кует кандалы для детей?

— те же что и для взрослых, господин, форма у них одна как видите, круглая.

Торгаш, в яром желании во всем угодить своему оппоненту, вытянул за цепи руку одного из взрослых и приставил к запястью первой попавшейся девочке чтобы сравнить кандалы. Максвелл смотрел на него без эмоций, всю злобу внутри него поглощал особый канал, который ему подарили берсерки, но кроме злобы присутствовали и обида с прехрением.

— я не госоподин, даю по три серебра за мальчиков, пять за девочек, с кандалми.

Торговец перестал улыбаться, стал просчитывать ходы для торга.

— не пойдет! Десять за девочек, восемь за мальчиков, и ни гроша больше! Посмотрите на эту красавицу, она одна за двадцать серебрянных отойдет.

Он вытянул из толпы красивую девочку лет тринадцати, такую же худую, как и остальные. Максвелл все так же не показывал эмоций, он послал в сторону торговца волну страха, чтобы тот перестал своими нелепые попытки воздействовать на разум покупателя восприятием, и принялся на него давить.

— эти дети не с Дитрекеля, они с Илена.

Торговец отпустил девочку и, неожиданно сам для себя, признался.

— да, господин, все так.

— эти дети недостаточно молоды, а это значит, что они не забудут своего дома, если среди них окажутся Кхотнцы, или подобные им племена, это обернется большими потерями для меня, ты это понимаешь?

Максвелл блефовал, он мало что знал о Кхотнцах, например то, что они были отличными воинами, и предпочитали смерть служению, да и то, это были просто слухи, рассказанные в пути караванщиком. Но на торговца подействовало. Торговец осекся, он был

раздосадован тем, что выдал эту информацию.

В народе Кхтонцы были известны своей несгибаемостью. Племя воинов, их было очень сложно захватить в плен, а те, кого удавалось всё-таки увезти с материка, сражались в гладиаторских боях до самой своей смерти. Максвелл знал о запрещённой в империи магии, которую применяют для дополнительного сдерживания таких рабов. Она называлась просто — ошейник. Темное искусство, забирающее частичку сущности человека, и заточающее ее в чистом белом катализаторе. После этой процедуры катализатор не менял своего цвета при воздействии магии, а еще с помощью этого камушка можно причинять невыносимую боль без риска убить. Избавиться от такого ошейника было практически невозможно. Никто пока не знал, существуют ли на соседнем материке ещё такие племена, как Кхтония. Поэтому рабы с неизвестных земель не считались надёжным приобретением.

— н-но, поймите же господин, я не могу поставить цену ниже, иначе я просто-напросто разорюсь.

Страх сделал свое дело, он выдал свою слабость, Максвелл был его последним шансом на хоть и бедную, но все же не нищую жизнь банкрота. И все же он не испытывал к торгашу ни малейшего чувства жалости.

— я не господин, даю восемь за девочек, пять за мальчиков, или рассказываю каждому встречному о детях с иного континента которых продают за этим прилавком.

Торговец сник, у него не было выбора, он принял свою слабость перед напором страха от собеседника, и принял свое нищее будущее.

— хорошо, бери

— заберу их вечером, не смей покидать этого места.

После этих слов Максвелл, не прощаясь, развернулся и двинулся прочь, почему-то он не взглянул ни на детей, которых только что купил, ни на взрослых, которых оставил в кандалах, ему просто было противно все это. Артемий же, присев перед девочкой, которую демонстрировал торговец, достал из-за балахона белый и очень красивый маленький цветочек, который и вручил ей. Девочка не брала подарок, запуганная, она стояла, сцепив руки и опустив глаза к земле. Максвелл окликнул своего друга. Тогда Арт аккуратно положил цветок за ухо девочке, от чего та вздрогнула, но не подняла взгляда. Шут поднялся, когда он нарочито медленно разворачивался, то провел практически рядом с горлом торговца неизвестно откуда взявшийся в его руке кинжал, миллиметр, и из разрезанного кадыка со свистом начал бы выходить воздух, но Максвелл просил не убивать, поэтому кинжал исчез также незаметно, как и появился. Торговец замер в нерешительности, а Арт беззаботно зашагал к своему другу.

Наконец они направились к главному рынку, в сторону колизея, что был виден с каждой точки города. Артемий двигался впереди, он ушел с главной дороги и принялся бродить среди шатров с таким видом будто что-то выискивает. Максвелл шел за ним, много раз он намеревался уже бросить этого шута и пусть он сам здесь гуляет. Но вот они вышли на главную площадь, разумеется, не по дороге, а протиснувшись между двух стоек с товаром и заслужив недовольные взгляды их хозяев. Максвелл отряхнулся.

— я так понимаю, ты осмотрел все интересующие тебя шатры, ты не торопился.

Путники огляделись, главная площадь представляла собой огромный рынок, который простирался по всей окружности вокруг большого холма, на котором расположилась кровавая арена. Куда ни кинь взгляд, повсюду были люди, что-то смотрели, с кем-то спорили о цене, были слышны зазывающие крики хозяев палаток, а в воздухе пахло пылью,

благовониям и духами со всех концов света. А еще наряды, люди со всех концов света собирались здесь, пестрота и разнообразие нарядов соответствовала всем международным стандартам. Мимо проплыла пышно разодетая барышня, Максвелл опознал в ней аристократку из северного королевства, Артемий же бесстыже осматривал каждую складку на ее платье, даже когда она это заметила и смутилась до тех пор, пока не исчезла из поля зрения среди толпы.

Путники обошли весь рынок, Максвелл мельком глядел на людей в цепях, видя в основном рабочих, пару раз они останавливались у палаток, люди у которых не выглядели словно загнанные животные, если вообще можно давать такую характеристику обреченным. В одной из таких палаток хозяином был подтянутый дед с неприятным скрипучим голосом.

— чего желаете уважаемые люди?

Спрашивал он при виде потенциальных покупателей.

— гладиаторы есть?

Работорговец почтенного возраста со скрипом ответил:

— опытных нет, но есть один интересный экземпляр, воин племени Ломан.

— Ломанцы плохие воины.

— это правда, но и среди стада панцирных коров найдется бык с рогами.

— ладно, показывай.

Старик проскрипел команду своему молодому помощнику и тот вывел из толпы рабов коренастого и высокого человека.

— смотрите, когда его ловили, то руки повязали к туловищу, потому что он, как дубиной, связанными руками забил одного из охотников, очень сильный воин, свою цену отобьет, отдам за 20 серебряников.

Максвелл посмотрел на человека, тот был на голову выше его, с мускулами по всему телу, в глазах жуткая усталость, но в основном он создавал впечатление большого, сильного, глупого добряка. Может те, кто брал его в плен, убили кого-то, кто был ему дорог. Бедная душа. Мог бы он ему помочь... Но такой большой человек будет привлекать слишком много внимания в столице со своим типажом.

— не пойдет, безусловно он силен, но не воин, и свою цену не отобьет.

— ну как знаете.

Максвелл вышел из-под навеса, на него смотрел Арт.

— пойдём отсюда, плохая была идея искать воина среди невольников нужно найти ночлег, думаю, в порту найдется таверна для моряков.

Они направились в сторону порта. Максвелл опустил глаза, ему не хотелось больше смотреть на все, что происходит вокруг, зато Артемий, не стесняясь, разглядывал все что попадалось на пути. Тут Артемий потрогал своего спутника за плечо.

— что такое?

Арт показал куда-то в сторону прилавков. За толпой народа некоторое время не было видно ничего примечательного, но вот люди немного расступились, и Максвелл увидел человека, одетого в цвета империи. Черный сюртук с узорами из золотой нити на рукавах. Человек спорил с работорговцем. На самом деле их спор больше напоминал потасовку, они кричали и обзывали друг друга самыми последними оскорблениями. Имперец кричал про условия мирного договора и обязанности сторон, а продавец, что все законно и скидку он не сделает. Вокруг уже начала собираться толпа зевак, Максвелл тоже заинтересовался. Суть конфликта была в том, что у работорговца находились во владении три бывших солдата

империи, за которых он заломил такую баснословную цену, словно эти трое должны быть, как минимум, новыми богами среди людей, а имперский посланник обвинял торговца в наглости, с которой даже в портах пустынного государства не встречался.

— ты чемпионов колизея продаешь?! Откуда такая цена?! Это граждане империи. Я имею полное право просто увести их отсюда и не давать тебе ни гроша.

— увести ты можешь только свой золотой зад на имперском корыте, что тебя сюда привезло! Один золотой за каждого! Используй договор и плати свои 50 серебра, или проваливай в свою нищую страну.

Рядом с человеком в чёрном стояли три охранника, только один из которых глядел в сторону спора, остальные двое не отводили враждебных взглядов с наемников, которые остановились между толпой и спорящими, и которые, по задумке, должны были охранять имперцев от покушений еще разгоряченного после недавней победы народа.

— да вся экономика Федерации держится на имперских товарах! Твой недальновидный умишко не видит ничего кроме своего маленького царства рабов и хвастунов.

Толпа начинала недовольно гудеть, все здесь были против человека в черном, пусть он был и прав. Максвелл подумал, что нужно выручать соотечественника, не то чтобы ему было до него дело, но у этого человека мог быть корабль, на который возможно посадить купленных детей. Он начал пробираться сквозь толпу невзирая на недовольные выкрики в его сторону. Наемники не делали попыток его остановить и Максвелл без препятствий подошел к имперцу, опустил свою руку ему на плечо.

— я обучался в столичной академии на факультете Созидания, позвольте мне взглянуть. Тот был удивлен таким поворотом событий, откуда в таком месте лекарь императорского уровня?

— за дурака меня принимаешь? Имперские целители слишком ценны для нас, чтобы ошиваться в подобном нецивилизованном отстойнике по ошибке названным городом.

Последние слова были сказаны нарочно громко, чтобы их услышала толпа, люди начинали шуметь еще громче, начали выкрикивать личные оскорбления в сторону спорящих

— после этой выходки, да, я считаю тебя дураком, дай мне поговорить с торговцем.

Максвелл не стал дожидаться одобрения со стороны соотечественника, подошел к торговцу, и начал что-то тихо ему говорить, затем показал на одного раба, потом на другого. Имперец видел, как округлились от страха глаза работоторговца, Максвелл определенно нащупал нечто грязное в его товаре. Они закончили разговор, после чего торговец подозвал своего недавнего противника к себе и тихо сказал:

— серебряный за каждого с учетом скидки, бери и уходи.

Имперец удивился

— решил заняться благотворительностью?

— замолчи, давай деньги и уходи.

Максвелл в это время взял ключ у работоторговца и сам отправился освобождать троих счастливиц.

— вы свободны, война закончена, так что отправитесь прямиком по домам.

Двое из пленников были среднего возраста, по виду шрамов, опытные солдаты, побывавшие не в одном сражении помимо недавней войны. В их глазах Максвелл видел благодарность. А вот третий пленник — совсем еще зеленый, лет 19, наверняка, отправился на войну по патриотическим соображениям, душу и тело императору. На его глазах появились слезы.

— рано расслабляешься, ты еще не дома.

Однако молодой не мог сдержать слез, двое благодарственно кивнули и повели товарища к своему человеку в черном.

— плачущий мужчина в империи, это норма?

За эту колкость торговец получил мощный удар по животу от своего оппонента. Стража напряглась, но конфликт не получил продолжения.

Аврелианцы двинулись за своим посланцем, Максвелл присоединился к ним. Почувяв было будущую драку, люди сначала притихли, но быстро разочаровались и быстро разошлись. Из толпы вынырнул Артемий чтобы тоже присоединиться к своему другу и, пользуясь вниманием людей, которое неизбежно привлекает своей маской, принялся за свои фокусы. Пленникам он сначала показал со всех сторон пустые ладони, а потом достал из-за уха одного из троих своих зрителей монету. Свое выступление он завершил изящным реверансом на ходу, после чего приблизился к Максвеллу, и уже привычно зашагал рядом. Имперец взглядом непонимания глядел то на шута, то на своих охранников, одновременно давая тем знак, чтобы не трогали его.

— это что за чучело? Не удивлюсь, если он твой друг.

— все так и есть, его зовут Артемий, он странноват, но в некоторых обстоятельствах незаменим.

Аврелианец фыркнул.

— ему просто не хватает внимания, я — Лоренций, Лоренций Фаркасес, если будет угодно, с кем имею честь?

— Максвелл, безродный.

— благодарю тебя, Максвелл, я в этом клоповнике уже неделю маринуюсь, и денег, чтобы выкупить этих несчастных, честно скажу, у меня не было. Расскажи, как ты его уломал? При том так быстро.

Максвелл задумался, “Маринуется”? Ни один аристократ не выражается подобными терминами.

— благодарность принимается, я ведь говорил, что учился на Созидателя, у его рабов очень опасный грибок на коже, очень заразный, я указал ему на него, рассказал симптомы, о которых он и так уже знал, и начал угрожать, что прокричу о больных рабах при всей толпе, которую вы собрали.

Лоренций улыбнулся.

— ох, да уж, я подозревал о чем-то таком.

Тут он встрепенулся.

— эти трое заражены?

— на самом деле, я не уверен, что это грибок, мне необходимо исследовать образцы, чтобы это определить, однако, чесались там практически все, промой руки уксусом, а этих трех изолируй временно от остальных.

— и что же мне, держать их взаперти две недели в море?

Лоренций повернулся к своим охранникам.

— не трогайте новеньких, пока мы не разберемся, что с ними.

После этих слов освобожденные начали переглядываться, Лоренций не счел нужным объяснить им причину столь странного приказа. Он вновь вернулся к Максвеллу.

— думаю, я могу найти место для двух путешественников на моем корабле, если вам нужна переправа по морю, отправляемся мы завтра с восходом, опоздаете — уплывем без

вас.

— благодарю за предложение, мы подумаем, я так понимаю, с этими троими также нужно будет что-нибудь решать.

— именно, и сейчас мы отправляемся к кораблю, где ты займешься помощью троим несчастным, разумеется, награда ждет там же.

Этому человеку не хватало такта. Однако отказать ему Максвелл не мог, он знал, что все равно останется, чтобы помочь больным. Хотя Лоренций мог быть и повежливее. А может он никакой не аристократ?

— не вижу смысла упрекать тебя в манере общения, просто чтобы ты знал, я иду с тобой, потому что могу помочь этим людям, а не потому, что ты решил, что имеешь надо мной власть, враги в наше время ближе друзей.

При последней фразе Лоренций остановился и посмотрел в глаза Максвеллу. Он действительно не настоящий аристократ.

— однако все иначе.

Максвелл кивнул, они друг друга поняли.

Вот уже начался портовый район, утопанный миллионами ног песок под ногами, сменился брусчаткой, вокруг замаячили серые здания складов и бараков для рабов, а дальше, вдоль причала, находился жилой район для моряков: трактиры, бордели, гостиницы. Группа из девяти человек остановилась у причалов, где разгружались корабли со всего света.

— видите? Моя Заря, единственное достойное судно среди прочих присутствующих здесь корыт.

Максвелл посмотрел, куда указывал Лоренций. Учитывая род занятий контрабандиста, он ожидал увидеть гнилую посудину, плывущую на одной воле Пантеона, но был приятно удивлен. У причала стояла достойного вида каравелла.

— идемте на борт, там и поговорим.

На кораблях в порту виднелись флаги самых разных стран: Пустынное, Северное Королевство, пара неизвестных Максвеллу флагов с Илена, были видны даже несколько пиратских флагов, эти здесь чувствовали себя прямо как дома, имперских же флагов не было видно вовсе. Отряд поднялся на борт. Лоренций приказал своим охранникам:

— заprite этих троих в карцере, и пусть никто к ним не прикасается.

Сопровождающие их стражники молча кивнули и принялись подталкивать в спины принявшихся судорожно переглядываться пленников. По всей видимости они находились в некотором замешательстве от того, что посчитали себя ошибочно освобожденными из первого плена, а теперь понявшие, что просто вновь сменили хозяина. В прочем, Лоренц не считал нужным посвящать их в свои планы.

— мог бы и помягче, они, наверняка, уже распрощались со всем, что знали раньше.

— мог, но я их всё-таки купил, и теперь они моя собственность. А ты думал, я их освобождаю?

Максвелл непроизвольно чуть прищурил глаза. Неужели он был обманут радостью встречи с соотечественником в этом чужом краю? Этот человек не лучше тех работорговцев, что остались на рынке.

— ахаха! Да шучу я! Ты же сам сказал изолировать, а заодно пусть осознают, кто главный на этом шикарном судне. Чего не смеёшься?

Максвелл едва заметно улыбнулся после небольшой паузы скорее не от остроумия капитана, а от глупости, которая придавала очарование его насмешке.

— эта шутка не для всех, сначала я соберу с них образцы, а потом поговорим о делах на дне.

— согласен.

Лоренц подозвал молодого юнгу, драющего палубу за какую-то провинность.

— эй свежачок, запомнил, как нужно обращаться со старшими? Помни, каждый из них умнее и опытнее тебя, чтобы больше подобным не промышлял, понял?

— так точно, капитан! Больше никогда!

— вот и молодец, сопроводи этих достойных людей в карцер и принеси им все, что попросят.

— сделаю, капитан!

Максвелл повернулся к Лоренцу.

— это не займет много времени.

Артемий и Максвелл двинулись под палубу за мальчиком, на вид ему было лет 15, он был здесь самым молодым обывателем. Койки моряков пустовали, все проводили время в порту, на корабле оставалась только вахта. Максвелл спросил у юнги:

— за что ты был наказан, малец?

— я решил, что лучше знаю, как завязывать ходовой узел, за это устроил драку со старшим.

— и кто победил?

— в момент, когда я упал на землю, чтобы после контратаковать, появился капитан и вмазал тому верзиле раньше меня, потом ещё долго кричал, что тот зашёл слишком далеко, хватило бы просто подзатыльника.

— больно тебя отдубасили?

— побили, попинали, не в первый раз и не в последний. Но в целом моряки здесь порядочные, капитан всех лично подбирал, вот мы и пришли.

Максвелл осмотрел карцер, прямой коридор, по две квадратные клетки с двух сторон, никаких излишеств. Кроме трёх новеньких, в противоположной клетке сидел ещё один человек, он просто молча смотрел на новоприбывших. Максвелл обратился к Юнге.

— мне нужна стеклянная или фарфоровая чашка, и принеси питьевой воды.

— сделаю.

И выбежал исполнять поручение.

Максвелл начал доставать свою сумку с медицинскими инструментами.

— Арт, мне нужна слизь Радужного жука.

Артемий начал доставать из своего рюкзака контейнер, внутри у него была зеркальная поверхность, а между коробкой с ингредиентами и внешней стенкой был наложен лёд. Он достал нужный флакон и вручил его Максвеллу. Один из пленников спросил.

— господин, что с нами будет? Зачем вы нам помогли, если все равно посадили за решетку?

Вопрос задал один из старших солдат.

— да это у Капитана такой извращённый юмор, вы здесь потому что больны заразной сыпью, только и всего, я вам помогу и вас освободят, и я не господин.

По трем пленникам прокатилась волна облегчения. Максвелл достал из сумки скальпель из роскошного набора, который Арт украл у одного целителя из знатного рода. пока они вынужденно гостили в осажденном городе, натянул на руки перчатки.

— пододвиньтесь ко мне, я сниму с вас пробы.

Он по очереди соскрёб кожу у всех трёх солдат. Через пару минут вернулся юнга.

— принес чашку, и Капитан велел передать, что скоро вас накормят.

Максвелл принял чашку, налил в нее слези жука, а сверху высыпал кожу со скальпеля, сверху накинул кусок ткани, после чего обратился к своим пациентам.

— капитан менее чёрствый чем выглядит, я вернусь к вам позже, не скучайте.

Он очистил и вернул скальпель в набор. Артемий к тому времени уже сложил ящик обратно в портфель, Максвелл вновь обратился к мальцу.

— ну, веди нас к своему капитану.

Юнга молча развернулся и повел их через трюм назад, на поверхность.

Каюта у капитана была роскошная, кресла с позолотой, картины в богатых рамках, а подобные золотые столы Максвелл последний раз видел только в кабинете у ректора в имперской академии, как же давно это было, по его личному мнению, это уже было чересчур роскошно для простого контрабандиста. Обеденный стол, за которым сидел Лоренц, был накрыт. Сервировка стола тоже была не из дешёвых.

— если после тебя я не досчитаюсь вилки, пеняй на себя, из-под земли достану, а вилку свою верну, понял!?

Артемий остался снаружи, наверняка развлекал своими фокусами того юнгу.

— я пересёк пустыню, горы, леса и овраги, мерз под тундровым северным сиянием только ради того, чтобы придти на этот корабль и украсть твои вилки.

Лоренц и не пытался скрыть свое недоверие в мимике своего лица, глядя на своего собеседника. Он явно не любил, когда кто-то шутил над ним, в то время как сам считал себя еще тем шутником.

Максвелл занял место напротив капитана.

— сколько в жизни чурбаков перебрал?

Это был вопрос, который задавали только на дне, так члены этого преступного сообщества узнавали ранг друг друга. Лоренц ответил

— на век бродяги хватит.

Ранг бродяги был самый распространенный на дне. Им владели рядовые члены, такие, как контрабандисты, воры, рэкетеры. Максвелл был летуном, что означало гонец, он в основном передавал послания и посылки.

— я летун, предлагаю перейти на человеческий язык.

— согласен, лишних ушей на моём корабле нет. Угощайся, вино прямиком с пустыни, лучший сорт Венгарского красного.

Не дожидаясь ответа, Лоренц откупорил бутылку и разлил по бокалам содержимое. Это была последняя проверка, по правилам сообщества первым пьет или ест хозяин, чтобы показать, что еда не отравлена, такое же правило было и у имперской знати.

— не хочу пить на голодный желудок, но ты не стесняйся.

Капитан без колебаний залпом осушил свой бокал. Этот человек не был ценителем вин. Максвелл тоже сделал глоток для приличия, он же и спросил.

— имперский контрабандист решил прикупить парочку рабов? Насколько я знаю, даже в нашем скромном сообществе недолюбливают работоторговцев.

— долго рассказывать, мы ещё не раз побеседуем во время плавания, сейчас нам нужно придумать что делать дальше, я так понимаю ты тоже здесь не без причины? Маг созидания, да ещё и летун, ты либо меня обманываешь, либо самый странный человек которого я встречал. Расскажешь, как так вышло?

— по правде говоря, я не закончил обучение, да и курьер я не особо хороший, но, как ты сам заметил, на истории у нас сейчас нет времени, ты прав в том, что мы здесь не без причины.

Лоренц на время остановился в поглощении запеченного цыплёнка, чтобы пристально всмотреться в своего сотрапезника.

— планка доверия сдвинулась в сторону твоего вранья, а в прочем, не хочешь рассказывать, не нужно, у всех свои скелеты в шкафу, ну, что за дело?

— дело в столице связанное с нашим сообществом, и для этого я ищу хорошего воина, даже не хорошего, а лучшего, путь предстоит неблизкий, поэтому чем меньше будет отряд, тем проще спрятаться от Легиона.

— и для этого ты пришел в город, где все воины, это недокормленные задохлики, привыкшие к цепям?

— Росакый был нам по пути, и мы решили попытать счастье, на самом деле я надеюсь найти Кхтонца с ошейником, это был бы самый лучший исход дел.

— ну все, теперь я точно никогда не поверю в то что ты императорский целитель, твои моральные устои ниже плинтуса, ни один целитель даже не подумает о том, чтобы причинить вред человеку, и тем более использовать ошейник.

— я же сказал, я не закончил обучение, в прочем, оправдываться перед тобой я не стану, и тем более раскаиваться за грехи, у меня есть поручение от крысиного совета, и ты мне поможешь.

Последняя фраза разозлила Лоренца.

— не смей указывать мне что делать! На моём же корабле!

Лоренц встал чтобы пройти по каюте капитана. Крысиный совет — это правящая верхушка преступного сообщества называющее себя Дно, все преступники империи кланялись им и подносили дань, и Лоренц не был исключением. После того, как опытному контрабандисту удалось усмирить свой излишне вспыльчивый нрав, он вновь смог размышлять холодно и расчетливо.

— я помогу тебе пересечь границу, и высажу вас в порту Геринбурга, отплатишь тем, что вылечишь тех троих в карцере. Если, конечно, ты и вправду лекарь.

Максвелл почувствовал укол совести, несмотря на скверную привычку раздавать приказы, Лоренц был достойным человеком. И все же, доказывать, что ему самому противно до глубины души то что он собирается сделать бессмысленно. Ему нужен верный боец в самый кратчайший срок. Честный Дрын не стал бы посылать за ним без крайней необходимости, а значит, стычки с имперскими Легионерами неизбежны, а это очень опасные противники.

— мы с Артемием оставим вещи на корабле, возможно уходить придется в спешке.

— ваши вещи под надёжной охраной, ищи себе раба с лёгкой душой.

На Максвелла не произвела впечатления последняя колкость, он положил столовые приборы и молча вышел из каюты капитана. На палубе было веселее чем в каюте. Моряки сгрудились на носу корабля, пели и танцевали в кругу кто как умел. А ритм для всего этого великолепия задавал в самом центре движения Артемий, играя на гитаре, видимо, одолжил у кого-то из экипажа.

Максвелл помахал своему другу и тот, под недовольные крики моряков перестал играть, с виноватым видом положил гитару и откланялся благодарной публике. Двое путников сошли с корабля.

— не волнуйся, мы отправимся с ними в плавание минимум на неделю, они ещё полюбят твои бесконечные фокусы.

Эти слова взбудрили Арта. Небо приобрело оранжевый оттенок, солнце клонилось к горизонту.

— пора на арену, надеюсь, мы найдем нужного нам человека, и нужно не забыть про детей.

Два путника двигались по вымощенной в далекой древности, потёртой миллионами ног, древней брусчатке порта. Каравелла Лорена еще не успела затеряться среди множества мачтовых кораблей, как дорогу им преградили трое весьма недружелюбного вида мужчины. Они не были одеты как простые наемники, вместо этого на них была настоящая форма армии федерации, коричневый с желтым цвета показывали их принадлежность к сфере Распорядителя. Самый крупный из трех стоял спереди, двое поменьше ожидали сзади. Максвелл сразу оценил ситуацию, у них с Артом не было времени на местные разборки, поэтому вопрос нужно решить быстро, а для этого нужно взять ситуацию в свои руки. Он начал черпать силу из катализатора и проговорил.

— ребята, вы заблудились? Дешёвые алкоголь и женщины ниже по улице, мы же берем втрое дороже.

Тут появилась синяя вспышка, это Максвелл создал синий щит и отгородил барьером здоровяка спереди. Одновременно с вспышкой Арт сорвался с места, два кинжала уже блестели в его руках. Противники хоть и были с оружием наизготовку, но мало что успели сделать. Арт бросил между ними свой взрывной шарик, затем, пользуясь недоумением противников, метнулся влево так что они образовали линию один за другим. Рукояткой левого кинжала он ударил первого противника по внутренней поверхности бедра, а правым аккуратно надрезал шею противника. Второй уже занес саблю для удара, он оттолкнул своего боевого товарища и обрушил удар в сторону противника. Артемий парировал удар сабли, отошел в сторону и пнул шагающего по инерции бойца в спину так что тот полетел кубарем по мостовой.

Громила совершенно неожиданно оказался магом, разумеется, он использовал гнев, в сторону максвелла летели кинетические заряды, которые разбивались о барьер воли Максвелла, но бесконечно это продолжаться не могло, он снял барьер и на него мгновенно обрушилась булава громилы. Максвелл выставил руку и направил в нее заряд энергии, не забывая укрепить и тело с ногами, чтобы энергия удара ушла под землю, булава отскочила от руки, сила удара перешла в рукоять, и здоровяк зарычал от боли в кисти. На руке не осталось ни царапины, при направлении магии внутрь воля укрепляла тело мага. Здоровяк взвыл от ярости, он не ожидал такого сопротивления, Максвелл ощутил прилив страха в разуме, но его воля была сильнее ненависти противника, вдруг полетели новые красные иглы, Максвелл выставил барьер, на этот раз они были слабее, бугаю не хватало умения чтобы грамотно комбинировать страх и кинетические барьеры. Он вновь накинулся на противника беспорядочно размахивая своей булавой. Тот принимал все удары на себя, стараясь чтобы булава своими попаданиями не повредила снаряжение, его противник не был способным волшебником, необученных стрелков легко победить, запас ярости очень быстро иссякает, если использовать его подобным неотесанным образом. Удары бугая стали медленнее,

слабее, он начал задыхаться, и, в конце концов, просто остановился и упал на колени без сил, он дошел до предела использования волшебства, следующий этап после полной потери сил, это безумие.

Максвелл обернулся чтобы посмотреть на своего спутника, тот уже преспокойно стоял, облокотившись на стену, и наблюдал за своим другом. У его ног держался то за кровоточащую шею, то за ногу, один из нападавших, второго не было видно. Максвелл был немного озадачен.

— а второго ты съел что-ли?

Артемий сделал вид что закатывает глаза, но прорези вместо глаз на маске были чернее бездны. Максвелл вновь повернулся к своему противнику.

— итак, кто вы и чего хотите?

Здоровяк поднял на него взгляд, открыл было рот чтобы что-то произнести и упал без сил на мостовую.

— как империя вообще умудрилась проиграть таким “талантливым” бойцам? Я ведь тебя даже ни разу не ударил, а ты лежишь.

Максвелл подошел к лежащему на земле у ног Артемия, умирающему, по его мнению, человеку.

— так, а ты что-нибудь скажешь?

Человек лежал на земле зажимая рану на шее и смотрел испуганными глазами на Максвелла.

— если ответишь мне на вопросы я тебя перевяжу, и ты будешь жить. Договорились?

Человек покачал головой.

— я уверен, что ты можешь говорить, ответь мне словами.

— отвечу, спрашивай быстрее.

— что личному отряду самого надзирателя нужно от нас?

— мы должны доставить вас к господину, он хочет с вами поговорить.

— с нами обоими?

— да.

— так, а зачем вы тогда напали на нас раз хотели только поговорить

— мы не нападали! Это ты напал первый!

— прошу тебя запомнить, что очень сложно напасть с одним лишь потенциальным барьером под боком.

— да какая разница! Перевяжи меня! Или я умру!

— да не нужна тебе перевязка, Арт тебя только поцарапал, он все-таки обещал был менее кровожадным.

Человек перевел взгляд на Артемия и тот ему весьма артистично поклонился. Потом медленно убрал руку с шеи, кровь откуда практически уже не текла.

— да как такое возможно, что он за человек такой.

— фокусник, приведи своего яростного друга в чувство и найди третьего, я пойду с вами.

Пока их бывший противник исполнял указания, Максвелл отвел в сторону Артемия так, чтобы слышать его мог только он.

— слушай, этот визит не должен испортить нашего плана, я отправлюсь к Распорядителю один, а ты найди нам нужного человека, я полагаюсь на тебя.

Артемию эта идея не понравилась. Он принялся активно жестикулировать,

удивительно, но Максвелл чаще всего мог понять, что хочет сказать его немой друг.

— разделяй и властвуй, я понимаю, но и ты пойми, что вдвоем мы не справимся, это обычные наемники, им бы только напиться да перепехнуться, но дальше будут опытные воины, и я не решусь утверждать, что справлюсь хоть с одним имперским магом званием выше сержанта, нам нужен третий человек, и ты нам его выберешь.

Артемий немного подумал, затем утвердительно кивнул.

— отлично, и Арт, этой ночью мы отплываем и нет смысла больше сдерживаться, если ты понял, про что я говорю.

Артемий снова кивнул.

— вот и договорились, маловероятно, что мы пересечемся до встречи на корабле, так что, если я начну есть в ложе у Распорядителя, считай это знаком к действию, тогда точно встречаемся на корабле. До встречи.

Друзья пожали руки, и Артемий растворился среди бараков рабов. К тому времени трое конвоиров уже ждали своего пленника, или наоборот... Максвелл подошел к ним.

— ведите, невежливо отказывать хозяину в его доме.

Наемники окружили Максвелла и повели к колизею. Кроме них к арене стекалось все население порта. Максвелл спросил у одного из своих сопровождающих.

— в колизей всегда стремится столько народу?

— нет, сегодня последняя битва перед главным сражением сезона, битвой чемпионов, там победителя ждет свобода и много денег на выходе.

— победителя действительно отпустят?

Собеседник решил не отвечать на вопрос. Громада кровавого колизея становилась все больше по мере приближения конвоя. Когда шея Максвелла уже не могла достаточно изогнуться чтобы увидеть крышу, отряд подошел к главному входу. Охранники повели его через главный вход, люди расступались перед цветами, в которые те были одеты. Они проходили мимо очереди, иногда Максвелл замечал на себе неодобрительные и завистливые взгляды. Однако по главному коридору они не пошли, в стене была однопольная дверь с охранником, который их и пропустил, скорее всего один из запасных выходов из ложи Распорядителя. Максвелл проследовал сетью узких коридоров и тоннелей уследить за которыми он не смог. Спустя время, охранник, следовавший спереди, наконец остановился, он же и произнес.

— пришли, подожди здесь.

И вышел за дверь. Максвелл обернулся и встретился взглядом с здоровяком.

— где взял катализатор?

— отцовский.

— тебе нужно научиться управлять магией гнева.

Верзила пробурчал.

— мне хватает.

— ну хватает так хватает, а меня победить не смог.

— неправда, ты меня даже не ударил!

— но это не я валялся на земле без чувств.

Тут заговорил второй охранник.

— а что это за человек в маске? Он вообще человек? Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так сражался.

Максвелл было начал отвечать, но дверь сзади вновь открылась и показалась знакомая

голова.

— входи, на вопросы отвечай честно, иначе голову с плеч.

Голова не стала дожидаться ответа, отворила дверь до конца и встала на вытяжку рядом. Максвелл вдруг почувствовал неуверенность, наконец до него начала доходить вся серьезность этого приглашения, но поворачивать назад уже было поздно. После полумрака тоннелей внутри стен колизея, прямоугольная дверь сияла чистым светом, за которым было невозможно разглядеть что скрылось по ту сторону. Он шагнул за эту границу. Ложа была меньше по размеру чем представлялось Максвеллу изначально, а вот богатство убранства оказалось практически как он себе и представлял, роскошные коры, вышитые золотом, белым и обычным, подушки, различные яства, разложенные на подносах вокруг возлежавшего по центру Распорядителя. Два прилично одетых раба обдували голову распорядителя огромными веерами, а стройная, молоденькая служанка кормила своего хозяина виноградом. Максвелл огляделся, стражи здесь было больше чем слуг, двое по углам балкона, двое у главного входа, помимо того из которого вынырнул гость, один, по форме офицер, за спиной Распорядителя, и трое уже знакомых конвоира у черного хода. Охранники Распорядителя отличались более запутанными узорами на форме, цвета были все те же, жёлтый и коричневый, только жёлтый был вышит золотом. Эти были гвардией армии торговой федерации, Максвелл не был уверен, что справится даже с одним, не говоря уж о четверых гвардейцах, а ещё этот командир. Распорядитель лениво повернул голову.

— удачного вечера путник, присаживайся, говорить с тобою буду.

Максвелл молча подошел к месту справа от хозяина ложи, которое, видимо, было подготовлено для гостей, и сел перекрестив ноги, но опираться на подушки не стал, спину держал прямо. Все это время командир не сводил с него глаз.

— чем я заслужил столь великую честь иметь разговор с самим Распорядителем?

— я обратил на тебя внимание путник, и ты производишь впечатление не очень умного человека, но я дам тебе шанс изменить мое мнение о тебе.

— я благодарен за это.

— зачем ты помог тому имперскому проходимцу? Ты считаешь мои торговцы не имеют права сами устанавливать цену на свой товар?

Максвеллу не понравился этот свин уже с первого взгляда, и тем более он совершенно не хотел терять время на общение с ним, но выхода не было.

— я имею образование целителя, прогуливаясь по рынку меня, как и многих, привлекли звуки ссоры, приблизившись, чтобы оценить ситуацию, я увидел на коже нескольких рабов сыпь которая меня очень заинтересовала, я посчитал своим долгом сообщить об этой сыпи честному торговцу, и не забыл упомянуть что она очень заразна, торговец понял, что его товар некачественный и, как честный человек, снизил цену до минимально возможной, практически символической прошу заметить.

— какое удачное стечение обстоятельств, видимо покупатель решил отблагодарить вас лично так что отвёл на свой корабль где вы провели некоторое количество времени в беседах.

— именно, господин Лоренц был весьма щедр.

— представляю, он чуть не купил втридорога очень заразную болезнь себе на корабль, а зачем же вы избili троих моих достойнейших представителей, можете рассказать?

— разумеется, времена нынче опасные, а ваши достойнейшие представители подкараулили меня и моего друга не в самом людном месте, и точно могу вас заверить, вид у

них весьма не дипломатичный, я уверен, что такому опытному человеку как вам, нет смысла объяснять, что чаще всего в бою побеждает внезапность, поэтому мы нанесли удар первыми так как не были уверены что победим всех троих, слава богам что все остались целы, надеюсь, вы не в обиде за это недоразумение.

Максвелл не видел смысла врать о своих намерениях, в данной ситуации вранье могло только навредить, да и скрывать ему было нечего. Распорядитель ответил почти сразу.

— несколько, моим посыльным действительно нужно быть умнее.

Последнее слово Распорядитель выделил особенно громко. Видимо этих троих ждёт наказание, либо за глупость, либо за проигрыш.

— а что же ваш друг? В его стране не слышали о том, что за отказ от приказа великого Гаурсаха полагается смерть?

Максвелл напрягся, он назвал себя великим? В федерации великими называли только прявящую верхушку, самых богатых людей на всем континенте. Да что такому человеку может понадобиться от их с Артемием жалкой компании?

— слышал разумеется, однако, боюсь, что мой друг не полностью здоров, поэтому я отослал его выполнять дела, которые остались у нас в городе.

— и все же это не оправдание для того, чтобы ему выбраться из города живым.

— он нездоров психически, по правде говоря, я не знаю, что с ним произошло, но проблем его визит доставил бы больше вреда, чем пользы нам обоим.

Распорядитель секунду размышлял.

— он опустошенный?

— нет, это я знаю точно.

— ну раз так, пусть живет.

Хозяин ложи подозвал командира гвардейцев и что-то прошептал ему на ухо. Видимо на Артемия уже шла охота, однако Максвелл был спокоен за друга, несмотря на вызывающий вид, Артемий умел скрываться лучше любого плута. По правде говоря, все что умел Арт, это мастерить свои бомбочки, убивать, скрываться и развлекать благодарную публику. За то время, что Распорядитель отдавал распоряжения, Максвелл взял у служанки горсть винограда и съел одну штучку, виноградка встала поперек горла, он не хотел ничего есть в этом прогнившем месте, роскошные кушанья, разложенные на специальном столе, казались ему все в гнили и крови, но Артемию нужно было подать сигнал. Хозяин наконец повернулся к гостю.

— за пощадку вашего друга вы окажете мне одну услугу, мелочную для вас и весьма значимую для меня, но сначала предлагаю вам представление.

Широким взмахом распорядитель указал на арену внизу. На песку уже стояли двенадцать гладиаторов по всей арене кровавого колizeя, и каждый был уверен в своей победе. Глаза Максвелла скользнули по сильно выделяющейся своей неприметностью среди бойцов девушке, волосы ее были переплетены и скомканы, за грязью не было видно настоящего их цвета. Да и броня на ней была не под стать остальным. На арене находилось ещё три женщины и на каждой была внушительного вида кираса, кожаная или металлическая, на этой же был только корсет. Как бы это ни было странно, Распорядитель указал именно на это хрупкое создание.

— видите это чудо? Моя чемпионка, хоть по ней и не скажешь, но она прирожденный боец, убила троих стражников, ещё больше покалечила, мы её мало кормили, чтобы не было сил сопротивляться, до этого боя она три дня не видела пищи, только сегодня мой старший

надзиратель Детрин дал ей поесть чтобы она вновь увеличила своей победой мой скромный капитал. Детрин! Ты исполнил мое поручение?

За спиной у Максвелла раздался хриплый голос.

— конечно, мой господин, сегодня утром она вновь попыталась убить моего новичка, если бы мы не сидели в засаде, то задушила бы, а были бы силы, то сломала бы бедолаге шею.

Почему Максвелл он не услышал, как к нему сзади подошёл ещё один человек?

— замечательно, главное, чтобы она сегодня победила, тогда ее можно будет свести с воином Гаурсаха Вальронда де Виреза, тем, который бывший чемпион. Уверен, их дети стану непревзойдёнными воинами.

Максвелл вновь ощутил вспышку злобы, которая моментально была поглощена каналом, этой технике его научили берсерки, прятать ярость в сосуд внутри разума, чтобы после разом выплескивать ее на врагов. Этот человек так спокойно размышляет о разведении людей, словно говорит о породах собак.

Бой на арене не начинался, все чего-то ждали, смотрели на ложу распорядителя. Максвелл почувствовал себя неуютно. Тут распорядитель поднялся со своих подушек, поднял обе руки вверх и прокричал, усиливая голос магией.

— да начнутся игры и да снизойдет на вас благословение Ксима! Бооой!

Кровавый Колизей был полон зрителей, девушка не видела свободных мест на трибунах, все хотели посмотреть на бой гладиаторов, которые умели не только разделять кожу или лепить горшки, но держать в руках оружие. Одиннадцать противников сегодня предстояло одолеть этой хрупкой на вид девушке. Среди прочих, она явно не вписывалась в эту компанию, перед боем ей предложили полный комплект весьма качественных доспехов из настоящей северной кожи, а всем известно, что кожа гигантских северных белых медведей может быть прочнее стали. Значит надзиратель не соврал про большую ставку Распорядителя. Однако даже такой вес был велик для нее. Сейчас нужно правильно распорядиться теми силами что ещё остались. Поэтому она выбрала лишь балахон раба, корсет чтобы одежда не болталась, и свободные штаны, все равно одежда свободно болталась на худом тельце, в левой руке она держала обычный кинжал с отполированным до блеска лезвием. Наконец распорядитель дал сигнал к началу, гладиаторы кинулись друг на друга, только одна из двенадцати осталась на месте. Начались смертельные схватки, некоторые длились недолго, но некоторые особо искусные воины дрались много времени. Девушка следила за каждым, она не тешила себя иллюзиями что сможет победить в этом бою, но и не видела смысла помирать слишком рано. Наконец на арене осталось пять претендентов на чемпионство. Один из воинов справился с очередным своим противником, а после, обратил внимание на невзрачную фигуру, снующую между бойцами. Это был высокий и ужасно жилистый человек с щитом и мечом. Из брони он был одет в шлем, наголенники, и наплечник на левой руке с щитом. Он видел в девушке лёгкую добычу и двигался без сомнений прямо на нее.

“Считает меня лёгкой мишенью, пусть считает.”

Рабыня неуклюже выставила кинжал перед собой и начала пятиться назад, наконец они сблизилась и со стороны нападавшего посыпались мощные удары, один, другой, третий, на

каждый удар девушка делала шаг назад, но один раз оступилась и упала. Нападающий рассмеялся.

— как ты дошла до этого этапа малышка? А может ты и не боец? Может ты просто приз для победителя, всегда хотел попробовать при таком народе.

Девушка встала и вновь выставила кинжал в левой руке перед собой, только на этот раз он лежал в руке твердо.

— трепач, ты еще не победил, подойди и возьми.

Гладиатора этот ответ только раззадорил. Он выставил левую ногу, а затем совершил резкий выпад вперед, целясь в ногу противнице, он совершенно не ожидал горсти песка, прилетевшего ему в открытые глаза. Метнувшись вправо, в сторону щита, девушка бросила в глаза противнику песок который подобрала, когда притворилась что потеряла равновесие. После этого зацепилась за щит и повисла на нем всем весом, чем пошатнула равновесие противника и развернула его спиной к дерущийся последней паре гладиаторов. Он скинул щит и начал беспорядочно размахивать мечом, свободной рукой бешено протирая глаза и страшно матерясь. Так он прошел совсем немного, спиной он набрел на двоих дерущихся, которые его и закололи. Толпа немного притихла, а потом зашумела ещё громче, но девушку это не интересовало, она упала на колени, правой рукой опираясь об землю, а из левой не выпускала кинжала, и все это время не сводя глаз с дерущихся. Остались только большая женщина в тяжелой металлической броне и палицей и такой же огромный мужчина с гигантским двуручным мечом. Он без конца размахивал своим грозным оружием и не подпускал к себе противницу на близкое расстояние, та же явно ждала пока тот выдохнется и не отступала до этого момента.

Рабыня сидела на песке и смотрела на этих двух титанов и ждала, кто же будет ее последним противником на сегодня? Она не представляла, как сможет победить, прошлый скачок на щит отнял все ее силы. В голове промелькнула мысль.

"Может я поступила глупо, давая постоянный отпор стражникам? Тогда мне бы давали больше еды, тогда я бы сейчас не сидела без сил борясь с обмороком на фоне этого кровавого пира".

Она позволила себе отвернуться и быстро оглядела картину вокруг. По всей арене в разных позах лежали тела людей, кровь ручьями стекала в песок чтобы потом уйти в глубины земли где эти маленькие ручейки впадут в широченную кровавую реку жизни, из которой позже мудрейший Делай-ша-Леккой зачерпнет своей могучей рукой новых душ чтобы в мир пришел новый великий воин Кхтони. Девушка вспомнила счастливые времена в родном племени. Но воспоминания быстро улетучились, мужчина наконец устал махать своим огромным мечом, и женщина пошла в атаку, гладиатор начал отступать огромная женщина не давала ему опомниться, она не останавливаясь наносила удар за ударом, однако в один миг мужчина остановился, и со всей силы кинул меч в противницу, та, от неожиданности, не успела увернуться и гигантский клинок угодил ей прямо в живот, пробив массивные доспехи. Ее хозяин рассчитывал на победный исход, снаряжая свою рабыню в такую дорогую броню, как он наверное сейчас зол. Мужчина подошёл к противнику, он посмотрел в глаза бедной, умирающей ни за что гладиаторше, и во взгляде у него не было жестокости, он сожалел что ему пришлось это сделать, он прикоснулся к щеке женщины, что-то ей прошептал, а затем, резким движением, вынул меч из своей противницы, та мертвым телом повалилась на песок. Мужчина перевел взгляд на девушку. Он был в недоумении.

— я видел, как ты разобралась со своим противником, ты Кхтонка?

Девушка с трудом поднялась на ноги, она ответила ему.

— да какая тебе разница? Хочешь потешить свое самолюбие победой над Кхтонцем?

Никто ведь не узнает, что она не была в состоянии даже поднять свой клинок.

Мужчина пока не делал попыток напасть.

— мало вас осталось. Я не буду тебя убивать, ибо того хотят только мои хазяева, но толпе нужно зрелище, слышишь, как она шумит? Они требуют зрелища, песок этой арены не должен высыхать от крови несчастных рабов. Я вижу, что тебя истязали и не стану убивать тебя, в подобном нет чести, и это мое сопротивление им, однако живым должен остаться только один, или почти живым.

Он подмигнул ей.

— нападай Кхтонка.

Девушка медлила, она не ожидала что встретит здесь человека с минимальным понятием чести, видимо, он тоже не хотел мириться с рабским положением, поэтому хоть в чем-то, но пытался противиться законам этого пропадшего места. Толпа уже начинала свистеть, медлить нельзя. И девушка, как могла, ринулась вперед.

Гладиатор увернулся от первого выпада, потом от второго, после третьего он нанес удар девушке свободной рукой по животу, та скрючилась от боли, он отбросил меч, повалил ее на песок и начал душить. Рабыня вырывалась как могла, но сил оставалось все меньше.

"Зачем был этот его диалог в начале? Он просто хотел дать мне надежду, чтобы насладиться моим отчаянием. Но меня не сломить, сегодня я встречу с отцом, и мы вместе отправимся по течению жизни к новым мирам"

В глазах уже начинало мутнеть как мужчина проговорил.

— у меня нож под левым ребром, бери, я отдаю свою судьбу тебе.

И он ослабил хватку. Девушка нащупала нож, выхватила и резанула по рукам душителя, тот закричал от боли и упал на землю, она вскочила и ударила его пяткой по голове так что он отключился, однако со стороны все подумали, что удар был смертельный. Толпа взревела, она стала новым чемпионом Кровавого колizeя, хоть и волей случая. Мир пошатнулся, и она упала на песок, к ней строем шагали надзиратели, но девушка уже впала в глубокий обморок.

— вот это бой! Сегодня я стал немножечко богаче! Ахаха!

Распорядитель веселился, он пил вино и лапал хорошенькую рабыню под боком.

— ох Максвелл, по такому случаю я даже закрою глаза на то, что ты считаешь меня полным идиотом, думая, что я поверю в твою историю, по моему мнению, ты имперский шпион, при чем не самый умный, тот, который выдает себя взяткой в целый сапфир на входе в город.

— у меня просто не было монет господин, однако раз вы считаете, что я шпион и я до сих пор жив, могу ли я предположить, что вам что-то от меня потребовалось?

— конечно можешь, но сначала мне нужно решить один вопрос.

Распорядитель повернулся к своему начальнику надзирателей.

— Детрин, ты ведь сказал, что сегодня моя чемпионка ела, и при чем, как ты помнишь, я приказал принести ей человеческой еды, а не рабские помои.

— все было исполнено согласно вашей воле, мой повелитель.

При этих словах он склонил голову. Распорядитель некоторое время смотрел на своего слугу.

— ты зря считаешь себя умнее чем ты есть Детрин. Ты мне врешь, она еле на ногах стояла из-за истощения, ты хотел меня подставить, и это очень глупый поступок, ты знаешь, сколько денег я мог сегодня потерять?

— пять тысяч.

— вот именно, пять тысяч серебра я мог потерять из-за твоей глупости Детрин.

— больше такого не повторится, мой господин.

— разумеется нет, ты знаешь наказание за свое преступление, случится такое во второй раз, и твои дети останутся без родителей, всех родителей, ты понял, что я тебе сейчас сказал Детрин?

— понял, мой господин.

— хорошо, сегодня и завтра она не должна ни в чем нуждаться, поручаю это тебе, ты услышал меня Детрин?

— будет исполнено.

— вот и хорошо, теперь иди.

Главный надзиратель, не поднимая головы, спиной вперед, удалился из роскошной ложи хозяина через главный вход.

— Детрин хороший семьянин, если он решится подвести меня во второй раз будет очень жаль оставлять детей сиротами, как ты думаешь, Максвелл, человек достоин второго шанса?

Максвеллу начали надоедать эти пустые разговоры, он провел здесь уже не меньше часа, а все ещё не понимал, что от него хотят.

— простите господин, мой корабль отходит завтра утром, а у меня остались кое-какие дела, могу я всё-таки узнать зачем отнимаю ваше драгоценное время?

— можешь, ты доставишь от меня послание Крысиному совету.

Максвелл задумался, откуда этот человек узнал про крысиный совет? В империи не все знали и про дно, не говоря даже про правящий совет.

— с чего вы решили, что я вхож в это общество?

— мне сказал Лоренц

Простой ответ, Распорядитель перестал ходить вокруг да около и перешел наконец к сути.

— понятно, нужно с ним поговорить на эту тему.

— не переживай, он не перебежчик, мои парни просто немного надавили на него в свое время, вот он и раскололся, однако уверяю тебя, мои намерения исключительно мирные, по правде говоря, я не был уверен, что ты из сообщества, но теперь ты сказал мне правду.

Распорядитель вынул из-за пазухи конверт.

— вот, возьми, там нет моей печати и не мой почерк, я надеюсь ты сможешь доказать вашему маленькому совету что это письмо подлинно от меня.

Максвелл повертел конверт в руках.

— просто бумажка со словами, мне понадобится вещественное доказательство, чтобы они поверили.

Распорядитель немного подумал, потом подозвал командира гвардии, все также мирно стоящего позади своего господина.

— дай мне свой кинжал.

Командир без колебаний снял ножны с кинжалом с пояса и вручил его Распорядителю.

— это кинжал Ахис, на всем обломке такие ножики делают только в торговой федерации, их носят наши лучшие воины и маги, это большая честь и я даю его тебе, ты его не заслужил поэтому не смей показывать его неверным, иначе тебя ждёт расплата, покажешь его только совету, все остальное указано в письме, от тебя больше ничего не потребуется.

Максвелл принял послание, быстро оглядел и сунул за пазуху письмо и кинжал в потайной карман с оставшимися тремя камнями.

— я согласен на вашу просьбу.

— Великий Гаурсах никого не просит, любое его слово закон.

— разумеется, я неправильно выразился, а что насчёт оплаты?

Двое гвардейцев в мгновение ока вынули мечи из ножен, Максвелл едва успел сообразить, что произошло. Распорядитель прокричал.

— отставить! Уберите оружие! Думайте головой, вы же видите, что это имперский дикарь и не знаком с нашими обычаями.

Гвардейцы медленно и методично убрали оружие и вернулись на свои места. Максвелл спросил.

— чем же я заслужил их внимание?

— ты оскорбил меня сомневаясь в том, что твоя работа не будет оплачена, считаешь у меня недостаточно денег на твои услуги?

— разумеется нет, просто там, откуда я родом, мы всегда обговариваем цену заранее.

— ваши варварские обычаи меня не интересуют, когда Великий Гаурсах приказывает, он всегда более чем достойно оплачивает труд.

— прошу простить мое невежество, ваши традиции мне чужды.

— раз мы больше не увидимся, я заплачу тебе авансом, но только посмей меня обмануть я не поспею отправить за тобой парочку Ночных Гончих, теперь ступай, мой казначей на входе с тобой рассчитается.

О ночных Гончих ходили разные истории во всех странах Дитрекеля. Это было объединение самых смелых наемников со всего материка, никто не знал насколько велико их общество, те же, в свою очередь, брали за работу просто королевские суммы, однако деньги не уходили в пустоту, и работа всегда заканчивалась успехом или смертью наемника.

Максвелл поднялся со своего места, поклонился хозяину ложи, тот кивнул ему в ответ, и вышел в парадную дверь, его сопровождал взглядом командир гвардии. Наконец этот разговор закончился, за этот день он добавил в свой запас злобы столько, сколько его не было за месяцы дороги, однако чувство отвращения внутреннее хранилище вобрать в себя не могло. Перед входом в ложу стояло ещё два гвардейца и столик со сгорбленным человечком в больших круглых очках сидящим за ним. Максвелл подошёл к нему.

— насколько я понимаю, вознаграждения получают от тебя.

Человечек поднял свой взгляд на собеседника, горб остался на месте.

— правильно понимаете, меня о вас предупреждали.

Он засунул руку под столик и вытащил заранее подготовленную шкатулку с монетами.

— 100 золотых монет чеканки федерации, можете переплавить в золото на развес, в империи то не принимают.

— в империи за такое сажают, а сразу слитка нет?

— молодой человек, на вас выписано 100 золотых монет, чтобы получить слиток мне нужно снова составлять ведомость, заверять печатью у нотариуса, затем нести на подпись...

— ладно, ладно, можешь не продолжать бюрократишко, сам переплавлю.

Максвелл закрыл шкатулку и положил к себе в сумку.

— прощай казначей.

— удачи в делах.

Максвелл покинул арену, думая про себя.

"100 золотых, мог бы и побольше дать, люди на границах с голоду и от болезней мрут, а этот свин тут рабов как собак разводит. Мерзко тут, надеюсь, Арт справится с задачей."

За то время, пока Распорядитель держал у себя в заточении Максвелла, солнце уже успело скрыться за морским горизонтом, проигрывая в неравной битве наступающей темноте. Выйдя к рынку, легко можно было заметить заметный спад той энергии движения, свойственного этому месту при свете солнца, покупателей виднелось в разы меньше, нежели было днем. Максвелл направился к выходу из города, прежде чем идти на корабль нужно было завершить одно дело.

Старый шатер никуда не пропал, находился все на том же месте что и утром, все тот же потрёпанный вид со старым прилавком, за которым теперь не было никого видно. Максвелл ощутил тревогу. Он обошел прилавок и зашёл в шатер. Внутри пахло благовониями, сразу справа стояла клетка с рабами, там сидели взрослые, он насчитал около 4 человек в темноте, две женщины два мужчины, а где же дети?

— хозяин! Я пришел за своими рабами! Где ты?

Из-за шторки послышался пьяный крик.

— входи!

Максвелл не стал задерживаться и проследовал дальше, он уже порядком устал от вида бесконечных кандалов, казалось бы, он при деньгах, кольцо при нем, и умений его применять тоже немало, он мог справиться с любой проблемой что встанет на его пути, однако чувство беспокойства нарастало. Занавеска, что отделяла царство тьмы от королевства света в этом маленьком мирке, отошла в сторону. Во втором помещении не было ничего особо выдающегося из обстановки. Помимо клетки с запертыми детьми, здесь находились также шкаф, диван, широкая кровать, что было странностью для торговца федерации, эти обычно располагались на мягких подстилках различной степени роскошности, а также маленькая тумбочка. Вполне уютное убранство выглядело бы вполне нормальным если бы не до крови избитый мальчик, прикованный к этой самой кровати. Максвелл не мог отвести взгляд, опытный глаз сразу определил, что дело плохо, одно только дыхание, еле уловимый в абсолютной тишине хрип, занял все слуховые рецепторы незадачливого покупателя. Утешало лишь то что мальчик был без сознания. Максвелл упал на колени перед раненым, золотой свет озарил пространство вокруг, и нежная золотая теплота захлестнула пространство вокруг несчастного ребенка, а в голову вернулись знакомые мысли.

"В чем виновато это дитя? Когда уже судьба насытится алчностью своей вседозволенности?"

Сзади послышался шорох, это проснулся мирно лежащий на своем поддержанном диване хозяин шатра. Максвелл не оборачивался, сейчас он был слишком занят.

— прррошу прщения, я так раздосадован своим финансовым полжением... а вдруг этот мусор открывает свой поганый рот... ну я его и воспитал... столько навалилось... н-ну ты

понимаешь?

— я понимаю.

Он открыл канал и обрушил на сознание пьяницы весь страх, что был равносильен гневу колдуна. Сознание того моментально утонуло в спасительном забвении, и тело пьяницы мертвыми грузом вновь упало на старый диван.

“Позже ты заплатишь за это”

Все это время дети в клетке молча, как их приучили, глядели на происходящее, но глядели глазами пустыми, не выражавшими никаких чувств, видимо их уже давно никто не хотел покупать и слишком долго они находились под влиянием того туловища на диване.

Максвелл вновь озарил мальчика исцеляющим золотым сиянием, которое прекратилось только когда его дыхание стало более плавным и размеренным. Медленно убрав порядком уставшие руки, целитель позволил себе подняться с колен, он был рад что ему хватило магических сил на это.

Он подошёл к бесчувственному телу на диване и поискал по карманам ключи от клеток, кинул взгляд на ту, что с детьми, они все следили за ним.

— вы меня понимаете? Сейчас я вернусь за вами.

Максвелл вышел в первую комнату и открыл клетку со взрослыми.

— слушайте меня, я вас отсюда выведу, но вы должны сделать кое-что для этого, найдите одежду вашего хозяина и оденьтесь поприличнее, обязательно вымойте лица и руки, грязные волосы под шапки, когда будете готовы стойте в этой комнате и ждите, поняли? И не трогайте торговца, я с ним ещё не закончил.

Четыре человека молча кивали, озадаченно, но молча, переглядываясь между собой. Они вместе вернулись во вторую комнату, пленники сразу кинулись исполнять указания, они бросали сочувствующие взгляды на кровать, а после, уже гневные, на бывшего хозяина. Максвелл это заметил.

— я сказал его не троньте.

Пленники, привыкшие безоговорочно следовать указаниям, быстро отвернулись от бывшего хозяина, долго они ещё будут отвыкать от рабского положения. Максвелл тем временем уже успел отворить вторую клетку с детьми.

— слушайте, тихо ждите меня в первой комнате, не смейте бежать раньше времени, я вас выведу, но сначала позабочусь о нём. — и указал на кровать с избитым мальчиком.

Однако детский разум менее устойчив к потрясениям чем того хотели бы взрослые, никто из них не хотел покидать своего убежища.

— выходите!

Максвелл начинал терять терпение, он почувствовал, как сзади к нему подошла женщина.

— криком вы сделаете только хуже, позвольте мне.

По правое плечо от него стояла женщина средних лет из числа только что освобожденных. Мысленно поблагодарив ее Максвелл вернулся к кровати, на которой все так же лежал избитый мальчик.

— так, что тут у нас, зубы на месте, разбита губа, ссадины и синяки, у торгаша определено маловато физических сил, а ты, наоборот, крепкий пацан, жить будешь.

Максвелл осмотрел комнату в поисках носилок, взгляд его упал на стол, он отломал ножки и положил деревянное полотно на пол, накидал него одеял, потом вернулся к мальчику, аккуратно взял его на руки и ещё более аккуратно положил на стол. Сверху он

обернул его последним оставшимся у торговца одеялом и привязал безвольное тело со всех сторон веревками. Тут Максвелл почувствовал укол страха и, моментально поняв в чем причина, создал синий барьер со стороны очнувшегося хозяина шатра, вовремя заблокировав красные кинетические иглы, летящие в его сторону.

— ты меня грабишь?! А ну давай то что мне причитается!

Максвелл подавил желание убить этого человека прямо сейчас, хорош целитель. Он создал вокруг нападавшего синий, цвета воли, барьер. И начал медленно сжимать его в размере, ярость и умение торговца была намного меньше силы воли Максвелла, поэтому он без труда сдерживал жалкие попытки противника выбраться в виде метания в истерической злобе красных игл, когда враг уже не мог пошевелиться Максвелл применил к барьеру уплотнение, воздух больше не мог проходить сквозь него. Это умение он очень долго тренировал, учась самостоятельно по учебнику, который украл Артемий из дома одного северного вельможи. Торговец запаниковал, но не мог ничего сделать, он задыхался в этой тюрьме, которую не мог разрушить. Максвелл знал, что хотел с ним сделать, и наличие цели только усиливало его заклятие. Торговец уже бился в конвульсиях, его движения становились все более вялыми как Максвелл отпустил его, противник упал на пол шатра.

— что, привык бороться только с детьми?

Максвелл подошёл и пнул своего противника так что тот снова отключился.

— ну, теперь точно надолго.

Он выглянул из-за шторы.

— двое взрослых, сюда.

Вошли двое мужчины.

— берите пацана и выносите в прихожую, осторожно.

Мужчины кивнули, они осторожно подняли и вынесли носилки, Максвелл поднял торговца и тоже вынес его в первую комнату.

— как переносят мертвых?

Ответила женщина.

— копают большую яму, сваливают туда всех без разбора и закапывают.

— я не про то, их оборачивают в мешки, или тряпки?

— насколько я знаю это дело хозяев, кто хочет тот оборачивает, но мало кто тратится на это.

— понятно, оберните в ткань носилки и эту тушу как трупы, и смотрите чтоб они могли дышать.

Дети и взрослые кинулись выполнять указание, а Максвелл выглянул из шатра, стражи видно не было, скорее всего все стражники патрулировали бараки и склады в порту. Войдя обратно он обнаружил что все его указания были выполнены и люди стояли в ожидании новых, в глазах у них появилась искра надежды.

— в порту меня ждёт корабль, если доберёмся считайте себя свободными людьми, но сначала до него нужно дойти, минуя стражу, те кто в одежде, вы надзиратели, ведёте детей-рабов покупателю, один спереди колонны, двое сзади и один посередине делает вид что следит, возьми в руки плеть.

Взрослые переглянулись, видимо им не нравилась идея уподобиться своим хозяевам. Максвелл меж тем продолжал.

— дети несут тела, шестеро торговца, четверо носилки. Двигаемся колонной, говорить с охраной буду я, не горбитесь и смотрите перед собой, вы больше не рабы, иначе нас заметят.

Вопросы есть?

Вопрос задала та самая женщина что занималась детьми.

— господин, я не смею сомневаться в ваших решениях, но вы хорошо укрыли мальчика?

После захода солнца на улице холода.

Максвелл не ожидал подобного вопроса, несмотря на годы жизни в нечеловеческих условиях эта женщина не утратила способности к состраданию.

— господином я не рождён, я позаботился об этом, сейчас ему ничего не угрожает, но нужно торопиться, возможно я что-то упустил, ему нужен более детальный осмотр.

При этих словах дети немного взбодрились и даже начали шептаться, видимо они переживали за друга, хоть до этого никак этого не показывали. Больше вопросов ни у кого не возникло.

— ну все, кто там бог удачи в этой стране? Кажется, Ксим. Тогда пусть Ксим направит на нас свой взор.

Группа вышла из шатра, стражи вокруг все также не было видно. Взрослые сначала постоянно озирались по сторонам что страшно раздражало Максвелла, он прикрикнул на них и те перестали. Он повел их вперёд, зная только дорогу через рынок, они выдвинулись в путь. Беглецы без проблем миновали кольцо рынка, Максвелл даже с первого раза узнал поворот, по которому Лоренц этим днём вел его к своему кораблю, по мере приближения к порту становилось заметно больше отрядов стражи, однако они не удостоивали внимания группу беглых переодетых рабов, их интересовали только помещения барачных и складов. Максвелл позволил себе немного расслабиться, неужели хоть раз все пройдет по плану? Он будет отмечать этот день каждый год. Но вот они наконец ступили на пристань где среди прочих сияли желанные огни "Зари" контрабандиста Лоренца, но патрулю из трёх стражников показался очень подозрительным отряд,двигающийся после захода солнца и несущий два трупа на руках у детей. Наемники двинулись наперерез, Максвелл ругнулся про себя, но делать было нечего, встречи было не избежать.

— караул сержанта Гавра-ша-Несса, куда вы тащите тела этих несчастных? Помойные ямы в другой стороне.

Максвелл окинул пренебрежительным взглядом троих дозорных.

— мои рабы и после смерти мои, и куда я их несу не ваше дело, дайте пройти или мне придется сообщить этому вашему сержанту как его там зовут, что вы, злоупотребляя положением, вымогали у меня деньги за проход, в городе без законов, я полагаю с вами церемониться не станут.

Трое стражников переглянулись.

— простите нас, больше не смею вас задерживать.

Максвелл обернулся и приказал.

— за мной псы безродные.

И двинулся уверенным шагом. Рабы двинулись за ним. Если этот дозор что и заподозрил в надзирателях, то навряд ли расскажет об этом, Максвелл это точно знал, ну или скорее надеялся. Они приблизились к кораблю.

— ждите здесь.

Он подошел к дремавшему часовому.

— капитан на корабле?

— а кто спрашивает?

— мое имя Максвелл, тебя должны были предупредить.

— меня предупреждали максимум о троих, а не о целом детском приюте с двумя трупами воспитателей.

Максвелл прошел мимо матроса, тот сказал ему в догонку.

— капитан у себя.

Ответив кивком, он направился напрямиком в каюту капитана куда вошел без стука.

Лоренц сидел над морскими картами за своим столом. Он поднял голову и злобно прорычал.

— без приглашения ты только в бордель имеешь право так вваливаться.

— у меня неотложное дело.

Лоренц встал.

— выйди, и жди меня снаружи.

Максвелл повиновался, хоть ему это и не понравилось. Он подошёл к правому борту корабля. Полная луна с бесчисленным множеством звёзд на чистом небе отражались от спокойной водной глади. Ощущение, что корабль стоит на краю света, а плывет он не по воде, а звёздному небу, лавируя среди созвездий, чтобы не задеть их и не сбить навигацию другим звездным капитанам. Наконец Лоренц соизволил выйти на палубу к простому люду без кают.

— что за срочность? Я уже подготовил места для вас троих, нашлось только две кают-компании.

— боюсь нас будет немного больше трёх.

Они подошли к левому борту, и он указал на группу рабов на пристани, те беспокойно озирались вокруг, но, увидев своего спасителя, немного успокоились.

— черт, и зачем ты их сюда притащил? У меня уже полные трюмы добра и людей, куда я их положу?

— ты ведь сказал, что у тебя закончились деньги, а не место.

— и место тоже, корабль не резиновый знаешь ли, это что, дети?

— 4 взрослых и 11 детей, и ещё один бонус в карцер, их бывший хозяин.

— ты похитил торговца федерации?! Ты совсем с ума сошел? да катись ты со своими проблемами к морскому дьяволу, я не собираюсь портить свое отношение с этим портом только потому что так будет правильно, да здесь один из основных пунктов сдачи и принятия товара для такого как я, думаешь склады здесь законными вещами набиты?

Максвелл ждал, он еще на площади понял, что Лоренц, хоть и преступник, но уважает свободу человека, поэтому сейчас он просто ищет оправдание чтобы не брать этих несчастных на борт. Он достал шкатулку, которую ему дал казначей.

— вот, там сто золотых федерации, знаешь сколько это на имперском?

— по нынешнему курсу 1 к 1,4.

Лоренц взял шкатулку, открыл, затем быстро закрыл, не пересчитывая и подозвал вахтовика у трапа.

— отнеси ко мне в каюту, и чтоб ни гроша в кармане.

— будет выполнено, капитан.

И матрос убежал исполнять поручения. Лоренц вновь повернулся к Максвеллу.

— я беру все, этого с лихвой хватит на всех пассажиров.

— согласен, вы уходите все так же на заре?

— да, где твой друг?

— надеюсь рядом, нам пришлось разделить, позже расскажу.

Девушка проснулась от холода, на этот раз ее поместили в темницу с нарами на которые даже положили одеяло и подушку, а на маленьком столике напротив стояла миска с едой и кружка воды, при том, едой была не обычная баланда для рабов, это была жареная картошка с зеленью, конечно уже остывшая, награда за победу, обед и апартаменты. Пленница подавила желание съесть все содержимое миски, медленно села и затем съела кусочек пищи, она слышала истории в общих клетках про рабов, которые после долгой голодовки получали много пищи, которую съедали всю сразу, после чего умирали. Сейчас она не понимала, как могла относиться к еде как к простому приему пищи, зарядиться энергией чтобы продолжить с течением жизни очищать душу для кровавой реки жизни. Она не знала сколько прошло времени с тех пор как первопроходцы спалили ее родной город и пленили ее и сестру для торговли на своей грязной земле, воины здесь умирали просто так, на бесполезных воинах, устроенных их глупыми вождями из-за своих личных прихотей, оттого и было на этом материке так мало по-настоящему достойных противников, они боялись смерти, не видели истину, за которую действительно стоит сражаться и погибать.

Рабыня плотнула воды и вновь улеглась на нары, предварительно кинув подушку и одеяло для мягкости, давно уже она не обращала внимания на клопов, рвущих ее плоть изо дня в день, ну, зато хоть кто-то в этом месте не испытывает недостатка в пище, доест она решила позже, и моментально погрузилась в сон.

Замок в двери камеры тихо щёлкнул, и та начала медленно открываться, скрипа не было, когда она открылась достаточно, чтобы в помещение скользнула едва заметная тень, та замерла над мирно спящим телом.

Артемий внимательно разглядывал свою цель, худое как тростинка, грязное и жалкое существо, в последнюю очередь простой обыватель усмотрел бы в нем свирепого воина. Арт сомневался в своем выборе, очевидно, что Максвелл предпочел бы того бугая с огромным мечом, кажется, он остался жив, а она выиграла благодаря удаче. Однако чутье подсказывало, что ее нужно спасать, окажется она полезной им или нет. Кажется, она была без сознания, когда ее уносили с арены, нужно будет её развеселить прежде чем вытаскивать, может даже стражники отпустят их без проблем, увидев какие они счастливые.

Арт прикрыл дверь, достал из подсумка фитиль на 10 минут горения и поджог, расположил на столе, достал карты и принялся будить рабыню.

Девушка проснулась и сразу почувствовала опасность, в комнате был кто-то ещё, она вскочила и прижалась к стенке. Почему она не слышала, как он вошёл? Это призрак? В первое время в плену она просыпалась от любого шороха от страха, а этот ещё и свечку зажёт и что это у него в руках, карты? А еще эта странная смеющаяся маска.

Арт начал показывать фокусы с картами. Совершенно точно, она сошла с ума. В один момент незнакомец выставил перед ней четыре карты, девушка посмотрела на них и выбрала даму пик, он не видел то что она выбрала и положил карту в колоду, хорошенько перемешал, потом протянул колоду своему зрителю, девушка вытянула верхнюю карту и это оказалась та самая дама пик. Она улыбнулась, и в тот момент поняла, как давно она не улыбалась, пусть она и сошла с ума, но на душе у нее стало теплее, а между тем ее галлюцинация продолжала представление. Трюкач вывалил содержимое миски на пол, что ее совершенно не расстроило, прикрыл ей левую руку, правой рукой он совершил некий магический ритуал,

через мгновение чашка улетела прочь и в закрытой руке у него оказался белый голубь. Он передал птицу рабыне, однако она не сумела ее удержать, и та вырвалась и начала в истеричной панике метаться по всей камере, девушка начала хлопать своему актеру, пусть он и был только у нее в голове. За дверью послышались шаги и крики, это надзиратели спешили узнать кто рискнул жизнью потревожить их ночной сон.

В момент, когда птица начала метаться по камере Арт резко метнулся и встал рядом с дверью. Двое стражников ворвались в камеру, перед ними предстала хлопающая в ладони и глупо улыбающаяся рабыня, голубь моментально выскочил в открытую дверь.

— что за цирк, откуда тут голубь, кому ты хлопаешь больная дура?

Надзиратель был в бешенстве. Девушка повернула голову и показала пальцем на фигуру в маске у них за спиной. Артемий одновременно зажал рот левому стражнику и воткнул кинжал прямо в весок правому, тот моментально упал замертво. Затем он пнул первому под колени сзади отчего тот вынужден был сесть на пол, Артемий достал из подсумка склянку с мутной жижей, зажал противнику нос и, когда тот открыл рот чтобы закричать, вылил ему в глотку содержимое.

— что ты делаешь псих!? Чем ты меня напоил?!

Прокричать у надзирателя не получилось, он только прохрипел, Артемий, не выпуская противника, вновь запустил руку в тот же подсумок где был флакон, и вытащил оттуда записку, затем помахал перед глазами противника и вручил ему в руки. По мере прочитанного надзиратель сопротивлялся все меньше, в конце концов он сказал.

— отпусти меня! Я все сделаю, пожалуйста, не трать мое время.

Арт забрал у него записку и отпустил, надзиратель выбежал из камеры. Артемий кинул взгляд на труп под ногами, затем буднично сел на нары рядом с рабыней и стал ждать. Девушка больше не хлопала, она сидела на своих жалких нарах и молча смотрела на странного визитера.

— ты действительно его убил? И показала на труп посередине комнаты.

Арт кивнул.

— ты моя галлюцинация?

Арт помотал головой. Девушка была сильно озадачена, так они просидели несколько минут.

— что в той записке?

Арт вновь достал сложенный листок и вручил ей.

“Ты чувствуешь жжение в горле, это смертельный яд, который убьет тебя через полчаса если я не дам тебе противоядие, принеси мне ошейник этой рабыни и будешь жить р. s. не смей никому про это рассказать”

Она вернула листок своему визитеру. И когда тот потянулся чтобы забрать свое схватила его за руку и дернула на себя одновременно второй рукой пытаясь схватить его за кадык. Арт отбил вторую руку и оттолкнул от себя рабыню.

— ваш главный решил посмеяться надо мной?! Что за фокусы ты мне тут показываешь?! Что еще за ошейник?! Кто ты вообще такой?!

Арт изменил свою боевую стойку менее агрессивной и сделал движение будто душил себя веревкой, видимо, изображая собачий ошейник.

Девушка фыркнула.

— да ты издеваешься, еще и еду мою испортил.

Тут дверь отворилась, в руках у Арта блеснул кинжал, вошел отравленный стражник.

— я д-достал, в оружейной сейчас Дик, он мой должник, вот ошейник, где противоядие? Скорее, у меня все горит внутри.

Артемий принял из рук бедолаги белый камень размером с ладонь, спрятал его под одежду, после чего ударил надзирателя так что тот потерял сознание и повалился рядом со своим другом. Девушка вновь обратилась к своему гостю.

— ты приобрел красивый камешек, что теперь?

Арт начал раздевать только что оглушенного отравленного недотепу. Девушка все поняла.

— хочешь, чтобы я переоделась и просто вышла?

Арт продолжал молча раздевать несчастного. Она только сейчас осознала, это ее реальный шанс выбраться, сколько времени она только и делала что выживала, первое время даже пыталась делать упражнения чтобы не потерять форму, потом отбивалась от похотливых свиней надзирателей, потом терпела побои, карцер, и снова карцер, потом первый бой на арене, тогда ее ещё кормили, но потом она убила трёх стражников и начался голодный ад. Надежда уже покидала ее душу и вот является этот шут и начинает показывать свои нелепые фокусы.

Арт наконец закончил раздевать надзирателя, девушка наклонилась чтобы взять одежду, но шут ее остановил, после чего принялся сам натягивать форму надзирателей. Делал он это весьма неуклюже и было непонятно, он это специально или действительно не мог нормально втиснуться в форму, свой облегчающий наряд то не снял, и сумки мешали.

— ты хочешь вывести меня как пленницу?

Арт поднял большой палец, явно показывая, чтобы не мешала. Наконец он втиснулся в форму. Затем достал из очередной своей сумки пудру и начал наносить ее на маску, теперь она стала телесного цвета, он немного намазал губы красным, и теперь издалека и в полумраке, закрыв один глаз, можно было предположить, что это вполне нормальный человек, последний штрих, и он намотал на голову платок, некоторые надзиратели так делали.

После окончания своего преобразования он просто вышел из камеры и закрыл на ключ дверь. Девушка, совершенно озадаченная, вновь села на нары.

“Куда он ушел?”

Прошло около часа, визитер все не возвращался, на полу лежало два трупа. Девушка волновалась, и тут в голову прилетела догадка.

Это подстава! Главный надзиратель не может меня тронуть пока я под защитой Распорядителя, но утром у меня в камере найдут два трупа, скажут, что хотели поразвлечься, а она опять за свое и тогда... Она не хотела думать о том, что будет тогда.

"Нужно выбираться"

Она принялась обыскивать трупы в поисках инструментов побега. У одного все вещи ушли вместе с формой, а у второго при себе была только дубина, ни денег, ни серьг, ничего. Взламывать замок было нечем, да она и не умела, замков у Кхтонцев не было. Она села на пол и прислонилась спиной к холодной и влажной стене.

"Как же хочется спать, лечь бы сейчас и будь что будет"

Но она не привыкла мириться с судьбой, рабыня взяла дубину и принялась бить ей по замку, удары получались слабые, сил было совсем мало. Руки онемели от усталости, но она продолжала, удар за ударом. Начал щелкать замок, девушка вздрогнула от неожиданности, она спряталась за дверь и принялась ждать, не выпуская из рук орудия, дверь отворилась и

вошёл надзиратель. Девушка не стала медлить, она обрушила удар на очередного названного гостя.

После весьма ощутимого удара по голове Арт грубо выхватил из рук девушки дубинку надзирателя, а затем вlepил ей пощечину, чтоб знала, как на спасителей набрасываться.

— это ты! Да что тебе надо?! Делай что должен, а потом уходи!

Арт посмотрел на нее, в руках у него были большие кандалы на руки, он протянул их ей.

— что? Мне это одеть?

Арт кивнул.

— нет.

Она не хотела подставлять этому человеку спину, не говоря даже о кандалах. Арт сделал вид что глубоко вздыхает, он был раздосадован упрямством своей цели, а может глупостью. Он кинулся к ней и силой надел на нее наручники. Сил отбиваться у нее не было.

— попробуй только повернуться ко мне спиной я тебе все позвонки переломаю.

Артемий сделал вид что закатывает глаза, если бы у маски были настоящие глаза вместо прорезей... он взял свою жертву под руку и вывел ее из камеры. Пока он вел ее по бесконечным коридорам девушка окончательно потерялась в пространстве, при том он всегда держался во тьме или полумраке, несколько стражников прошли мимо и даже не обратили на них внимание, желание поразвлечься с рабынями в это время у надзирателей особенно сильно, несмотря на откровенно выделяющуюся маску на его лице.

Пройдя несколько поворотов, они вышли на арену колизея, глубокой ночью здесь никого не было, вся охрана находилась под землёй, там, где держали всех гладиаторов. Арт подтащил девушку к огромным воротам, ведущим прямо наружу, та уже еле переставляла ноги, но продолжала идти. Она никогда не видела эти ворота открытыми, даже не предполагала зачем они здесь нужны. Огромные, в три человеческих роста, чтобы их отпереть понадобилось бы не менее десяти взрослых человек. Но вот они подошли ближе, и она разглядела в основании маленькую дверцу обычных размеров. Они подошли к ней, Арт отпустил рабыню, достал набор отмычек и принялся взламывать замок. Облака периодически закрывали светящиеся осколки и миллиарды звёзд между ними, озаряющие весь колизей своим серебряным светом.

— слушай, у меня осталось очень мало сил, я не знаю сколько нам придется бежать, и я прошу тебя, не бросай меня здесь, я найду способ тебе отплатить, я Кхтонка и наше слово нерушимо, словно горы, только вытащи меня.

Замок щёлкнул и Арт медленно отворил дверь. Он обернулся и ободряюще положил руку ей на плечо. Потом вновь взял ее за руку и вывел на волю.

С другой стороны, над дверью висел факел, Арт быстро ушел из под света и устроился в тени у стены, начал ждать. Вокруг колизея патрулировали стражники, Арт молча ждал и не отрывал взгляда от патрулей, девушка тоже ждала, она считала количество людей в каждом из дозоров. Им предстояло пересечь широкую пустую площадь, что опоясывала Колизей по всему периметру, к тому же на обратной стороне стояло много факелов, темных мест там практически не было. Спустя какое-то время Арт выпрямился, потом перевел взгляд на девушку.

— ты придумал что делать?

Артемий показал пальцем на противоположную сторону, а затем сделал вид будто бежит.

— значит ты тоже заметил, что у одного из дозоров шаг быстрее, согласна, по твоей

команде.

Арт поднял руку, и они принялись ждать, мимо шел один из патрулей, как только они повернулись к ним спиной, Арт махнул рукой, и они быстро и тихо побежали на ту сторону, девушка прижимала к груди кандалы и те не шумели. Кровь билась в ушах, а ноги подкашивались от усталости, но она добежала до противоположного конца где в тени и упала на землю. Она лежала и тяжело дышала, пытаясь унять дикое сердцебиение, пусть твое желание выбраться это все что занимает сейчас твои мысли, онемевшие мышцы все равно не заставят работать если ты полгода живешь на крошках и воде.

— я больше не могу, совсем нет сил.

Артемий тихо взял ее на руки и отнес за здание склада, посадил на землю у стены и вновь прикоснулся к плечи рукой. Девушка вдруг почувствовала симпатию к этому странному человеку. Артемий показал, что нужно двигаться и указал в сторону порта. Однако отдышка никак не хотела уходить, сил у нее уже не осталось. Она попыталась подняться, но вновь рухнула без сил.

— я не могу.

Тогда Арт вновь взял ее на руки и понес к причалу. Двигался он медленно, прислушиваясь к каждому шороху, девушка уже была без чувств, он верил, что Максвелл сможет ей помочь, иначе он зря зарезал того надзирателя. Он был бесшумен словно кот, даже под весом двух человек под его ногами не скрипела земля. Немного полавировав между зданий, он вышел на мостовую, а это означало, что он уже практически на корабле. Он посмотрел на девушку на своих руках. Им с Максвеллом нужен был опытный боец, который будет их защищать, а она совсем на него не походила, однако Арт собственными глазами видел, как она дралась на арене, большинство людей увидели случайность, однако он не входил в это большинство. Пристань была хорошо освещена, и не просто факелами, здесь стояли современные масляные уличные фонари. К тому же даже тут был слышен гул тракторов, где самые выносливые моряки продолжали свой хмельной пир. Арт остановился и вновь начал наблюдать, дозоров здесь было поменьше, чем у колизея, однако он не успевал добежать до корабля, не привлекая внимания стражи. Ему нужна была диверсия. Артемий нашел тупик между зданиями, снял форму надзирателя, кинул на мостовую, после чего положил на нее девушку. Затем он направился к складу подальше от береговой линии.

Без груза он двигался, словно часть самой тьмы, крался и слушал, ждал, пока тучи закроют небо, и снова крался, обходя или обманывая немногочисленные патрули. Наконец он нашел подходящий склад, у здания были деревянные двери. Арт вновь достал отмычку, без особых проблем взломал замок и скользнул внутрь, не забыв прикрыть за собой дверь. Внутри было темно, он чиркнул спичкой и оглядел содержимое склада. Взору предстали роскошные ковры, гобелены, картины, книги и много чего ещё, все было привезено с пустынного королевства, на миг Артемий окунулся в воспоминания о родных краях, пронеслась вся его прежняя жизнь, прекрасные и чистые просторы раскаленной родины разрушили воспоминания о боли и отчаянии, что сумели сломать душу несчастного шпиона, но также быстро, как и появились, воспоминания и улетучились, он снова был шутом в банальной для профессии маске. Он отыскал коробку с роскошными винами, не сдержался и замотал одну из бутылок в платок, который нашел тут же, и повесил себе на пояс, после разбил пару бутылок так что содержимое расплескалось как можно дальше. Кинул спичку и выскочил из обречённого здания. После поджога он побежал обратно к девушке, не забывая об осторожности.

К тому времени как он вернулся, пламя уже бушевало над всем зданием, даже там, где он сейчас стоял хоть и не было видно огня, по отражению от туч можно было определить, откуда исходит очаг пожара. Арт не терял времени зря, он поднял бесчувственное тело и побежал к кораблю, вся стража отправилась тушить пожар и на пристани не осталось ни одного патруля, все заботились о том, чтобы пламя не перешло на их склады. Он наконец добрался до корабля, на палубе толпились матросы, они глядели в сторону пожара, среди них был и Максвелл, он первый увидел Артемия, бегущего с грузом. Максвелл прокричал.

— Арт, это ты наделал? Пропустите его! Это их мы ждали!

Артемию поднялся на борт, Лоренц стоял у штурвала, однако, как увидел нового пассажира на своем судне поспешил к нему.

— вы что, собрались притащить пол материка ко мне на судно? Кого это ты принес? Вы не говорили, что третий будет в таком плохом состоянии.

Максвелл в это время уже проводил осмотр девушки, которую его друг положил прямо на палубу.

— хватит гундеть, дети в каютах, куда нам ее положить? Она может долго не просыпаться и ей нужен покой.

Лоренц не колебался, он позвал к себе двух матросов.

— эту ко мне в каюту, на кровать, слушайте что вам говорит Максвелл, исполняйте.

Матросы с двух сторон взяли тело и понесли ее в каюту, Максвелл ушел с ними. Арт тоже поспешил вслед за другом. Лоренц посмотрел им в след, потом на пожар, выругался и начал отдавать команды.

— отплываем сейчас, отдать концы!

— психофизическое воздействие на мир, более известное в народе как магия, или волшебство, является не более чем обычным материальным явлением, энергию, выделяемую при использовании катализатора, возможно измерить и изучить, а это доказывает, что ничего сверхестественного в ней нет, как вам уже должно быть известно, минерал Зионит, так называемый камень души, служит проводником этой энергии выполняя функцию и предохранителя...

Лектор проводил обычную для себя лекцию в уже привычной аудитории, и даже слушатели в количестве пары троек десятков жаждущих новых знаний мозгов, уже не вызывали в нем приступы волнения, вот что значит опыт, ему нравилось преподавать в имперской академии, среди этой идиллии он не терпел только одного, опозданий на его занятия, поэтому ворвавшийся без стука в зал запыхавшийся студент вызвал в нем немалую вспышку негодования. Студент стоял у двери и тяжело дышал.

Профессор перевел взгляд на незадачливого юношу.

— молодой человек, если вы торопились на обеденный перерыв, то ещё слишком рано, однако для моего урока уже слишком поздно, вы можете быть свободны на сегодня, и будьте добры не опаздывать в следующий раз.

Юноша все не мог унять дыхание, пытаясь оправдаться перед преподавателем. Из зала послышался надменный голос.

— профессор, дайте ему время отдышаться, смерды лишены возможности перемещения на каретах, вот и бегают по всему городу как дворовые собачки, зато лишнего веса у них

точно не водится.

По рядам прокатились сдавленные смешки. Профессор никак не отреагировал на них. Парень наконец смог заговорить, он старался говорить тихо, чтобы его не услышали с передних парт.

— прошу прощения, меня задержал легионер, в нижнем городе сейчас рейды, я специально вышел пораньше, но все равно не успел.

Профессора не особо интересовала причина.

— меня не интересуют оправдания, я не делаю исключений, уходите, и в следующий раз не забудьте про стук.

Студент оглядел зал и вышел. Он побрел по коридору размышляя.

"Первая пара первого семестра на втором курсе, мог бы и закрыть глаза на первый промах, старый пердун"

На выкрики из зала ему было плевать, он уже давно привык к подобному отношению.

"Ну, делать нечего, пойду почитаю"

Он вышел из корпуса и побрел к зданию библиотеки. Имперская библиотека славилась на весь мир, помимо прекрасной архитектуры в этом здании были собраны практически все книги, которые только возможно было найти по всему миру. Огромный стеклянный купол обрамлял несколько этажей, на которых расположились километры книжных шкафов, между которыми трудились десятки библиотекарей, протирая от пыли, сортируя и раскладывая книги и свитки по своим законным местам. Юноша был хорошо знаком с этим местом, это было его любимое здание академии, и здесь он проводил большую часть времени обучения. Войдя в здание, охранник на входе приветливо ему улыбнулся.

— а, Максвелл, что, уже отчислили? Еще ведь даже утренние занятия не закончились.

Максвелл улыбнулся, каждый раз Никенс придумывал новую остроту.

— привет Никенс, я опоздал к профессору Петицию и он меня выгнал.

— а, этот, не обижайся на этого олуха, он хороший человек, но со своими тараканами, в прочем, как и мы все, проходи чего встал?

Максвелл сделал шаг как вдруг услышал воду, бьющую в борта корабля, ощутил качку и открыл красные от усталости глаза. Он лежал на простыне, постеленной на досках, все койки были заняты, и им с Артом постелили на полу, за неимением вариантов, корабль был переполнен освобожденными рабами, помимо тех, которых привел Максвелл. Он лежал на спине и смотрел в потолок, воспоминание не выходило у него из головы, он уже и забыл, когда в своей жизни был по-настоящему свободен от бесконечных терзаний, мучивших его разум день за днём. Артемий уже проснулся и принялся за разминку на маленьком свободном пяточке. Максвелл сел, сегодня ему предстояло много работы, и он решил обдумать чем заняться первым, однако духота и запах немых тел не способствовали продуктивным размышлениям, поэтому он свернул свою койку, кинул ее на полку и вышел на палубу корабля.

Солнце уже поднялось над горизонтом на приличную высоту, чистое небо переливалось на горизонте в морскую гладь океана, Максвелл прикинул время, сейчас было около восьми часов утра, однако все матросы уже были на ногах, как по боевому расписанию, чувствовалась военная выучка, может Лоренц в прошлом был офицером флота? Рано делать подобные выводы, порядок на корабле ещё не значит, что капитан был офицером, хотя порядок на корабле контрабандистов... Максвелл решил, что начнет с визита их с Артом нового товарища. Сам он конечно видел бой на арене, поэтому без сомнений думал, что его

друг приведет того огромного верзилу с двуручным мечом, но тот почему-то решил, что эта хрупкая на вид девушка гораздо больше подходит им. Максвелл не сомневался, что ей просто повезло до тех пор, пока Артемий не вручил ему ее ошейник, она была Кхтонкой, а это значит, что удача, это последнее что помогло ей выжить в том бою, и все же Максвелл предпочел бы того верзилу, хоть он и говорил Лоренцу обратное. Кхтонцы были известны как непоколебимые в своем стремлении и ни перед кем не склоняющие голов воины. Он не знал ни одной истории о том, чтобы Кхтонец подносил хозяину виноград, они выбирали смерть под пытками надзирателей служению, поэтому их народ стал обрастать различными слухами о неуязвимости к магии, или огромной врожденной грубой силе и ловкости. Он подошёл к каюте капитана и постучал в дверь.

— входи!

Максвелл отворил дверцу, в каюте все было на тех же местах что и вчера, кровать с освобождённой девушкой была все также закрыта занавесками, разве что на диване валялись скомканные простыни, видимо Лоренц спал сегодня здесь. Первым делом гость прошел к девушке, она все ещё спала, потрогал ей лоб, засек пульс, удовлетворённо хмыкнул и занял место за столом где завтракал капитан корабля. Первым молчание нарушил Лоренц.

— однако погодка сегодня хороша, при таком ветре мы можем долететь до Геринбурга на день раньше, глядишь, обойдется без голодовки.

В его голосе чувствовалось напряжение, Лоренца что-то раздражало, видимо он не хотел начинать разговор с плохого.

— согласен, на небе ни облачка, а прохладный ветерок отгоняет духоту, доброе утро капитан

— доброе Максвелл, присаживайся, нам есть что обсудить.

Максвелл подошёл к столу в центре каюты и сел напротив капитана. Здесь уже было накрыто на второго человека.

— я велел приготовить завтрак и тебе тоже.

Максвелл кивнул и принялся за еду.

— а мне показалось, что ты меня не взлюбил.

Лоренц сделал один глоток из роскошного бокала.

— в первую встречу да, императорские лекари одни из немногих действительно достойных представителей аристократии в империи, я очень сильно их уважаю, а ты представляешься таковым и заявляешь, что прибыл в эту гнилую дыру чтобы подыскать себе раба, да ещё и отказываешь мне в праве послать тебя подальше заявив, что ты член сообщества, знаешь ли, я подумывал пустить тебе пулю в затылок и никто бы не узнал, что впитавшаяся в доски моего пола кровь, это кровь члена сообщества.

— согласен, в первую встречу мне пришлось надавить, дел было много, а времени мало, без обид Лоренц.

— да какие обиды, ты привел мне почти дюжину детей, у самого меня закончились все сбережения, их и так было немного, и я скупал всех, кого мог, да ещё и целый ларец золотой чеканки федерации за транзит через границу.

Какое-то время они ели молча, корабль мирно качало на волнах. Максвеллу стало легче от того, что Лоренц не был на него в обиде, этот человек был ему по душе. Первым молчание нарушил Капитан.

— у тебя много дел на моем корабле, проверь тех несчастных что до сих пор в карцере, и что за история с этим торговцем?

— и правда, сначала я начну с только что освобождённых, после дам тебе знать, когда смогу осмотреть твою команду, думаю, за неделю я каждому смогу уделить минутку.

— это большая работа, я заплачу тебе за нее, когда прибудем в Геринбург.

— благодарю, а на торговца у меня особые планы, видел пацана, которого тащили люди?

— видел только одеяла да носилки, я отвёл раненому отдельную каюту, и с ним сразу закрылась одна из бывших рабынь, никого туда не пускает, и сейчас я пойду брать каюту штурмом, иначе эта женщина поплывет до земли вплавь.

— я приказал ей никого не пускать, на носилках был полумертвый мальчик, которого торговец решил научить манерам на глазах у других.

Лоренц замолчал, он перестал потягивать содержимое бокала, а в его глазах явно читалась ненависть.

— подобные истории меня давно уже не трогают, и все равно, таким гнидам не место на моем корабле, интересно, что ты хочешь с ним сделать? Если мне не понравится твой ответ, я своей рукой снесу ему башку.

— не горячись, он мой пленник, и я буду с ним разбираться, тем более что если бы я на него не давил может ничего и не произошло бы.

— тогда не затягивай.

Лоренц закончил трапезу и поднялся из-за стола.

— хватит разговоров, можешь свободно заходить в мою каюту, разве что не трогай мои бумаги, единственное место куда тебе нельзя, это пороховой склад, в остальном ты свободен в перемещении.

Лоренц вышел из каюты. Максвелл какое-то время наслаждался одиночеством, за дверьми были слышны морские песни и хлопанье парусов. Он допил содержимое бокала и поднялся из-за стола.

— ну, начнем.

Подойдя к кровати, он отодвинул занавеску и оглядел спящую девушку. Вчера ночью он не обратил внимание на ее худобу, ни капли жира или мышц на руках, волосы настолько грязные, что определить их цвет было невозможно, переплелись между собой, синяки под глазами, несколько почти заживших ссадин на лице и руках. Максвелл решил пока не будить, пусть отсыпается сколько хочет. Он оставил занавеску, приоткрыл окно, проверил нет ли сквозняка и вышел из каюты. На палубе уже начали появляться бывшие рабы, все они горбились и отводили взгляд, когда на них смотрели, движения их были скованные и осторожные. Максвелл заметил группу детей, которые сидели полукругом напротив Артемия, тот учил их как играть в крокодила. Как его друг объясняет правила он никогда не понимал, казалось, шута полностью понять могут только дети. Артемий увидел своего друга и приподнялся с места, но тот поднял рукой и помахал головой, сейчас помощь шута ему не требовалась, тот снова уселся и принялся изображать рога на своем смеющемся лице. А ведь только вчера эти дети сидели в клетке и ждали, когда их отправят в шахты или куда похуже. Максвелл направился к больному мальчику, он спустился под палубу, постучал в дверь каюты. Послышался женский голос.

— кто это? Капитан велел никому не входить сюда.

— это ваш спаситель.

Щелкнула застёжка и дверца отворилась. Максвелл прошел внутрь.

— ну как он?

— все еще спит.

Они разговаривали шепотом. Максвелл проверил температуру, у него был небольшой жар.

— я проведу доскональный осмотр, помогите мне.

Спустя полчаса они вышли на палубу, предварительно закрыв дверь в каюту, женщина упиралась.

— нельзя его одного сейчас оставлять, отпустите, я там побуду пока он не проснется.

— он ещё долго не проснется, не переживайте, вам нужно подышать воздухом, сильных физических повреждений нет, но я не знаю, как лечить разум, когда он проснется я могу его лишь поддержать, но дальше уже не моя область.

Они стояли, облокотившись на борт, и смотрели на бескрайний океан.

— воистину демоны не знают покоя, шепчут людям свои греховные помыслы, и шепот этот проникает прямо в душу, господин, я была монахиней церкви истинного пути в Рикесбурге, я позабочусь о нем, не беспокойтесь об этом, а когда прибудем в империю передам его в монастырь, там его наставят на праведный путь.

Максвелл ушел в раздумья, Рикесбург пал год и один месяц назад, на второй год войны, значит, она провела в рабстве год, смотря на зверства работорговцев и испытывая их на себе она не поколебалась в своей вере, это вызывало уважение.

— я не из господ, можете обращаться ко мне по имени, а кстати, как вас зовут?

— я Феральда.

— очень приятно Феральда, пожалуй, теперь пора вернуться к делам, если что-то будет не так немедленно посылайте за мной в любое время, понятно?

— понятно...

Максвелл повернулся к Артемию, тот уже не находился в центре компании, теперь перед сидящими полукругом детей пытался изобразить нечто непостижимое для современной науки юноша, а остальные дети махали руками и смеялись. Максвелл не стал кричать, он опустил ему на плечо синий магический барьер, тот повернул голову и сразу понял в чем дело, поднялся и подошёл к своему другу, дети этого даже не заметили, настолько те были увлечены.

— сейчас пойдем в карцер, ты мне нужен.

Арт кивнул. Максвелл снова повернулся к Феральде.

— вы что-то ещё хотели сказать?

— я хотела вас поблагодарить, если бы не вы... если бы вы не... в общем я не знаю сколько ещё я бы там продержалась.

У нее на глазах появились слезы.

— успокойтесь, в любом случае там остались тысячи плененных людей, вам просто повезло что мы с Артом подошли именно к вашему хозяину, честно вам признаюсь, если бы я не дал слабину, то прошел бы мимо, как прошел мимо сотен людей в тех же кандалах что были и вы.

Он направился к лестнице под палубу, одновременно думая про себя.

"Зачем я так прямо ответил ей? Она ведь хотела меня поблагодарить, наверное, я просто не понимаю почему я их всех спас, и продолжаю помогать остальным"

Вдвоем они добрались до карцера. В клетках все также находились один неизвестный Максвеллу человек, трое несчастных и один бывший работорговец. Первым делом он подошёл к троице знакомым.

— доброе утро, ну как вам номер в отеле?

Улыбнулся только один, самый молодой. Максвелл взял миску в которой находились анализы, вчера он не успел зайти к ним и теперь определить, больны ли они по этой жиже было невозможно.

— вчера я не смог вас навестить, однако я знаю, как вас лечить, все время на корабле вы обязаны будете приходить ко мне как я вас вызову, сейчас я проведу первый сеанс, а уже завтра после второго уже сможете переселиться под палубу к остальным.

Максвелл использовал магию созидания, золотой свет струился из его рук пока он обрабатывал каждого из них. Все это время торговец лежал без движений. И только к тому времени когда он закончил с последним своим пациентом, тот начал просыпаться. Арт стоял позади своего друга, заметив движение, он тронул его за плечо и показал в сторону пленника.

— ну хоть кто-то на этом корабле умеет просыпаться вовремя.

Максвелл принял благодарности троих мужчин и подошёл к торговцу. Тот неистово протирает глаза и отчаянно пытался сообразить куда же его занесло, он сейчас должен испытывать сильное похмелье.

— доброе утро красавица, как спалось?

Торговец обратил, заплывшие, слезящиеся глаза на говорящего, потом долго пытался на нем сконцентрироваться, и только после этого заговорил хриплым голосом.

— где я? Кто ты такой? Дайте воды, умираю с жажды.

— Арт, принеси уважаемому господину кружку воды, будь любезен.

Артемий откланялся и ушел исполнять поручение. Максвелл продолжил разговор.

— ты в клетке на борту "Зари" под командованием уважаемого капитана Лоренца... а черт, забыл его фамилию, все его зовут капитаном, и ты зови.

— в клетке? На борту корабля? Как? Когда?

Торговец был в растерянности, отчаянно борясь с головной болью он пытался осознать свое положение.

— именно так, и ты не выйдешь отсюда пока я тебя не освобожу, а когда выйдешь, потеряешь себя навеки.

Артемий вернулся с кружкой воды, которую он вручил пленнику. Тот жадно, в один присест, осушил содержимое до дна.

— да что ты несёшь, собрались грохнуть меня? Я член гильдии торговцев федерации, вас на крюках развешат за то, что вы тут устроили, и вашего капитана во главе, а этот корабль станет очередной скотовозкой в великом золотом флоте.

Скотовозками в торговой федерации называли корабли, перевозящие партии рабов с Илена через океан. Максвелл никак не отреагировал на этот всплеск отчаяния.

— ну значит висеть нам всем на крюках, увидимся позже, береги силы, кормить тебя никто не станет.

Он обратился к троем в соседней клетке.

— вы наверняка не в курсе кто это.

Ему вновь ответил самый молодой.

— нам про него рассказал моряк что приносил завтрак, мы знаем, что сделала эта скотина.

— вот и хорошо, до завтра.

Настало время обеда, Максвелл с Артом отправились на свои спальные места. Максвелл

взял свою медицинскую сумку.

— Арт, после обеда у меня не будет времени, не забывай посматривать за своей спасенной, только не буди ее, как проснется зови меня, о пацане не волнуйся, Феральда за ним присмотрит.

Пока Максвелл рассказывал Артемию положение дел к ним подошёл матрос.

— капитан желает, чтобы господин Максвелл присоединился к нему за обедом.

— капитан у вас питается как человек благородный, а вас кормит сухарями да вяленным мясом, обида не берет?

Матрос оскалил зубы.

— за нашим капитаном мы прыгнем в пасть морскому дьяволу без раздумий, если ты считаешь нас крысами в ошейниках это твое право.

Матрос сжал кулаки, Арт вскочил и встал в боевую стойку готовый в любой момент отдубасить темпераментного моряка.

— я не хотел никого оскорблять, просто поинтересовался, мне лишь интересно настроение на корабле, только и всего, всё-таки все эти освобождённые люди принесли немало паразитов вам под палубу.

Матрос разжал кулаки.

— не переживай по этому поводу, многие из нас когда-то точно также избитые и грязные жались друг к другу на борту этого корабля, ты много не знаешь.

Матрос развернулся и направился в сторону камбуза за своей порцией сухарей.

Максвелл кивнул своему другу и двинулся к каюте капитана. После короткого стука, не дождавшись ответа, открыл дверь. Лоренц уже приступил к еде.

— присаживайся, вкушай дары моря пока не пропали, завтра уже будут не те.

В меню и правда были в основном морепродукты, гребешки, крабы, даже морские коньки. Максвелл занял свое место и приступил к еде.

— что ни говори про федерацию, но морепродукты у них самые лучшие на всем континенте, и ведь, казалось бы, всего один порт, я думаю они их закупают у островов, ну ты и сам посуди, у империи ведь тоже обширная площадь береговой линии, но такого разнообразия им и во век не сыскать.

Лоренц поглощал одну креветку за другой. Максвелл ел более сдержано.

— Лоренц, мне нужно устроить поединок на твоём судне.

Капитан резко перестал есть, поднял глаза на своего гостя и громко засмеялся.

— ахах! А ты смешной Максвелл, с кем драться собрался? Ты конечно извини, но мы только вчера выбросили за борт три манекена для битвы, хотя, зная о боевых способностях лекарей, не думаю, что ты бы их одолел.

Максвелла кольнула обида, но он быстро с ней справился, императорским целителям и правда было чуждо насилие, не было известно ни об одном случае, когда дипломированный целитель поднял руку на человека, по крайней мере официально...

— как я уже говорил я не закончил обучение, послушай, мне нужно чтобы тот человек в клетке дрался со мной насмерть, если я совершу задуманное без подготовки, ничего не получится, он просто отключится и снова будет спать, а когда он почувствует азарт битвы его организм не позволит разуму выключиться.

— да чтоб тебя, и для того чтобы ты завершил свой тайный помысел я должен разрешить двум магам устроить дуэль на моем корабле? Да вы мне все троса перережете, и что потом, будете ручками со своим циркачом до берега грести?

— не перережем, я не буду использовать красный спектр.

— ну здорово, скажи ещё что ты грёбанный паладин.

— я не фанатик, послушай, когда я зашивал солдат на поле боя то многие из них выживали там, где в мирное время наступает верная смерть, когда человек находится на грани смерти что-то просыпается в нем и это что-то даёт его телу большую силу, скорость и стойкость, это мне и нужно от него.

— хватит мне в уши лить своей заумной фигнёй, на моем корабле не будет никаких дуэлей, я уже сказал тебе что пушу ему пулю в лоб если ты не предложишь других вариантов, и когда я закончу трапезу то пойду и сделаю это.

Лоренц замолчал, он снова принялся за еду, и делал он это так спокойно, будто не будет палачом спустя несколько минут. Максвелл догадался, что его собеседник не шутит.

— я лишу его разума.

— хочешь сделать из него безумца?

— именно, я выжгу его страхом, а дальше выкинем его на улицы Геринбурга, и пусть ползет куда судьба укажет.

Лоренц вновь перестал жевать.

— быстрая смерть или безумие на улицах в незнакомом городе, и ты считаешь, что имеешь право выбирать ему наказание?

— я не говорил, что считаю себя в праве наказывать людей за их поступки, у него своя культура, свое восприятие мира, мы не можем понять его, а он не может понять нас, ты прости, но сейчас у меня нет желания на философский спор, я просто хочу отомстить ему за избитого до смерти мальчика которого я поднял с окровавленных простыней.

Максвелл вновь почувствовал, как бездонная черная дыра в его душе принимает в себя всю ярость что он испытывает вот уже очень долгое время, когда нужно она послужит ему, но только тогда, когда это будет действительно необходимо.

Лоренц вновь принялся за еду.

— хорошо, будете драться посередине верхней палубы, вечером, а теперь давай спокойно закончим трапезу.

Молча они продолжили трапезу, а когда закончили, Максвелл снова заговорил.

— нужно поставить ей что-нибудь поесть, когда проснется.

И показал в сторону всё ещё спящей девушки. Лоренц кивнул и молча вышел из своей каюты. Посидев ещё немного в тишине, из-за стола поднялся и второй сотрапездник. Он подошёл к шпорке, отодвинул, убедился, что ее состояние не изменилось и тоже направился на свежий воздух, на выходе столкнувшись с юнгой, который нес тарелку супа.

Остаток дня прошел без особых происшествий, Максвелл смотрел и лечил волшебством освобождённых рабов, а Арт научил детишек ещё паре игр, а когда солнце уже начало клониться к горизонту устроился на носу корабля с дудочкой и в такт морским волнам, разбивающимся о дно корабля, начал завывать медленную и грустную мелодию.

Открыв глаза, она не сразу поняла где находится, теплая постель, нет запаха сырой земли и немых тел, не слышно нескончаемых криков надзирателей, только один запах сейчас занимал все ее сознание, рядом на стуле стояла тарелка супа с ложкой внутри. Девушка оглянулась, каюта капитана была достаточно богато обставлена, также тут не было

никого из людей, стоило бы оглядеться получше, но сил сопротивляться этому запаху уже не было. Она ела медленно, снова подавляя желание съесть все в один укус, и хоть блюдо и было уже порядком остывшее, все равно оно показалось ей самой вкусной в мире едой. Когда она закончила, на тело навалилась сильная усталость, чего ещё она не заметила, когда проснулась так это того, насколько хорошо она выпалась. И все же место было странным, она помнила, как они бежали с тем странным человеком, но после побега с Колизея не помнила ничего. Сейчас обстановка была дружелюбнее, на ней не было кандалов, ей оставили человеческую еду и уложили в человеческую кровать, чего же от нее могли хотеть, только разве что ее боевые навыки, ничего другого в голову не приходило. Преодолевая усталость, она вновь встала, чтобы посмотреть в окно, за которым сиял бесконечными бликами океан. Значит, опять на корабль, в прошлый раз, когда она была на корабле, ее с сестрой заковали в тяжёлые кандалы, их били и кричали за малейшую провинность.

С другой стороны каюты был слышен нарастающий гул, люди собирались на какое-то представление, она вспомнила про фокусы человека в маске, он совершенно точно был не в ладах с головой. Девушка подошла к двери и заглянула в замочную скважину, в ней не было ничего видно, весь вид преграждали спины людей. Она колебалась прежде чем приоткрыть дверь, но любопытство взяло свое. Дверь без скрипа отворилась, и тонкое тельце выскользнуло наружу.

Толпа окружала площадь посередине корабля, на которой сейчас находились двое человек, один что-то втолковывал второму, где-то она уже видела этот темный балахон. Лоренц угрожал Максвеллу.

— только попробуй повредить мне хоть один канат, я тебе пулю в башку пушу вместе с тем уродом, хоть одна щепка отлетит от мачты, и ты со своим другом пойдешь на корм акулам, будь ты хоть трижды императорским целителем, понял?!

— понял, понял, может уже приведешь его? И ещё бы толпу поубавить

— ещё чего! Это чтоб ты не расслаблялся, чем больше людей, тем меньше вы тут кидаться своими барьерами будете, а вот и твой клиент.

Два массивных матроса за руки втащили на верхнюю палубу пленного, у того под глазом уже был массивного вида фингал. Лоренц поднял руку вверх, и толпа успокоилась. Девушка поняла, что это капитан судна, он начал свою речь.

— сегодня я принял решение нарушить одно из главных правил моего корабля, надеюсь, вы понимаете, почему я это делаю, для тех, кто не знает этот мешок мяса, любителя детишек, привел к нам на корабль наш достойный гость.

Моряки начали перешептываться, кто-то крикнул из толпы.

— везде есть исключения!

— согласен! Исключения есть всегда, но это не значит, что вам разрешается бить друг-другу морды почём зря, итак, начнем.

Торговец поднялся с того момента как его бросили на пол матросы и сидел молча. Лоренц подошел к нему.

— в империи есть замечательная традиция, дуэль Окнес, ныне запрещенная на территории Аврелианской империи, согласно этой дуэли, победитель считается избранником богов и оспорить его неправоту значит оспорить волю богов, она пришла к нам из славных времен военных походов, когда трон доставался по праву сильнейшего.

Торговец оскалился.

— мне нет дела до ваших тупых традиций, когда я освобожусь тебя и всех твоих

матросов отправят в шахту, добывать камень души, где вы будете гнить до конца своих дней.

Лоренц, долго не думая, размахнулся и врезал весомую пощечину наглому торговцу.

— вижу ты не настроен к беседе, тогда кратко, выиграешь вон у того человека в темном балахоне, останешься жив, проиграешь, и мои парни застрелят тебя с четырех разных позиций, все понял? И даже не думай о том, чтобы кого-нибудь ранить, или повредить мой корабль, тогда получишь пулю промеж глаз в досрочном порядке.

Лоренц не дождался ответа, он отвернулся от пленника и направился к Максвеллу.

— теперь дело за тобой, интересно как ты собираешься совершить то что задумал.

— сейчас увидишь.

Лоренц похлопал его по плечу и направился на мостик капитана, где и встал за штурвал. Максвелл махнул рукой Арту в толпе и тот бросил человеку с синяком его серьги. Тот, как только сообразил, что ему возвращают, мигом кинулся к своему сокровищу. Максвелл сжал руку в кулак, кольцо на руке начало светиться лёгким синеватым светом.

Как только его противник одел свое украшение, Максвелл моментально почувствовал укол страха в глубине души, ну разумеется, торгаш будет использовать гнев. Усилием воли он отогнал частицы страха что пытались сломить его решимость, как вдруг в его сторону полетели смертельные красные иглы. Максвелл создал барьер и те испарились о синюю стену, вот только несколько из них отклонились от прямой траектории, обогнули стену и практически впились Максвеллу в мягкую плоть, в последний момент он успел перенаправить энергию в свое тело, из-за чего стал намного крепче. Черт, прошлой ночью его соперник дрался совсем не так, просто тогда он был намного пьянее, а сейчас, перед страхом смерти, он мог разгуляться в полную силу.

— и это все? Мне нужно всего лишь победить тебя? К ужину управлюсь.

— не обольщайся, в отличие от детей я способен тебе противостоять.

В Максвелла вновь полетели кинетические снаряды, он отражал один осколок за другим, но его соперник без конца посылал все новые и новые потоки магии. Вскоре синие барьеры перестали успевать за бесконечными иглами, что летели в сторону Максвелла, он начал получать один порез за другим, из ран сочилась кровь, но он не отступал ни на шаг как вдруг поток игл прекратился. Максвелл воспользовался этой передышкой чтобы укрепить свои барьеры, но сильнейший луч ударил по одному из его щитов, за секунду проломив барьер и врезавшись в грудь несчастному. Максвелл отлетел назад и в полете остановился спиной об опору мачты, после чего упал на колени на палубу. Торговец ликовал, для него это была лёгкая победа, в бою недостаточно только лишь защиты, и он это знал, может против обычного солдата такая тактика и работает, но против умелого мага никогда, на что вообще рассчитывал этот ничтожный лекарь? Он осторожно подошёл к своему сопернику.

— видимо твои боги считают, что я иду по честному пути, значит ли это что все имперские собаки обязаны в цепях целовать ноги нашему великому народу?

Максвелл поднял голову, он не смог победить, его противник оказался сильнее, что же это может значить? Что прав этот торговец? Прав в том, что заковывает людей в кандалы и торгует ими словно вещами? И кто сможет его остановить? Кто сможет остановить всех их? Между тем его оппонент продолжал.

— тебе нужно было просто вклеить мне пулю в лоб, а теперь по вашим же тупым традициям я свободен и пойду с этого корабля здоровый и невредимый и все будет так как я сказал, вы все здесь лишь скот, неспособный даже найти себе катализатор для волшебства.

Кольцо на пальце у Максвелла приобрело другой цвет, теперь оно светилось красным, и

свет этот становился все ярче. Гнев толчками вырывался из своего уютного убежища внутри разума, с каждым пульсом становясь все ближе к истинной ярости. В уме вновь закрутились воспоминания, поля, усеянные трупами в бесполезной войне, клетки в подвалах гаремов, жестокое пренебрежение людскими жизнями аристократов и на вершине всего, лицо его родной, мертвой сестры. Время вокруг практически остановилось, он спокойно встал и подошёл к своему сопернику, выдернул серьги из его ушей, он видел, как капли крови застыли в воздухе над палубой, затем направил энергию наружу, время вновь возобновило свой ход и огромный водопад ярости обрушился на сознание противника. Максвелл закричал и эхом его голоса был рокот древнего чудовища.

— ты избранник богов?! Так узри же частицу божественности!

Его соперник кричал и бился в бесплотных попытках выбраться из хватки. Светящиеся красным глаза Максвелла выжигали в его душе неизлечимые шрамы, он кричал и вырывался, сбивая кулаки в кровь, но тот все держал и давил на него нескончаемым страхом. Вот наконец крик начал прерываться, а потом перешёл в смех. Бывший торговец уже не боялся монстра, что сжимал его в своих стальных объятиях, для него все уже было кончено.

Максвелл закрыл канал и отпустил соперника. Все было кончено, безумец лежал у его ног, плача в своих собственных испражнениях. Максвелл обернулся, никто вокруг не разговаривал, все взгляды были устремлены на него и в глазах он снова видел страх и растерянность. Двое матросов молча взяли сумасшедшего за руки и отнесли под палубу, тот, не останавливаясь, рыдал. Максвелл нашел на полу серьги, которые вырвал из ушей противника и подобрал, в оправе из чистого золота блестел серебрянный, цвета восприятия, камень, этот человек часто воздействовал на своих покупателей влечением, его делу правда это мало помогло.

Толпа медленно расходилась, и матросы сбились в кучу, что-то обсуждая и показывая пальцами на Максвелла. Он выкинул за борт корабля серьги и посмотрел на Артемия, тот в свою очередь указал ему в сторону каюты капитана. Лоренц все также стоял у штурвала и пристально наблюдал за своим пассажиром.

— думаешь, Лоренц разозлился? Я его обо всем предупредил.

Артемий помахал головой и вновь показал на дверь каюты капитана.

— я не понимаю, ты хочешь, чтобы я туда зашёл? Я и так там буду за ужином.

Арт шлёпнул себя по лбу, потом махнул рукой и двинулся в сторону лестницы под палубу. Максвелл посмотрел ему вслед и отправился на разговор к Лоренцу.

— как видишь, твой корабль цел, не порвано ни одной ниточки на канатах.

Лоренц молчал, он не отводил взгляда от горизонта впереди.

— я ведь тебя предупреждал, ты думал я его молитвами буду доводить до безумия?

Лоренц не отвечал.

— ты можешь меня игнорировать, мне плевать, только работы поубавится.

Максвелл уже развернулся чтобы уйти, как капитан наконец подал голос.

— ты черный маг?

— с чего ты взял?

Лоренц одним движением вытащил пистолет и наставил его ко лбу собеседника, одновременно с ним такое же движение проделали ещё трое человек, стоявшие рядом, и вот уже четыре ствола с разных сторон смотрят в сторону одной головы, слишком много для любого волевого барьера. Максвелл поднял руки и начал говорить.

— спокойно, я не черный маг.

— хватит врать! Невозможно проделать такой трюк без воздействия на разум, да ты бы сам первое выгорел, прежде чем даже поднялся с того пола!

— согласен, силы я применил немало, и любой другой бы и вправду обезумел, но ты много не знаешь, и если позволишь мне объяснить то все поймёшь, всё-таки тебе ничего не мешает выстрелить в меня и позже, у нас впереди ведь целая неделя.

Некоторое время Лоренц медлил. Но пистолет так и не отпустил.

— объясняй.

— здесь много ушей, а лишние слухи мне ни к чему.

— мёртвому лишние слухи ни к чему.

Максвелл глубоко вздохнул. Он снял с пальца кольцо и продемонстрировал его фиолетовый камень капитану.

— знаешь, что обозначает этот цвет?

— твоя магия, это воля и гнев, и что с того?

— а что происходит с катализатором тех, кто сгорает, ты знаешь?

— знаю, хватит меня проверять, ты уже понял, что я хорошо осведомлен о магических искусствах, говори по делу.

— у меня пепельный катализатор и достаточно злобы, чтобы свести человека с ума без использования черной магии.

— а не безумен ты потому что вокруг твоей головы летают пикси, думаешь, я поверю в это?

— верь во что хочешь, большего я тебе не расскажу, иначе умру не от твоей пули, а от клинка в спине.

Лоренц долго думал, трое моряков с пистолетами смотрели на своего капитана и ждали решения. В конце концов он нехотя опустил пистолет.

— ты очень темная личность Максвелл, не обижайся на мой выпад, я служил во флоте во время войны и видел зверства пиратов с островов, там о запретах и не слышали, поверь мне, я вижу, что ты неплохой человек, но твоя ненависть погубит тебя.

— я понимаю, я не черный маг вот тебе мое слово, большего дать не могу.

Они пожали друг-другу руки и Максвелл повернулся чтобы удалиться, Лоренц крикнул ему вдогонку.

— я видел среди толпы твою девушку, она вернулась в каюту.

Максвелл кивнул и продолжил спуск, а Лоренц ушел в раздумья.

" Может быть, мне и показалось, но на миг он потерял себя, а на замену пришло нечто иное..."

Девушка вновь сидела на своей кровати, на нее навалилась слабость, и она вернулась в каюту сразу после того как моряки выволокли того несчастного с палубы. Ее одолевали множество мыслей.

"Как это возможно? Он его даже ни разу не ударил, но противник все равно пал, мне необходимо узнать больше про эту их магию, если дать Кхтонии это знание, мы станем намного сильнее, и все неверные вернуться к реке жизни и возродятся очищенными от греха"

Сильно задумавшись, она вздрогнула, когда дверь в каюту отворилась, за ней показалась фигура в темном балахоне, тот самый человек, теперь она вспомнила его, он сидел в ложе у надзирателя, ну конечно же, ее не могли отпустить, вот только зря они дали ей силы снова сражаться, послушаем, что он скажет.

— добрый вечер, мадам позволит мне войти?

Не дождавшись ответа, он прошел внутрь и присел за стол, не сводя взгляда со своей собеседницы. Девушка не произнесла ни слова, этот насмешливый тон был ни к месту, она только что видела, что произошло на палубе, которую сейчас уже должны оттирать провинившиеся.

— идиотское приветствие, уж прости, ничего в голову не пришло после долгого дня, меня зовут Максвелл, а как твое имя?

Опять молчание, Максвелл молча глядел в ее умные и настороженные глаза.

— вижу ты не особо разговорчива, Артемию, наверное, просто стало скучно постоянно молчать одному, теперь вы будете молчать вместе, а на скрипке ты умеешь играть? Тогда вы просто созданы друг для друга.

— Артемий, это человек в маске?

— да, этого выпендренщика зовут Артемий, по правде говоря это я его так называю, я не знаю его имени.

— почему не знаешь его имени?

— спроси у него.

— а почему он всегда в маске?

— потому что ты бы не хотела увидеть то что под ней, уж поверь.

— ты не знаешь, чего я хочу.

— согласен, но это просто такое выражение, это не нужно понимать буквально.

— тогда зачем это говорить?

— просто привычка.

— люди вашего континента не могут уследить за тем что говорят?

— да все мы можем... Слушай, я здесь не для споров о правильности речи, у меня к тебе дело, и нам нужно его обсудить, сейчас подадут ужин, а после мы...

Договорить он не успел, его собеседница метнула в его сторону маленький карманный нож со стола. Максвелл успел только вскочить со стула, и лезвие угодило ему в правое плечо. Он вскрикнул от неожиданной боли, тут на него накинулось какое-то тело, которое без особых проблем повалило его на пол и придавило коленом шею. Наконец он сообразил в чем дело, быстро нащупал свободной рукой под одеждой камень и дал заряд магии внутрь него. Девушка закричала от жуткой боли, пронизавшей все ее тело, она упала со своей жертвы и лежала на полу в скрюченной позе, все ее тело свела судорога. Максвелл перестал воздействовать на камень, поднялся с пола и вырвал из плеча окровавленный нож.

— да чтоб тебя, вот и знакомься с женщинами после такого.

Он применил магию и золотое свечение окутало рану, кровь перестала литься, и края затянулись, на месте пореза остался маленький розовый шрам. Девушка продолжала лежать на полу, Максвелл опасался вновь подходить к ней, однако чувствовал себя виноватым, даже несмотря на нож, за то, что применил ошейник, поэтому он помог подняться и перенес ее на кровать, та судорожно дышала, но была в сознании.

— предлагаю не рассказывать капитану об этом инциденте, после ужина нам будет, о чем поговорить.

Девушка наконец пришла в себя, она слабо кивнула, а затем прошептала.

— я Нирия Энтемос.

— приятно познакомиться Нирия.

Дверь в каюту вновь отворилась, это был кок, за ним несли подносы с едой ещё несколько человек, они быстро расставили три набора и удалились. От Максвелла не

ускользнул голодный взгляд, который Нирия бросила на эти подносы.

— думаю один из этих наборов твой, только не ешь слишком быстро, если тебя морили голодом, это опасно.

Она встала с постели, будто бы не лежала пару минут назад на полу, корчась от боли, села за стол и принялась за еду. Максвелл занял свое уже привычное место и стал дожидаться капитана. Спустя пару минут в каюте появился и он, с порога заявив.

— вижу, в Кхтонии не принято дожидаться, пока все гости не займут свои места за столом, и уж тем более пока не займет свое место хозяин.

Нирия никак не отреагировала на это замечание, она была слишком занята поглощением ужина.

— оставь ее Лоренц, лично я вот только о тебе и думаю, когда ты уже займешь свое почетное место хозяина.

Капитан уселся во главе стола и без церемоний принялся за еду.

— я капитан Лоренц, а как ваше имя мадам?

— Нирия.

— очень приятно Нирия, аппетита вам не занимать, тогда прошу вас, наедайтесь, с завтрашнего дня у нас вновь в рационе одни червивые сухари, а в прочем это ещё ничего, вот те тучи паразитов, которые бывшие рабы принесли с собой, вот это проблема.

Нирия вдруг опомнилась, она посмотрела на свой грязный рабский мешок по недоразумению названный одеждой, потом взглянула на кровать, на которой проснулась.

— думаю вы знали на что идете, когда клали меня на это ложе.

Лоренц ответил не сразу.

— определенно, в Кхтонии не слышали об этикете, могла бы сказать спасибо за то, что позаботились о тебе и за то, что вытащили из клетки.

— меня вытащил человек в маске, и я не просила о помощи, я не стану благодарить вас за мое спасение.

Говоря слово "вас" она имела ввиду и Максвелла, она продолжала.

— а ваша забота продиктована только тем что вам что-то нужно от меня, потешить свое самолюбие чтобы рассказать о благородном освобождении рабов или приобрести новых бесплатных рабочих, думаю, если у меня не окажется этого "чего-то", ваша забота сойдёт на ноль.

Лоренц слушал ее молча, Максвелл же спокойно продолжал трапезу. Капитан махнул рукой и ответил.

— вижу у тебя свой взгляд на мир, тебе приготовлена койка под палубой рядом с остальными, это всё-таки моя личная каюта.

После этих слов Лоренц встал из-за стола и обратился к Максвеллу.

— однако тяжёлый случай, не представляю, как ты собираешься склонить ее на свою сторону, ну, удачи.

И вышел за дверь. Максвелл и Нирия молча сидели за столом и смотрели друг на друга. Первой молчание нарушила она.

— так, о чем ты хочешь со мной поговорить? И я хочу знать, что ты сделал со мной.

Максвелл откинулся на спинку стула, плечо немного зудело.

— а мне не придется вытаскивать из туловища другие инородные тела?

— зависит от твоих ответов.

Максвелл почувствовал укол гордости, эта женщина все выставила так словно это она

здесь главная. Он вытащил из кармана белый камень и положил его на стол.

— знаешь, что это?

— белый камень

— действительно белый, это камень твоей души, в простонародье ошейник, такие аксессуары создаются специально для самых опасных гладиаторов только в Кровавом колизее, внутри него, с помощью черного колдовства, запечатана часть твоей души, соответственно можешь считать его новой частью своего тела, ведь если камень разрушится, ты умрешь в страшных муках, также определенного статуса волшебники могут воздействовать на него, отличительной особенностью такого воздействия является отсутствие сопротивления, присущего живой жертве в виде воли, поэтому все что я внушу этому камешку передастся тебе без всякого сопротивления, к тому же он невероятно красив, если отполировать такой камушек, на свету он начнет переливаться всеми цветами радуги.

Девушка слушала и молчала, разумеется Распорядитель не мог просто так отпустить ее даже с самым сильным своим прихвостнем, ее сородичи позаботились о репутации. И все же, чем больше она слушала, тем больше нарастал страх в ее разуме, этот вид подчинения был куда хуже железных кандалов, и она уже ощущала его на себе. Между тем Максвелл продолжал.

— также ты не сможешь отойти от него на большое расстояние, если отойдешь, то связь с камушком разорвется, и ты станешь такой же счастливой, как тот парень которого уволокли сегодня с палубы.

— я не помню ритуала, когда меня привязывали к этой вещи.

— и не вспомнишь, черная магия — это в основе своей воздействие на разум, адепт, что создал эту мерзость должен был обладать весьма обширными знаниями в этой области, а стирание памяти — одно из простейших умений этой школы, однако я представляю, что это за ритуал, и тут уж поверь, ты бы не хотела его помнить.

Максвелл положил камень обратно к себе в карман. Нирия с любопытством до самого конца сопровождала взглядом этот мерзкий артефакт.

— понятно, тогда ответь на следующий вопрос.

— к вашим услугам мадам.

— ты самый умный из шестёрок Распорядителя?

— а вот это обидно, я никому не подчиняюсь, и уж тем более не подчиняюсь тому жирному борову.

— не ври мне, я видела тебя у него в ложе, туда не приглашают простых людей, и в тот же вечер после визита меня освобождает твой друг, и освобождает так просто, будто этот игра, он и не думал о том, чтобы быть серьезным! А теперь ты задобрил меня хорошим обращением и рассказываешь, что я все ещё игрушка Распорядителя, теперь ты скажешь "взамен на камень ты должна совершить подвиг", а когда дело будет сделано ты разобьешь камень.

Максвелл сидел без движений, ему сильно не понравилось, что девушка далеко не глупа, имея так мало фактов она создала практически правильную версию событий. Может поэтому она была так уверена в себе. Наличие ума обозначало, что она постоянно будет сомневаться в его решениях, а это раздражало.

— а ты умная девочка, теперь я понимаю, почему Кхтонцев так сложно победить, колонисты считают вас дикарями, но, похоже, все как раз наоборот.

— не смей говорить о Кхтонии, ты ничего не знаешь о нас.

— прошу прощения, я не хотел тебя обидеть, теперь послушай мою версию, я не подчиняюсь Распорядителю, и в ложу он меня пригласил, чтобы лично вручить письмо, которое я доставлю по назначению, он каким-то образом узнал, что я член сообщества, именуемого Дном, я понятия не имею что он хочет от нашей маленькой компании, а поскольку на их рынок заходит не так много имперцев, не говоря даже про членов общества, я удостоился личной аудиенции у великого.

Нирия молча слушала, Максвелл продолжал.

— что насчёт Артемия, так тут ты сама все поймёшь со временем, даже объяснять не буду, а вот насчёт камня за дело тут ты угадала, только вместо смерти я обещаю освобождение и возвращение души на ее законное место.

— а если я захочу забрать камень?

— я тебе его отдам, на самом деле я хотел сразу тебе его отдать, но после того, как ты проделала в моем теле еще одно лишнее отверстие, передумал.

Нирия размышляла, ее не устраивали оба варианта, с одной стороны, что за дело может быть у этого человека, навряд ли оно было простое, раз они рисковали всем, чтобы спасти ее, при том даже не зная будет ли она им полезна, с другой, она могла найти другого человека, который сможет избавить ее от ошейника, однако это очень сомнительный вариант, если черная магия запрещена, значит, человек ею обладающий, с большей вероятностью окажется мерзавцем, и скорее использует Нирию как свою игрушку, чем освободит. Но чем сидящий напротив отличается от таких людей?

— я согласна, ты освобождаешь меня от ошейника, а я помогаю тебе в твоём деле, скрепим договор кровью.

После этих слов она взяла столовый нож, сделала порез на ладони и протянула ее своему партнеру. Максвелл отнесся скептически к этому жесту.

— ты хоть понимаешь насколько это опасно? Если я тоже надрежу ладонь и пожму твою руку может перенестись столько болезней что...

— хватит скулить, скрепим договор кровью, или отдавай камень, и я пошла.

Максвелл вздохнул, он понял, что общего языка он с ней не найдет, повторив надрез он пожал ей руку.

— добро пожаловать в отряд Нирия, пойдём познакомимся с Артемием.

— я уже с ним знакома.

— о нет, с этой стороны ты его ещё не видела.

Снаружи уже был слышен гул. Моряки, в вперемишку с бывшими рабами, выплясывали кто как мог, под бодрую мелодию, которая лилась из флейты Артемия, и под которую Феральда пела веселую песню. В чистом небе над гладью океана проплывали огромные глыбы новых лун на фоне бесчисленного множества ярчайших звёзд. Этим вечером никто не думал о той тяжкой доле что выпала каждому человеку на этом судне, и только человек в карцере, на нижней палубе корабля, не сводил глаз с безумца в клетке напротив.

Высокие каменные стены, словно тело падшего титана, давно маячили на суше, с самого восхода солнца притягивая взгляд выросшей в деревне девушки. Нирия локтями облокотилась на борт каравеллы, и до сих пор не могла поверить в свою свободу. Максвелл, справа от нее, рассказывал о видневшейся вдали цитадели.

— эта крепость, как и городишко под стенами, называется Геринбург, самое укрепленное сооружение во всей империи, из трех лет войны ее осаждали два года, но чужие армии так и не смогли подойти достаточно близко чтобы захватить хотя бы город, не говоря даже о самой цитадели, так вышло, что мы с Артом вынужденно гостили в этом порту целый год, пока не спала первая осада, я видел как ядра кораблей Золотой армады раскалывались об эти стены, видел, как командиры не позволяют дрогнуть своим солдатам перед превосходящими их силами противника, и, если спросишь меня, то настоящая сила этих стен не в их камне, а их защитниках.

Тем временем корабль неуклонно приближался к одному из двух портов города. Начали вырисовываться первые постройки, над стенами теперь виднелся замок, а у их подножья расстелился немаленький городок, резко отличающийся от военной серой махины над собой своими уютными и ровными улочками. Нирия спросила у Максвелла.

— кто из ваших старших в здравом уме полезет на эту громадину?

— лезут и не на такую, иногда иного способа, кроме как открытый штурм, просто нет, в первый год войны крепость Рикесбург пытались взять измором, флот федерации заблокировал море, а воины северного королевства подошли с восточной стороны, с суши, стояли так два месяца пока ордынская конница устраивала набеги на регулярную армию.

— что им помешало ее захватить?

— имперский флот нанес удар по Золотой армаде и вынудил ее отступить, после этого и армия севера быстро оставила свои позиции, тогда еще всем казалось, что у империи есть шанс на победу в войне.

Город был уже совсем близко, освещаемый чистым, без единого облачка небом, Нирия могла рассмотреть каждую мелкую деталь этого поселения. Стены цитадели оказались не такими совершенными как могли показаться издалека, по всей площади их каменной поверхности были выстроены деревянные строительные леса, на которых сушили рабочие. Постоянно вспыхивали всплески то синего, то красного цвета, волшебство использовалось не только для битв. Рабочие замазывали многочисленные трещины, возникшие после двух лет осады от вражеских стрел, магии, пуль и ядер. Собственно, кроме высоты, которая, без сомнения, была величественной, эти стены выделялись и своим минимализмом, не было заметно ни единого украшения, будь то статуи или же гравировка на камне.

Вокруг метались матросы, капитан Лоренц отдавал команды стоя у штурвала. Они находились в море шесть дней и всем хотелось поскорее ступить на твердую землю. За это время Нирия и Максвелл редко разговаривали, она намного больше симпатизировала Артемию, чем его другу, может потому, что тот всегда молчал, и не старался всем своим видом показать, что знает все на свете, да Максвелл ещё и был постоянно занят, а когда не занимался врачеванием, то спал или ел. Он все свои силы тратил на исцеление, на корабле даже у капитана нашлось что обследовать. На самом деле Нирия вообще мало с кем разговаривала, все эти люди хоть и были товарищами по несчастью, но все же оставались

для нее чужаками, она тосковала по родным краям, в долгие часы плавания вспоминала как ходила на охоту с отцом. В то время, преодолевая усталость, терпя боль от многочисленных ссадин и порезов, когда они вдвоем выслеживали оленя, два дня идя по его следам, она никогда бы не подумала, что будет вспоминать эту охоту с теплотой на душе. Когда она с первого выстрела попала бедному зверю прямо в глаз, а после, тогда ещё живой отец, с гордостью за свое дитя обнимает ее за плечи и благодарит Делай-ша-Леккоя за такую талантливую дочь.

— эта душа была послана сюда для одной цели.

Говорил он, когда они готовили носилки, чтобы отвезти тушу в деревню.

— это создание спасалось от хищников, оставляло потомство, выживало ради одной цели, теперь его тело накормит всю нашу семью, и мы возьмём все что сможем чтобы его усилия не пропали даром.

— не очень то достойная цель для существования, пропасть в желудке у Лелианы, она сможет в одиночку с ним управится.

Отец улыбнулся.

— в этом твоя сестра вся в меня, и все же, судьба этого зверя привела его сюда, достойная это цель или нет, но теперь наш дом не будет голодать.

— отец, к чему ты пытаешься подвести?

— мои навыки красноречия не такие как у учителя Нерота, я хочу сказать, что у каждого своя судьба и своя цель, кто-то рождается и проживает спокойную и счастливую жизнь, а кому-то выпадают ужасные испытания, порой доводящие человека до безумия, но у каждого человека свой путь, и вот что я хочу донести до тебя, сколько бы раз ты не отчаивалась, помни, все испытания что выпадают на твою долю, уготованы только тебе, и больше того, с чем ты не сможешь справиться, тебе не выпадет, знаешь, что это значит?

— что я способна на все что захочу?

— именно, ты способна на все, а препятствия что встанут у тебя на пути ты в силах сокрушить, потому что, что бы тебе не выпало, ты в силах с этим справиться.

Нирия опустила взгляд, под ногами лежала туша бедного животного.

— ну ты и развел тут представление, а я ведь просто случайно попала ему в глаз, теперь всегда буду прокручивать в голове этот урок на охоте перед выстрелом.

— да ну тебя мелкая, помоги мне с носилками.

Нирия все также стояла, облокотившись на борт корабля. Максвелл смотрел уже не в сторону бастиона, а на нее, невольно его глаз отмечал хоть и немного помятую, но все еще гордую осанку.

— о чем-то задумалась?

— неважно, мы долго пробудем в этом городе?

— недолго, во-первых, мы тебя отмоем и оденем, во-вторых, мне нужно обменять оставшиеся камни на местную валюту, вот и все, после двинемся в сторону столицы сделав небольшой крюк.

Нирия смутилась, она и вправду давно не мылась, за время рабства она уже настолько привыкла к вони немых тел что практически ее не ощущала.

— помыться бы и впрямь не помешало, вот только волосы скорее всего уже ничем не отмоешь.

Артемий показал, как отрезает копну волос с головы.

— ты прав Арт, придется их отсечь.

Корабль уже заходил в порт, всех пассажиров увели под палубу. Когда Заря пришвартовались к пирсу, Лоренц вызвал Максвелла к себе.

— пора прощаться, я приготовил тебе маленький презент в дорогу за то, что ты вылечил моих ребят.

Лоренц вручил в руки собеседнику кошелек. Максвелл раскрыл и посчитал монеты.

— пятьдесят серебряников, довольно щедро с твоей стороны, а в убыток не выйдешь?

— разумеется нет, империя возмещает все затраты за выкупленных рабов, а если ты не знал, то толпа ребятишек выйдет мне на двадцать золотых имперских монет, так что я тебя сейчас ограбил на девятнадцать золотых и пятьдесят серебрянников, ахахах.

— да подавись.

Максвелл засунул кошелек за пазуху.

— если можешь, не распространяется особо что я тут сделал с торгашом, такие слухи привлекут слишком много внимания.

— всех матросов не заткнешь, кто-нибудь да проболтается под хмельным.

— я понимаю, но чем меньше слов, тем лучше, ты ведь и сам это понимаешь.

— понимаю, я могила, вот тебе мое слово, а о мальчике не волнуйся, Феральда взяла ее под свою опеку, отвезёт его в монастырь, может, там ему и помогут заговорить.

С того момента как мальчик проснулся он не произнес ни слова, Феральда постоянно находилась рядом и никого к нему не подпускала.

— это хорошо, он будет жить, здоровье у него крепкое.

— он то будет, получит церковное образование, станет священником или отправится в путешествие, а тот безумец умрет от голода где-нибудь под мостом, я вот хотел тебя спросить, а совесть не мучает?

— мучает, но, если бы у меня был шанс повторить наказание, я бы сделал это ещё раз не раздумывая.

— понимаю, не мне тебя осуждать.

— в трактире у Джека всё ещё открытая ячейка?

— а то как же, этого старого хрена оттуда только вперёд ногами вынесут, только вот в прошлом году ядром ему крышу разворотило, заделали как смогли, теперь у него и на роже, и на крыше шрам на половину площади.

— ого, и как у него инфаркт не случился, с его драгоценным трактирчиком такая трагедия.

— да он уже одной ногой на том свете был, я уверен кто-то в зале монетку уронил, а он поднять решил, вот с того света и вернулся, пора прощаться.

Лоренц протянул руку новому другу, Максвелл пожал ее.

— увидимся Лоренц, удачи тебе.

— и тебе Максвелл, не забудь своего друга, он мне тут всю дисциплину развалил своими азартными играми.

Трое путников сошли с корабля. В первый год войны Максвелл с Артемием находились именно в этой крепости и пережидали месяцы осады вместе с жителями города. Нирия наблюдала за снующими вокруг людьми, грузчики разгружали корабли, мимо проходили патрули легионеров, вот какой-то важный чиновник поднимается на борт корабля чтобы зарегистрироваться его название в журнал. Максвелл не стал задерживаться на пристани, сразу повел группу в глубь города, он точно знал куда идёт. Они шли по главной улице, справа, даже над крышами двухэтажных домов, виднелась громадина форта, и Нирия все

никак не могла насладиться этим зрелищем, усилием воли она заставила себя отвернуться и сосредоточилась на том, чтобы запомнить дорогу, по которой они шли. Мимо проплывало множество людей, улица была достаточно широкой для того чтобы здесь разъехалось два экипажа, и периодически таковые проезжали мимо, но редко. Люди здесь были одеты в совершенно другие одежды нежели жители торговой федерации. В этом городе было не в чести выставлять напоказ свои драгоценности, их одежды имели менее вопиющие цвета, и даже двигались здесь все как-то иначе. Вокруг находилось множество различных прилавков с овощами, мясом, различными побрякушками, также внутри зданий встречались мастерские, кузницы или просто магазинчики. Жизнь здесь тесла совершенно иная. Троица двигалась быстрым шагом, они привлекали слишком много внимания, в основном взгляды падали на Нирию, она слишком выделялась на фоне остальных, грязная, со спутавшимися волосами, в рабском мешке. Она даже начала испытывать дискомфорт от такого внимания, когда они уже придут на место? Наконец они остановились рядом со зданием, мало чем отличающимся от остальных, правая часть крыши была заделана любыми попавшими под руку досками, что в принципе было не редкостью в этом городе, иногда даже встречались полностью разрушенные дома, которые сейчас никто не собирался чинить.

— вот мы и пришли, должен тебя предупредить Нирия, манеры у хозяина не самой последней свежести, поэтому приготовься к потоку желчи в свой адрес, зато этот человек никогда не сдаст тебя легиону.

— главное, чтобы у него было где вымыться, ты не говорил, что у нас проблемы с легионом.

— вот и сказал, раз ты такая независимая, стой и помалкивай, иначе обидишь его.

Нирия фыркнула и вошла в здание вслед за Максвеллом. За барной стойкой натурал посуду пожилой мужчина со шрамом на правой стороне лица, зал был пуст, и он с порога приветствовал гостей.

— добро пожаловать в... Да чтоб тебя императрица дрючила, я надеялся, что ты сдох.

— я тоже рад тебя видеть Джек.

Арт помахал знакомому рукой и уселся за один из столов положив на него ноги.

— ты же ушел на передовую, как ты сказал "раненых лечить", что, всех уже вылечил? Или струсил? И кто твоя девка? Сколько берет за ночь? Хоть бы помыл ее.

Нирия слегка оторопела от такой наглой прямолинейности.

— закрой рот старый хрен, я вижу у тебя не все зубы на месте.

— а ты с характером! Ну иди сюда я себе парочку твоих заберу.

Нирия уже двинулась к старику как увидела краем глаза что Максвелл за барной стойкой смеётся над ними.

— что ты смешного тут увидел?

Максвелл, не скрывая улыбки ответил.

— да ничего, я ведь тебя предупреждал.

Нирия не стала продолжать драку, она молча присела за один стол с Артом, тот дружески похлопал ее по плечу.

— вот и сиди там полумойка драная — Джек повернулся к Максвеллу — рассказывай стручок, зачем пришел.

Максвелл перестал улыбаться.

— нам нужен ночлег, девушке ванная и новая одежда сейчас, ещё мне нужно знать кто тут скупает краденное, и неплохо бы перекусить.

Джек позвал служанку с кухни.

— Белла, золотце мое, подойди к стойке, будь так добра.

С кухни слышались шаги, в дверях появилась молодая женщина лет двадцати пяти.

— чего тебе дедуля.

— приготовь ванную и две комнаты в конце коридора, сначала ванная, и принеси что-нибудь поесть с кухни.

— остался только омлет.

— ну так неси.

Женщина удалилась, а Максвелл пересел за стол к друзьям.

— а где же твое "тронешь мою внучку, убью"

— тебя не убью Максвелл, специально для тебя у меня в подвале стул с ремнями для грязных ручек.

Женщина принесла каждому по порции омлета со свежим апельсиновым соком и ушла наверх готовить ванную. Предварительно поздоровавшись с Максвеллом и Артемием.

Нирия уже не испытывала того дикого голода как раньше, однако все равно этот завтрак казался ей невероятно вкусным. Однако Максвелл так не считал.

— недосолено.

В ответ на это замечание Джек запулил в него банкой с солью, которую ловко поймал Артемий. Этот вообще ел очень странно, он каждый раз наклонялся чтобы просовывать под маску ложку с пищей, и чтобы его не увидели остальные.

— рассказый старый пердун, что в городе творится?

Джек не покидал своего места за стойкой.

— да чего рассказывать? Восстанавливаемся после войны, всю зиму из зала запах лекарств выветривал которые твои дружки, криворукие лекари тут наразливали, когда тут госпиталь для всякого сброда был организован, а сейчас первое лето после войны, торгаши все улицы заполонили, после голода и холода люди изголодались по нормальной жизни, здания восстанавливаются, стены замазываются, местный комендант, чтоб он сдох, указ издал, монумент павшим защитникам крепости возвести, вот буду я мимо этого монумента ходить, и сына своего мертвого вспоминать, а за ним и мужа Беллы, все умерли, пусть эти идиоты хоть десять монументов строят, все равно все подохнем.

— я тебе сочувствую.

— бабе своей посочувствуй, от нее несёт за километр.

Нирия никак не отреагировала на очередную колкость.

— да ладно тебе, ты же все равно ничего не чувствуешь.

— я этот запах глазами вижу.

Сверху спустилась женщина.

— ванная готова, я вас провожу.

Нирия как раз закончила завтрак, она встала из-за стола и, даже не посмотрев в сторону трактирщика, двинулась за Беллой.

— какая же невоспитанная у тебя обезьяна Максвелл, вижу убогие только с убогими и сходятся.

Арт всем своим видом показал, что смеётся от души. Максвелл ответил с сарказмом.

— ха-ха, вообще-то мы с ней не вместе, а ты извращенец, у нас с ней общее дело и ничего лишнего, так где ты говоришь можно продать краденное?

На втором этаже находился длинный коридор с комнатами по обеим сторонам.

— сейчас у нас совсем нет постояльцев, в городе есть гостиницы и попривычнее, да и крыша там цела, но лично мне нравится, когда в трактире мало людей, меньше криков и постоянного галдежа, и муж у меня тоже такой был.

Нирия шла рядом и молчала, она была одновременно зла на того старика и благодарна за то, что не стал ждать и сразу велел приготовить все что нужно. Вот они вошли в ванную комнату, посередине стояла бадья, полностью заполненная водой.

— тебе нужна помощь?

— нет.

— хорошо, скоро я принесу ещё воды, можешь не экономить.

Когда Белла почти вышла Нирия обернулась к ней.

— спасибо.

Та поклонилась и вышла. Некоторое время Нирия колебалась, но все же решилась. С холодной голой земли карцера, а после мокрого пола корабля, было очень приятно согреть мерзлые кости, она лежала в большой бадье, полной горячей воды, жутко захотелось спать. Тут дверь внезапно отворилась. Нирия вскочила схватила первое что попало под руку, это оказалась низенькая табуретка, как она могла быть такой беспечной и не проверить дверь? Белла вошла в комнату с двумя полными ведрами, критично осмотрела девушку и закрыла за собой дверь.

— можешь не ломать нам мебель? Сейчас ее нигде не достать, хоть самим колоти.

Нирия вернула табуретку на место.

— что тебе нужно?

— как это что? Ты себя видела вообще? Да на тебе ни одного чистого местечка не найти, я буду тебя оттирать, боги какая же ты худая.

— уж спасибо, но я сама справлюсь.

— и даже с волосами?

— буду их обрезать.

— и тогда станешь ещё больше похожа на мужика

— оскорблять других на ровном месте у вас семейное?

— ага, вот только дедушка после войны, другой войны, он еще молодым тогда был, иначе не разговаривает.

— я заметила.

Нирия медлила, она не хотела, чтобы кто-то ей сейчас докучал, но с волосами действительно были проблемы.

— ладно, помогай.

— вот и отлично, твои друзья сели за карты, так что времени у нас много.

Тем временем старый шулер обыгрывал своих постояльцев.

— да ты обманщик! Не могло у тебя оказаться этой шестерки, ну не могло, она уже в колоду ушла два хода назад! Арт, найди-ка в колоде эту карту.

Артемий принялся яростно пролистывать сброс.

— дурья твоя башка, вот шестерка на столе лежит, в колоде ее нет потому что она на столе, ты хоть иногда свои мозги целебные включай.

Тем временем Арт пролистал всю колоду. Искомой карты там, разумеется, не оказалось.

— что, не нашел? То-то, сопляки вы ещё в карты со мной рубиться, я выиграл.

И Джек выложил перед Максвеллом победную комбинацию.

— тройная оплата за проживание соплежуи.

— да подавись.

И он швырнул старику девять серебряных монет.

— за сутки.

Старик сгрел монеты и положил их в потайной карман.

— ну что, ещё партейку, пока у вас ещё штаны на месте?

— ну нет уж, хватит с нас.

В это время сверху послышались шаги, в нижний зал спустились женщины. Сначала Белла, а за ней Нирия, в крестьянском платье, ее волосы больше не походили на бесформенный ком грязи и были заплетены в пучок сзади. Джек не удержался от колкости.

— теперь ты чуть меньше похожа на обезьяну, поздравляю с новым уровнем развития.

Нирия ответила ему.

— ты тоже недалеко от них ушел.

Максвелл улыбнулся.

— да не слушай его, я так понимаю, ты впервые примерила платье, как ощущения?

За нее ответила Белла.

— в этом тряпье невозможно сражаться, и выглядит некрасиво, и зачем наши женщины носят эти тряпки?

Нирия зыркнула на Беллу, та ей с улыбкой подмигнула и скрылась на кухне. Максвелл поднялся из-за стола. На нем уже не было его темного дорожного балахона, на этот раз он был в обычной одежде простолюдина.

— нашим женщинам нравятся платья, а ещё они хотят, чтобы на них обращали внимание.

— лишнее внимание приводит к гордыне.

— а если женщина красива? Тогда от внимания ей никуда не деться.

— по красоте выбирают дураки.

Максвелл не знал, что ответить.

— у тебя на все своё мнение, выйдем через черный ход, за нами возможна слежка, Арт будет ждать нас тут, лишнее внимание ни к чему.

Они вышли с противоположной главному входу стороны здания и оказались на узкой безлюдной улице. Максвелл огляделся по сторонам и повел свою спутницу в сторону главной улицы.

— куда мы направляемся?

— тебе нужно раздобыть снаряжение, а мне обменять три оставшихся камня на валюту, все просто.

— у меня нет никаких денег на снаряжение.

— неужели, а я думал вы в рабстве каждый месяц жалование получаете.

Нирия резко остановилась, она даже отступила на шаг чтобы удар по этой наглой роже получился на все сто процентов. Максвелл почувствовал опасность, он активировал кольцо и укрепил тело.

— так, вижу, что я сморозил полную чушь, я извиняюсь за это, в детстве я чаще уделял время книгам чем людям вот и вырывается иногда всякое, давай успокоимся и ты не будешь ломать мне шею из-за пустых слов.

— ты идиот, думай с кем говоришь, я тебе не легкомысленная девочка.

— второй раз извиняться не буду, я заплачу за твоё оружие чтобы ты выполнила мое дело, вот и все.

Нирия расслабилась, а Максвелл перестал тратить магическую энергию.

— ты знаешь, что ты очень вспыльчива?

— знаю, идём дальше.

Максвелл молча развернулся и двинулся дальше, Нирия, шедшая за ним, немного успокоилась, на смену излишне сильной вспышки злости пришел стыд.

— я благодарна тебе и твоему другу за спасение.

Максвелл повернул к ней голову и просто кивнул, конфликт был исчерпан.

Они вышли на главную улицу, где без труда смешались с толпой, Максвелл постоянно оглядывался, высматривал слежку. Мимо Нирии снова начали мелькать лица незнакомых людей. Она впервые была в таком большом городе, и вся эта энергия вокруг на нее давила. Вокруг постоянно кричали люди, экипажи вновь проносились по мостовой, патрули проходили мимо, к одному зданию все-таки были пристроены леса, где трудились рабочие, город зализывал свои раны, но наиболее явно из всего выделялись запахи, в отличии от Росакия, здесь не пахло пылью, запах моря смешивался с кующимся железом, свежей выпечкой, или цветами, разумеется, иногда встречались неприятные ароматы. После года заключения она думала, что уже отвыкла от ароматов нормального мира, но сейчас девушка вновь, хоть и на мгновение, могла ощутить искру настоящей жизни. Когда они свернули на прилегающую, более узкую улицу, она наконец почувствовала себя увереннее, пройдя пару домов, Максвелл вновь завернул за угол, и теперь уже они находились в темном переулке. Дома здесь стояли слишком близко и солнечного света было мало, посередине улицы, на пустых ящиках, сидели два бугая весьма недружелюбного вида. Максвелл направился прямо в их сторону, Нирия последовала за ним. Подойдя к парочке, он заговорил первым. Не церемонясь он выдал все в лоб.

— парни, вы не слышали где здесь можно толкнуть товар?

Один из верзил медленно поднялся со своего места, вот только смотрел он не на Максвелла, а на его спутницу.

— ты че попутал задохлик? Хочешь сказать мы тут поляну пасем потому что в криминале замешаны?

Теперь он перевел взгляд на Максвелла, тот даже бровью не повел.

— я спрашиваю у вас где отмывается товар, прекращай мне глаза мылить и говори, либо бей, в любом случае я найду то что мне надо.

Второй громила поднялся с ящика, путники теперь были окружены. Нирия повернулась спиной к первому чтобы оказаться лицом ко второму. Тот потянул свои толстые пальцы к ее лицу.

— Билл, а может правда? Ну эти разговоры, давай уже за дело.

Нирии надоело терпеть этот цирк. Она пнула своего противника в пах одновременно схватив за пальцы руки, которую тот тянул к ней и сломала сколько смогла. Тот взвыл от боли, но она не дала ему опомниться и вырубил его ударом локтем в голову. Одновременно с этим Максвелл просто подкинул своего оппонента в воздух где заключил его в синюю

темницу, так он там и висел, не в силах пошевелиться, и пялится на своего незадачливого друга, и кричал.

— вы что творите мрази, только отпусти меня задохлик я тебе все зубы повышибаю, слышишь?!

От бессильной ярости у него покраснело все лицо, изо рта вырывалась слюна, а он все также продолжал выкрикивать проклятья в сторону нападавших.

— да тише ты, у нас нет времени на ваши тупые игры, говори где скупщик и тогда сможешь отнести своего друга к врачу.

— скупщик на следующей улице, дальше иди, отпусти меня, он совсем не дышит.

Максвелл ослабил барьер, бугай рухнул на землю и сразу подполз к товарищу.

— что ты сделала с ним?

— убила его, а ты следи за языком пока не последовал за ним.

Максвелл озадаченно взглянул на Нирию, а затем быстро сел на колени рядом с умирающим, положил его голову на ногу.

— он ещё дышит.

Из его пальцев начал литься золотой свет, который вскоре полностью окутал голову пострадавшего. Нирия не вмешивалась, она пристально следила за вторым бугаем. Максвелл не ослаблял поток целительной энергии и вскоре почувствовал усталость, подкинутый в воздух противник был слишком тяжёл, и он потратил много сил, а теперь ещё и смертельная рана, на которую нужно ещё больше энергии. Несмотря на усталость Максвелл продолжал, руки становились ватными, кончики пальцев ощущали холод, в глазах начало темнеть, но было рано заканчивать, человек умирал. Поток целительной энергии закончился только когда маг упал без сил рядом со своим пациентом, однако, как только Максвелл закрыл глаза от потери сознания, второй открыл свои. Он вскочил, огляделся вокруг и, когда увидел Нирию, которая склонилась над своим спутником бросился на нее, та была готова, но его остановил друг.

— Билли стой, я думал ты умер.

— умер? Да эта сука мне все пальцы переломала.

Он показал руку все пальцы на которой были целы. Его напарник заключил своего друга в объятия.

— братишка, я уже и не знал, что буду делать без тебя.

Он обратился к Нирии которая отделяла этих верзил от Максвелла.

— что ты творишь женщина, мы тебя только напугать хотели, ты хоть знаешь сколько стукачей развелось после войны? Пошутили бы и отпустили вас, а ты его на тот свет чуть не отправила.

— иди сюда шутник и я повторю свою попытку.

В это время начал кашлять Максвелл, Нирия отошла к нему.

— что ты творишь? Помоги мне, я разберусь.

Она взяла своего партнёра за руку и подняла с земли.

— слушайте, никому ни слова про меня, нас здесь не было понятно? Если спросят, то крики из-за драки после игры в карты, вот вам презент за молчание.

Он вытащил из-за рубашки кошель и бросил его братьям.

— там сорок один серебряный, целое состояние.

Он уже набрался сил и Нирия отпустила его. Кивком Максвелл вновь ее поблагодарил.

— так где вы говорите скупщик?

Они без проблем дошли до места назначения, скупщиком оказалась женщина средних лет, она хотел взять камни по золотому за штуку, на что Максвелл категорически не соглашался.

— в самой монете золота на одну сотую часть этого камушка, давай хотя бы по пять, я тебе говорю, что это контрабанда, а не воровство.

— контрабанда не контрабанда, золотой итак с наценкой за Дно, а тебе все мало, бери и проваливай.

— три золотых за камень и договорились.

— идёт.

Теперь три увесистых кошелька, наполненных серебром, уютно лежали на руках у Максвелла, стоящего со своей спутницей за дверью.

— у меня нет места для всего этого, я спрячу только два, а тебе почётно вручаю последний.

Нирия повесила кошель на пояс. Максвелл же засунул свои под рубашку.

— эй, спрячь его, на тебя все карманники города соберутся если будешь так хвастаться.

Нирия не поверила ему, хотя на самом деле она просто не представляла куда могла спрятать этот кошель, крестьянское платье попросту не имело места для них. А еще ей почему-то казалось, что вот ее уж точно невозможно обокрасть, она ответила.

— да кому вообще нужен этот грязный мешок на чужом поясе.

Максвелл вдруг осознал, что эта девушка впервые находится в подобном городе, этот порт был среднего размера поселением на территории империи, и ещё меньше он казался по сравнению с Аврелией, имперской столицей, пусть она и умна, но жизненный опыт есть опыт, а в деревнях подобного опыта взять негде.

— хорошо, и все же следите за ним, одного кошелька нам с лихвой хватит на дорогу, а оставшихся должно хватить на твое оружие.

Он подумал, что жизнь лучший учитель, она не глупа и дважды ошибки не повторяет, пусть учится пока есть возможность, кстати об ошибках.

Они вновь вышли на главную улицу. Солнце уже начало клониться к закату и Максвелл начал разговор.

— почему ты хотела убить того бедолагу?

Нирия не ожидала такого вопроса, тот тип хотел ее облапать, и этой причины ей показалось достаточно. На родине потакание своей похоти, как я ярости, считается преступлением, так человек становится подобен зверю, что не контролирует свои инстинкты и оскорбляет дар Делай-ша-Леккоя, а именно, самосознание. Но она сомневалась, что Максвелл ее поймет.

— долго объяснять, они хотели нас ограбить, и я напала первой.

— и поэтому ты решила, что имеешь право убить его?

Они двигались вместе с толпой в сторону порта, стены бастиона виднелись с левой стороны.

— я ничего не решала, на самом деле я хотела его вырубить, но промахнулась и проломила череп.

— это досадно, я должен был тебя предупредить, но все не было возможности, мы с

Артом не в ладах с легионом, мы в розыске, и поэтому должны скрываться, так что этот инцидент и моя вина, лишние трупы могли привлечь внимание.

Нирия не думала, что Максвелл признает свою вину, она ждала того что он будет ее отчитывать чтобы подобное больше не повторялось, но, видимо ошиблась на его счёт. Между ними повисла неловкость.

— должен признать, я сомневался, что ты способна на настоящую драку, думал, твой бой на арене, это случайность, да и на война ты не сильно похожа.

— у нас в племени нет воинов, только охотники, что такое легион?

— скорее кто такие, это имперские защитники закона, они следят за порядком, соблюдением законов, помогают простым людям, или делают вид что помогают.

В последних словах Нирия уловила нотки злобы.

— ты их недолюбливаешь?

— мягко говоря.

— за что?

— за все.

Больше Максвелл не произнес ни слова. Нирия не стала продолжать расспросы на эту тему и переключилась на окружающий мир. Вокруг кипела жизнь, чем ближе они приближались к порту, тем меньше становилось магазинов и больше складских помещений, кузнецы работали молотами, грузчики перекрикивались всеми обзывательствами мира, и все это посреди топота тысяч ног. Эти звуки были для нее в новинку в таких количествах. Вдруг ей снова подумалось о доме, и о сестре. Когда их привезли на базар, они вместе, под шатром очередного работорговца при лучах жаркого солнца, терпели похотливые взгляды оценивающих товар мужчин, а иногда и женщин. Ей тогда было девятнадцать, а сестре семнадцать, брачный возраст в Кхтонию. Однако в то же утро, как их доставили на прилавок, Нирию забрали в гладиаторы, она откусила палец человеку Распорядителя, который хотел посмотреть товару на зубы. Она помнила, как кричала и вырывалась, когда ее отрывали от родной сестры, до тех пор, пока ее не вырубил, очнувшись она уже в камере, где напротив на корточках сидел надзиратель Детрин. Лелиана, сестра Нирии, не была охотницей, она всегда находилась в деревне и помогала по хозяйству всеми силами, невинна и чиста, она никогда не видела смерти, до того дня, пока в деревню не ворвались солдаты. У охотников не было шансов против ружей и магии. В тот день много крови пополнили воды реки жизни, и то время, когда демон ярости и отчаяния поселился в душе Нирии.

Путники вновь начали удаляться от порта.

— зачем мы снова уходим от порта? Ты путаешь след?

— да, я не видел за нами слезки, но осторожность не повредит, не волнуйся, мы почти пришли.

Через несколько минут они остановились у магазина цветов.

— вот и пришли, на этот раз не давай себе волю слишком рано.

Нирия, вновь почувствовала раздражение, теперь он будет часто ей это припоминать.

— и ещё, у меня совсем не осталось сил, так что колдовать не смогу, а где твой кошель?

Девушка проверила ремень, он был пуст. Проклятье! Она ведь постоянно была начеку, следила за маршрутом и запоминала ориентиры, как она могла не заметить, что ее пояс стал легче? Первый порыв был бежать обратно чтобы найти вора, может, она его где-то обронила, но быстро поняла, что смысла в этом действии немного. Нирия перевела взгляд на Максвелла, тот улыбнулся, сейчас будет злорадствовать. Нирия виновато произнесла.

— я все возьму.

Максвелл махнул рукой.

— забудь, на ошибках учатся, вот только еду в дороге теперь будешь добывать ты.

Нирия сдержанно кивнула. Они вошли в цветочную лавку. У прилавка стояла пожилая дама.

— какая прекрасная пара, желаете приобрести своей даме цветы молодой человек? Выбор сейчас небольшой, но все же вот эти Пионы сорта Экстрем из Пустынного Королевства прекрасно подойдут к глазам вашей спутницы.

Женщина сразу выдвинулась в сторону сине-фиолетовых уже готовых букетов.

— я доверяю вашему опыту, но боюсь, что мы не пара и прибыли сюда по иному вопросу.

— по какому же иному вопросу такая не пара может приходить в подобную лавку?

Женщина остановилась и пристально посмотрела на Максвелла.

— по очень личному делу, от Джека.

Продавщица кивнула, она позвала со второго этажа свою сестру.

— какими финансами располагаете?

— шесть золотых.

— о, а по вашим одеждам и не скажешь, что вы богачи.

— будто богачи покупают себе цветы в подобном месте.

— эээх мальчик, сразу видно, что не местный, значит никто не хватится если вы не выйдете отсюда.

Сверху по лестнице как-то слишком легко спустилась вторая женщина, точь в точь, как и первая, даже одеты они были в одинаковые платья.

— сестрица! Хватит спать, постой за прилавком, а я пойду обслужу клиентов.

Вторая улыбнулась и без слов встала за прилавок.

— идите за мной.

Нирию зацепили ее слова насчёт того, что их никто не хватится, она посмотрела на Максвелла, тот казался спокойнее медведя в зимней спячке. Он следил за первой женщиной, та вновь зашла за прилавок и нажала кнопку, в правой стене что-то щёлкнуло, она подошла к стене и толкнула скрытый люк. За люком показалась каменная лестница, ведущая под землю.

— потолок низкий, голову берегите.

И нырнула в люк высотой в половину человеческого роста. Максвелл обернулся к Нирии и прошептал.

— будь настороже, Джек предупредил что эти бабки непростые торговки.

Нирия кивнула.

— да я заметила, нет другого способа раздобыть снаряжение?

— это самые лучшие оружейники в этом городе из тех, кто торгует незаконно, а законно мы оружие не найдем, после войны банально ничего не осталось, все лежит на полях сражений.

Из люка послышался голос.

— давайте быстрее, тут сквозняк.

Максвелл нырнул в люк, за ним полезла Нирия. Высота лестницы была такова, что приходилось наклонять голову. В подвале было сыро и темно, горела только одна свечка в руках у продавщицы.

— подождите, сейчас я зажгу свет.

Она двинулась в центр комнаты, там зажгла масляную лампу, похожую на те что стояли на улице. Комнату озарил яркий свет, и Нирия наконец увидела, что скрывалось за тьмой. Комната оказалась больше чем могла показаться на первый взгляд, по всей площади были расставлены столы, а на столах лежало огромное множество орудий убийства. Здесь были ножи, кинжалы, мечи, рапиры, сабли, копья, алебарды. Куда бы она ни бросала взгляд везде были видны аккуратные ряды из предлагаемого товара.

— здесь только ржавый хлам, который мародёры несут с полей, я так понимаю вам нужно качественное оружие.

Она обращалась к Максвеллу.

— не мне, это нужно ей.

Нирия осматривала ряды. В ее племени оружия было мало, убийства у них были не в чести, только во время частых междоусобиц, и поэтому на войне пользовались чаще всего копьями и луками. Только те, кто избрал путь хищника совершенствовались в военном деле и использовали мечи, это были полководцы племени, при открытых конфликтах эти люди вели за собой остальных. Таких людей было мало, и отец был один из них. Он обучал Нирию бою на мечах, который совершенствовался сотни лет, чтобы и она смогла в итоге смогла стать охотником хищником. Торговка скептически осмотрела ее.

— а сил то хватит меч поднять? Он знаешь ли не из перьев сделан.

Нирия ощутила укол гордости.

— хватит.

Женщина усмехнулась.

— ну дело ваше.

Она подошла к незаметной двери в конце комнаты, вытащила из щелей затычки из ткани, затем достала из кармана ключ и вставила его в замок. Тот легко щёлкнул, смазанные петли не скрипнули ни разу. Она поманила покупателей внутрь.

— здесь хранится настоящий товар.

И шагнула в темный портал, исчезнув вместе со своей свечкой. Нирия двинулась следом, Максвелл последовал за ней. Почти сразу женщина внутри зажгла свет, здесь уже находилось четыре фонаря, они висели с четырех разных стен, один над дверью. В этой комнате было немного выше чем в предыдущей. Пол был застелен досками, по всей длине комнаты стояли сундуки.

— ну что девушка, чего желаете?

— мне нужен одноручный клинок, прочный и лёгкий.

— всем нужен прочный и лёгкий, если ты не знаешь, то чем прочнее и легче, тем дороже.

— ты знаешь расклад, тогда не предлагай то за что мы не заплатим.

— не учи ученого девочка, предпочитаешь колоть или рубить? А может резать? У меня есть даже парочка уникальнейших образцов с островов, по виду меч, но на конце крюк, цепляешь во время боя противника за ногу и тянешь что есть мочи, равновесие потеряно, ты победила.

— обойдусь без крюков, мне нужно режущее, и чтобы лезвие не тупилось от частого парирования.

Женщина призадумалась.

— есть у меня один экземплярчик.

Женщина подошла к одному из сундуков и открыла его, замка не было. Покупатели не видели, что внутри. Затем она достала изогнутый меч, похожий на саблю в обёртке из ткани. Развязав упаковку, женщина вручила клинок Нирии.

— я никогда раньше не видела подобных клинков, это не меч, но и не сабля, изгиб слишком маленький для нее, заточена как вы можете видеть произведена только на треть у острия, ближе к гарде клинок не заточен, это значит, что при парировании не будет оставаться зазубрин и клинок прослужит дольше, им можно и рубить и колоть.

Нирия осматривала меч, он легко лег в ее руку, хоть и был тяжеловат.

— добротный клинок, но для меня слишком тяжёл.

Тут вмешался Максвелл.

— напротив, ты сейчас не в лучшей форме, после недавних событий тебе ещё только предстоит набираться сил, так что к весу ты привыкнешь.

Нирия призадумалась, а ведь он прав.

“После рабства на мне нет ни грамма мышц, кожа да кости, неделя на корабле на пайке из сухарей ситуацию не улучшили.”

И как она сама не подумала? Нирия отошла на относительно пустое пространство, пару раз взмахнула, баланс был в порядке, этот клинок изготовил истинный мастер своего дела.

— я выбираю его.

Максвелл кивнул, а женщина наоборот, как будто удивилась.

— я думала показать вам ещё парочку экземпляров, пустынные сабли, ордынские пики, по правде говоря, я и не думала, что вы будете брать это недоразумение, обычно этот меч идёт для разминки чтобы на фоне унылость остальное оружие казалось роскошью.

Нирия стояла на своем.

— придется тебе найти другой убогий экспонат, этот я забираю себе.

Максвелл начал доставать кошельки.

— сколько?

Женщина принялась считать.

— тааак посмотрим, это очень редкий экземпляр, сталь словно северная, а там всем известно самые прочные клинки, рукоятка из настоящей кожи, ну, скажем, десять золотых.

— десять? Ты же знаешь с какой суммой мы пришли.

— знаю, но я же не думала, что вы возьмёте именно его, вот моя цена и ни гроша меньше.

Нирия не выпускала меч из рук.

— Максвелл, может возьмем у кого-нибудь в долг? Я так понимаю для тебя это лёгкие деньги.

Максвелла очень разозлила эта фраза, она итак потеряла свой кошель, а ещё и просит взять долг, у Кхтонцев принято брать в долг? Да и с чего это вдруг она вдруг стала просить, никогда не просила и вот. Тут в голову прилетела догадка.

— Нирия, положи клинок, мы уходим.

— нет, я уйду только с ним.

— хватит ребячиться, у нас нет денег на него, клади и идем отсюда.

— я сказала, я не уйду без этого меча.

Она взяла новое оружие за рукоять, женщина молча стояла в сторонке, однако Максвелл уже все понял. Он собрал все силы что у него были и направил в разум Нирии поток воли, это очистило ее от влияния продавщицы, и она резко успокоилась, положила меч на

ближайший сундук, после приложила ладонь ко лбу.

— что я сейчас хотела сделать, из-за такой мелочи...

— ты не виновата.

Максвелл повернулся к торговке. Та все так же мирно стояла на своем месте.

— магия влечения, я знаю, что только самые опытные адепты способны внушать привязанность иному объекту нежеле к себе, а ты сделала это ещё и к неодушевлённое предмету, должен признать, ты хороша.

— все мы выживаем как можем.

— не буду осуждать, но ты зашла слишком далеко на этот раз, эта девушка намного опаснее чем выглядит.

Нирия все поняла, ее околдовала эта пожилая женщина, она взяла меч в руку и ринулась в сторону продавщицы, приставила заточенное лезвие к шее торговки. Она услышала крик Максвелла.

— не смей! Ничего плохого пока не случилось, многие торговцы здесь используют магию.

В глазах женщины читался страх. Нирия глядела ей прямо в глаза, не отрывая заточенного клинка от шеи своей жертвы.

— а вот не произойдет ли ничего плохого дальше зависит только от ответа на мое предложение, мы платим шесть золотых, а ещё ты отдаешь мне пистолет.

Нирия немного усилила нажим, из шеи потекла струйка крови.

— за моральный ущерб, согласна?

Торговка быстро закивала, Нирия медленно убрала меч с шеи.

— вот и замечательно.

Максвелл достал свои кошельки и вручил их торговке, та с ворчанием открыла очередной сундук и достала оттуда обычный кремниевый пистолет.

— прошу, ничего необычного, зато практически новый, стрелянный только один раз, подавитесь.

И всучила пистолет Нирии. Максвелл поблагодарил незадачливую торговку.

— благодарю за сделку.

Женщина фыркнула, Максвелл продолжал,

— предлагаю вам забыть о нашем визите сюда, а мы в свою очередь, не будем сеять слухи в местных тавернах о том, что самые лучшие оружейники Геринбурга сидят в цветочной лавке без охраны, потому что колдуют не хуже церковных инквизиторов.

— катитесь уже, спросите у моей сестры, она упакует ваш товар, я тут пока дверь закрою.

Нирия и Максвелл двинулись прочь из подвала, наверху сестра близнец спрятала клинок в высокую вазу среди букета цветов, тех самых, что рекомендовала первая торговка.

— приходите к нам ещё.

Пара вышла из магазина, вазу держал в двух руках Максвелл. Пистолет спрятал у себя под одеждой тоже он.

— ну что дорогая, уже вечереет, нам пора домой, а то дети уже заждались.

Нирия не отреагировала на его сарказм.

— идиот, зачем вы дарите цветы своим женщинам?

— чтобы сделать партнеру приятно, или просто уделить внимание, я и сам по правде не знаю почему женщинам так нравятся цветы, у вас так не делают?

— у нас если мужчина хочет сойтись в браке с женщиной, то дарит ее семье изделие, соответствующее его тотему, охотники несут тушу зверя, кузнецы изделия из металла, кожевники обработанную кожу, дарить бесполезный подарок оскорбление, тем более мертвые цветы, нельзя просто так растрачивать дары природы, это варварство.

Пара двигалась в сторону таверны, на этот раз Максвелл решил не влиять и шел напрямик. А Нирия между тем продолжала.

— если семью устраивает дар, то родители позволяют своим детям сойтись в союз, играется свадьба.

Максвелл ее не перебивал, он молча слушал как она распинаяется, за шесть дней на корабле они едва обменивались парой слов за день, а тут она начала наконец хоть как-то идти на контакт.

Однако вскоре Нирия поняла, что увлеклась и примолкла. Максвелл проговорил с улыбкой.

— я ведь просто про цветы спросил.

— я увлеклась.

— ничего, я вижу, что тебя гнетет, ты на чужой земле, вокруг одни незнакомцы, иная культура, иные обычаи, а я ещё и таскаю с собой камень, без которого ты никуда не денешься, мы с тобой назвали это договором, но по сути это все то же рабство.

Нирия молчала, он был прав, она не знала, что делать дальше в этой чужой стране, дом был сожжен, родные убиты, она не питала иллюзий насчёт судьбы своей сестры. Хорошее настроение улетучилось, безысходность начала тянуть свои щупальца во все уголки ее души. Максвелл между тем продолжал.

— можешь мне не верить, но я понимаю тебя, каждый раз ложась спать, я думал, за что судьба меня прокляла, почему я должен каждый день против своей воли вспоминать то горе что пришлось пережить, почему одни всю жизнь живут и не знают отчаяния или страха, а другие всю свою жизнь борются со страданиями и неудачами, ярость душила меня и выжигала изнутри, оставляя только опустошение.

Нирия слушала его молча, она не верила этому монологу, этот человек улыбался всем подряд, он отказывался убивать и лечил других до последних сил, ей показалось что он готов был отдать свою жизнь за жизнь того бродяги с улицы, за плечами которого явно были не одни только хорошие дела. Это не было похоже на то что испытывала она. Нирия его прервала.

— я вижу, что ты хочешь мне помочь, но ты не знаешь о чем говоришь, оставь эту тему.

— я хочу сказать, чтобы ты не цеплялась за прошлое, жизнь продолжается, а пока ты не перестанешь жить, оглядываясь назад, ты не успеешь оценить положительные моменты в настоящем, и будешь только ещё глубже погружаться во тьму злобы и ненависти.

Нирия не выдержала, она остановилась и вlepила своему спутнику громкую пощечину, Максвелл принял удар, и не стал отворачивать лицо, благо сейчас они находились на безлюдной улице иначе вышло бы очень неловко. Она начала на него кричать.

— перестать оглядываться?! Мою семью убили у меня на глазах, отца застрелили в спину как труса, мать изнасиловали и зарезали, я слышала ее крики, мою деревню сожгли, тотем осквернили! А что сделали с моей сестрой ты знаешь?! Она два месяца в трюме корабля работорговцев где мы жрали крыс чтобы не сдохнуть жалась ко мне и не могла поверить, что это не сон, а сейчас она стала игрушкой для мужлана, который выкупил ее, либо в ваших омерзительных борделях, в любом случае она уже на том свете потому что

наложила на себя руки, и ты говоришь мне что понимаешь меня?! Ты такая же мразь, как и все и не смей больше говорить будто знаешь каково мне сейчас.

Максвелл молчал и слушал, он знал, что он прав, он это пережил, и ему было жалко ее, но он не испытывал стыда за то, что перегнул палку. Нирия перестала кричать, она с вызовом смотрела на него, эта девушка была не из трусливых.

— ты права, а теперь успокойся и скажи мне, ты видела кто увидит твою сестру?

— нет, меня увели первой.

— значит ты не знаешь, что с ней, ее ведь мог выкупить кто угодно, даже Лоренц, по его рассказам он частенько бывает в том порту.

— хочешь сказать она жива и здорова?

— может быть и так, и в отличии от тебя, она не провела в боях на кровавом Колизее целый год.

Нирия задумалась, она уже давно похоронила всех, кого могла, а теперь этот человек говорит, что возможно ещё не всё потеряно, есть шанс на спасение. Два года назад она бы с ним согласилась, но люди меняются.

— не смей больше говорить об этом, я тебе помогу, а ты освобождаешь меня от ошейника, на этом все.

После этих слов она развернулась и двинулась к трактиру. Максвелл двинулся за ней, ему было понятно, что отношения между ними безнадежно испорчены, но также он знал, что всё ещё может ее переубедить, приняв решение изменить маршрут до столицы, он весело побрел рядом с ней, он сможет ей помочь и это его радовало, но за эту помощь ему придется заплатить высокую цену.

Они вошли в трактир, внутри кутили уже достаточно человек чтобы затеряться в толпе, три четверти зала было заполнено народом. На сцене пела Белла, а за ней на пианино играл Артемий, Нирия, если и была удивлена, то не подала виду.

— ты же говорил, что вы скрываетесь, и как это понимать?

Она показала на сцену.

— он так скрывается, уверяю тебя его методы хоть и необычны, но действенны, завтра выходим с восходом солнца, дел больше нет и до завтра ты свободна, знаешь где твоя комната?

Нирия кивнула.

— вот и отлично, я здесь немного задержусь, нужно решить пару вопросов.

Он вручил ей вазу, затем незаметно достал пистолет и кинул его к цветам.

— зачем ты его взяла?

— захотелось компенсации, до завтра.

И она ушла наверх. Максвелл посмотрел ей в след, затем двинулся к барной стойке, где суетился Джек.

— ну что, морда твоя крысиная? Что ты с этой обезьяной сделал? Она на тебя смотрит как император на бездомного.

— мы с ней немного поспорили, все образуется.

— подожди только пока ее психоз пройдет, заказывай давай, нефиг место занимать.

— у меня денег нет.

— тогда проваливай, халявы тут не дождешься.

Раздосадованный Максвелл поднялся из-за стойки.

— видишь тех дегенератов за столиком в углу?

Джек показал пальцем на четверых людей, троих мужчин и одну женщину, они это заметили и все повернули взгляд в сторону бармена. Тот сразу поменял свой жест из указательного в оскорбительный.

— вижу, это сообщество?

— оно самое.

— понял, налей хоть стакан, я же тебе втридорога заплатил.

— иди дела решай, а потом я тебе из миски собачьей, так и быть, подолью.

— я всегда тебя уважал Джек.

Максвелл двинулся в сторону темного столика в углу. Не спрашивая разрешения, он занял свободное место.

— свободной жизни всем, я летун, рассказывайте у кого что болит и в каком направлении ветер дует.

Нирия вошла в свою комнату, здесь не было окна, одна кровать и одна тумбочка, большего и не нужно. Она зажгла свечку, поставила вазу на тумбочку, достала пистолет и кинула его на кровать, затем достала меч. Когда вынимала клинок из ножен те приятно шуршали о полированную сталь, он вновь показался ей тяжеловатым, из-за того маленького инцидента она не успела как следует его осмотреть, отполированное лезвие отражало свет единственной свечи, она проверила баланс, он был идеален, осмотрела заточку, не было видно ни единого дефекта, это изделие сотворил настоящий мастер. Невольная улыбка появилась на ее лице, это был очень хороший клинок, и он был ее. Но разве он принадлежал ей? За него заплатил Максвелл, он и привел ее в тот магазин, и он помог справиться с той ведьмой, а что сделала она? Потеряла по дороге один кошель, чуть не убила того человека, а в добавок ещё и накричала, и ударила его. Чувство сильной неловкости нахлынуло на нее. Но убивать она его не хотела, просто не рассчитала удар, а за крик он сам виноват, начал бить по личному, и все же он просто хотел помочь, хоть и неумело... Она легла на кровать. Он ведь первый человек после пленения кто выказал ей сочувствие и помощь, он лечил ее на корабле и ни разу не обмолвился о плате, даже не скупился на снаряжение, а это были все его деньги. Она повернулась на бок. Нирия твердо решила, что должна если не извиниться, то как минимум начать относиться к нему менее колко. Ей хотелось спать, меч вернулся в ножны и спрятался под кроватью, затем она закинула туда же пистолет, и зачем она вообще его взяла, а этого после мирно заснула, почему-то даже не подумав о том что впервые за долгое время лежит на чистой, мягкой кровати..

Ее разбудил стук в дверь, она открыла, это была Белла.

— Максвелл попросил принести тебе ужин, он сказал, что сейчас тебе нужно восстановить жировой слой, и я с ним согласна, в ванной я словно скелет терла.

Нирия покраснела.

— тебя никто не заставлял это делать.

Белла рассмеялась.

— да ладно тебе, приятного аппетита.

Белла поставила поднос и направилась к двери. Нирия провожала ее взглядом.

— ты ведь говорила, что не любишь много людей.

— так и есть.

— но ты пела на сцене.

— ага, у Артемия просто потрясающее чувство ритма, в последний раз, когда мы с ним пели, мне так понравилось и я не удержалась чтобы повторить, муж меня тогда на руках носил после выступления.

— у тебя есть муж?

Белла осеклась, она сболтнула долгого и жалела об этом

— он умер на войне.

— мне жаль.

— и мне.

Женщины несколько мгновений молчали, Нирия нарушила это молчание.

— я тоже потеряла семью на войне.

Максвелл сидел за барной стойкой, Артемий в это время уже расхаживал по залу и надоедал постояльцам со своей скрипкой чтобы те дали ему денег. Он спросил у Джека.

— где он взял скрипку?

— я тебе что бог знаний? Спроси у него.

— но мы не привозили с собой скрипки, у него с собой только флейта и голубь.

Джек пригляделся к инструменту, и узнал его.

— етить твою за ногу, это моя скрипка, эй ты debil, верни мою скрипку!

Максвелл начал смеяться, он уже принял все сообщения с углового столика, после чего, отказавшись от компании воров, сообщил своему другу что им нужны деньги, а теперь хотел спокойно провести время.

— что-то твоя внучка сверху задерживается.

— да и пусть, это же бабы, даю пятак на то что они до утра там будут секретиками делиться.

— как-то мне моя спутница не показалось приятной собеседницей.

— это потому что ты придурок.

— ну спасибо

— пожалуйста, моей Белле совсем не с кем поговорить после смерти мужика, пусть поноет твоей обезьяне, она, кажется, поумнее тебя будет.

Максвелл поднял стакан, Джек налил ещё порцию, но вместе со стаканом Максвелл увидел записку, который тот незаметно подложил под дно, он прикрыл лист рукой и прочитал.

" В городе инквизитор"

Холодный пот прошиб тело Максвелла.

— когда узнал?

— только что.

— завтра утром нас здесь уже не будет.

— валите отсюда сейчас.

— Нирии нужен отдых, нужна хоть одна спокойная ночь после плавания, она не жалуется, но я вижу, как она измотана, за ночь они ничего не успеют.

Джек утвердительно кивнул.

— рад видеть, что хоть раз в год ты перестаешь думать только о своей прыщавой

заднице.

Но пить Максвелл больше не стал. Инквизиция была известна своей жестокостью, многие сомневались, что такая служба вообще существует, что церковь руководит только паладинами, но он знал правду. Паладины были фанатично преданы церкви, они верили, что являются истинными избранниками богов на этой грешной земле и эта вера возносила их волю до невиданных высот. Ходили слухи о том, что во время войны их барьеры останавливали даже целые ядра с корабельных пушек. Когда учился в академии, Максвелл изучал помимо школы созидания ещё и школу Потенциала, воля — единственная сила, из-за которой человек не мог стать безумцем, и поэтому ее можно использовать в любом количестве, этим и пользовались паладины. Вот только насколько сильна их воля простые люди и не догадывались. Также, когда человек выгорал до безумия, его катализатор окрашивался в цвет эмоции которая его выжгла. Поэтому фиолетовый цвет катализатора Максвелла был очень странным, кольцо досталось ему от старой Марии, которая заботилась о нем и его сестре, когда те были маленькими. Она ничего не рассказывала о прошлом кроме того, что была служанкой при императорском дворце. При воспоминаниях о Марии ему стало тепло на душе, невероятно добрая женщина, умершая от старости во сне, когда им было по двенадцать лет. Тогда вся их жизнь переменилась. Фиолетовый получался при соединении воли и ярости, но никто не умел объединять два спектра в один, барьеры могли либо оставаться статичными, либо совершать движение, третьего не дано. Исключение составляли только призванные берсерками воплощения их тотемного зверя. Максвелл заскучал.

— пойду я наверх, да не волнуйся ты за свою скрипку, послушай только, как он играет.

Играл Артемий и правда отменно, только мелодия была больше похожа на те, что играют в пустынях. Но Джек как всегда не оценил.

— как вилкой по стеклу.

Максвелл отправился наверх, его с Артом комната находилась напротив комнаты Нирии, проходя мимо он услышал женские голоса, но подслушивать не стал. Закрыв за собой дверь, он плюхнулся на кровать и моментально уснул.

В комнате стоял резкий запах табака и алкоголя, за стенкой слышались удары по человеческому телу. Максвелл сидел посередине комнаты, сзади у дверей стояли два бугая, а перед за широким столом сидел такой-же широкоплечий человек.

— знаешь, зачем я тебя пригласил пацан?

Под приглашением он подразумевал избивание и сопровождение под руки на второй этаж местного трактира после отказа пойти вместе с этими двумя джентльменами, сейчас Максвелл был рад что никто не бил по его лицу.

— вы думаете, что я у вас что-то украл?

Мужчина в кресле прищурился.

— а это так?

Максвелл ощутил ещё больший дискомфорт.

— нет конечно, все знают, что у честного Дрына нельзя красть.

— это правильно, сразу видно воспитанного юношу.

Удары за стенкой стихли, что-то рухнуло на пол. Человек за столом обратился к охране

— проверьте как там наш друг.

Двое верзил вышли, Дрын достал папиросу.

— будешь?

— нет спасибо.

Он закурил.

— я слышал, ты поступил в академию.

— да, я с отличием сдал вступительные экзамены.

— и что ты выбрал стезю созидателя.

— я хочу помогать людям.

Дрын сделал зытяжку и задумчиво произнес.

— помогать хочешь? И как же ты хочешь им помочь?

— я вылечу их боль.

— да что ты говоришь, прям святой, а как насчёт оплаты?

— мне будет достаточно и того что я смогу вырваться из трущоб.

Мужчина не торопился отвечать.

— значит ты думаешь, что достоин большего? А все, кто живёт в трущобах, для тебя просто мусор?

— я не это имел ввиду, простите если оскорбил вас.

— простите что оскорбил? Да чего ты боишься, по твоему мнению я способен навредить ребенку? Сколько тебе лет пацан?

— мне тринадцать

— я пригласил тебя сюда, а ты меня записываешь в людей низшего сорта, да ещё и убийцей детей называешь, ты хоть понимаешь, что за той стенкой в любой момент можешь оказаться ты?

Максвелла окончательно сковал страх, этот человек просто издевается над ним. Дрын был глава их района, все попрошайки отдавали ему доход, а все бардели обслуживали его людей бесплатно. Максвелл абсолютно не понимал, зачем он понадобился этому человеку, они с сестрой старались никому не переходить дорогу после смерти Марии. Он собрал остатки воли в кулак, если он и не выйдет из этого здания, то хоть не даст этому типу над ним издеваться.

— ты прекрасно понял, что я хотел сказать, если твои комплексы не дают спокойно жить, из-за чего ты угрожаешь пацану, который в три раза тебя меньше, то я умру за этой стенки с чувством жалости к тебе.

Дрын не выразил ни одной эмоции, спустя пару длинных секунд он вновь заговорил.

— ладно, подловил, я хотел посмотреть из какого ты теста, помню был случай, я тут на одного своего подчинённого орал, так он тут обмочился, вот это было зрелище, ты бы видел.

С этими словами Дрын засмеялся.

— а он ведь годов так на четыре тебя постарше, я его заставил весь кабинет мне до чиста выдраить, а после выкинул на улицу ссыкуна, на будущее тебе пацан, никогда не давай слабину, если ошибся, признай ошибку и иди исправляй, а не ной на судьбу злодейку.

Максвелл немного расслабился, Честный Дрын славился тем, что всегда держал свое слово, что бы он не сказал, все воплощалось в жизнь. Так что же ему могла понадобиться от Максвелла?

— короче о деле, я слышал у тебя есть сестра, которую ты активно скрываешь от мамок в борделях, а у меня есть сын, который мягко говоря не очень здоров, и вот моё

предложение, я беру твою сестру к себе в бар и даю слово что никто и пальцем ее не тронет, а ты всеми силами ищешь лекарство для моего сына, ну и соответственно, оказываешь посильные услуги моим людям.

Максвелл не ожидал подобного предложения.

— я ведь только что поступил и ещё ничего не знаю о врачевании, даже повязку не умею накладывать, не говоря даже о полноценном лечении.

— я это знаю, и даю тебе год, насколько я знаю, в академии открытая библиотека, все средства у тебя есть, время есть, это реальный шанс для тебя с сеструхой, работать она начнет с сегодняшнего дня официанткой, сколько ей лет?

— мы двойняшки.

— вот те на! Договорились, только если ты не справишься, имей ввиду, я лично сдам ее в Золотую Корону, а твой искалеченный труп окажется на дне моря гигантов, ты все понял?

Максвелл знал, как делаются дела в родных трущобах, и подобное предложение было действительно щедрым.

— я все понял, спасибо вам за доброту.

— сочтемся пацан, как зовут сестру?

— Олея.

— вот ведь черт, а мои родители вообще не парились, Дрын есть Дрын, вот ведь имечко то.

Максвелл открыл глаза, рядом на полу посапывал Артемий, скрипка была аккуратно прислонена к тумбочке. В дверь стучалась Нирия, был слышен ее приглушенный голос.

— Максвелл, Артемий, вставайте, сам говорил, что ранним утром выходим.

Максвелл поднялся и с тяжёлой головой открыл дверь, она стояла на пороге уже полностью одетая, платье она заменила на походные кожаные штаны, на груди поверх белой рубашки была накинута лёгкая жилетка, на спине висел меч.

— чего орёшь? Весь трактир разбудишь, раз ты уже на ногах иди скажи Джеку, чтобы собрал нам пропитание в дорогу. Максвелл начал закрывать дверь, Нирия остановила ее носком сапога.

— без денег он ничего мне не даст.

— ай точно.

Максвелл взял с тумбочки тарелку, в которую Артемий вчера собирал выручку и вручил ее Нирии.

— вот, пусть все забирает, встретимся внизу.

— хорошо.

И Максвелл с зевотой закрыл дверь. Он выглянул в окно, небо только начало синеть, черт, она проснулась слишком уж рано. Тут он вспомнил об инквизиторах, и сомнения резко отошли на задний план.

"Проснулась в самый раз"

Он начал пихать своего друга.

— поднимайся артист, нам надо сваливать из города и поскорее, собирайся.

Артемий поднялся с пола, потянулся и принялся разминаться, каждое утро он совершал зарядку, которая больше всего включала упражнения для растяжки, и занимало у него это

действие ровно тридцать минут.

— Арт, нет времени на разминку, инквизиторы в городе, нужно бежать.

Артемий как всегда без лишних слов все понял, он открыл тумбочку, достал оттуда пару кинжалов, которые моментально утонули в темноте его одежд, начал цеплять на пояс сумки со своими бомбочками.

— встретимся внизу.

Максвелл захватил свою сумку с врачебными принадлежностями и спустился вниз. В зале уже никого не было, последние пьяные и веселые посетители разбрелись ещё ночью. На одном из столов уже лежали подготовленные припасы. Джек все также за своей барной стойкой пересчитывал содержимое миски.

— двести четыре медяка, чтоб я сдох, да Белла в четыре раза меньше за чаевые собирает каждый вечер.

— он постоянно убирает все содержимое в карманы чтобы миска была пустая.

— даже этот кретин видать тоже тебя умней, вон твои припасы, жрите наздоровье.

— благодарю.

Сверху наконец спустился Артемий, под его ногами скрипнула только одна досточка. Нирия поднялась со своего места и взяла один из рюкзаков, второй взял Максвелл предварительно передав аптекарскую сумку Артемию.

— прощаемся Джек, надеюсь ещё увидимся, до встречи Белла.

— катитесь уже дармоеды.

Белла помахала рукой, после чего три путешественника вышли из таверны и двинулись на восток. На улицах не было видно ни души, впереди беззвучно двигался Артемий, высматривал патрули, пару раз пришлось прятаться за домами, но в целом продвигались они быстро. Выйти из города удалось без проблем, им нужно было двигаться на восток, поэтому, чтобы запутать след, путники вышли через северные ворота, ожидающие смены сонные стражники не обратили на них внимания, видимо, просто не хотели связываться под конец смены.

Пройдя такое расстояние, чтобы город пропал из виду, путники свернули с большой дороги и направились напрямик в чащу. Ветки царапали кожу, тучи мошкары окружали путников, но все трое шли, не издавая ни звука. Во второй половине дня они наконец вышли на восточную дорогу. Максвелл, тяжело дыша заговорил.

— предлагаю привал.

Они отошли от дороги и развели костер. Нирия была привыкшая к лесу, но и она чувствовала себя ужасно уставшей.

— долго нам добираться до столицы?

— два или три месяца, если не будет проблем.

— расскажи, почему ты скрываешься?

Максвелл, не хотел отвечать на этот вопрос.

— я совершил кое-что ужасное в свое время, и это что-то империя никогда мне не забудет.

— что именно?

— я не хочу об этом говорить.

И в воздухе опять повисла тишина. Арт улёгся спать на мягком мху неподалеку.

— я хотела перед тобой извиниться за то, что накричала.

— я сам виноват, слишком сильно на тебя надавил.

— да, ты был слишком самоуверен.

Максвелл повернул в ее сторону взгляд.

— ты должна научиться отпускать, иначе твоя ярость накормит демона, который будет терзать твою душу всю оставшуюся жизнь.

— как поэтично, а кто питает твою ярость? Я видела, что ты сделал с тем человеком на корабле, Белла рассказала мне как работает магия, ты ведь довел его до безумия своей злобой?

— да.

— откуда в тебе столько ненависти?

Максвелл немного поколебался.

— думаю, что тебе я смогу открыть этот секрет, тем более что рано или поздно ты сама все узнаешь, я прошел посвящение берсерков, ты слышала о них?

Нирия помотала головой, что он имел ввиду, говоря сама все узнаешь?

— на востоке есть огромный Изумрудный лес, формально он входит в территории империи, но ни одного поселения, или проложенной дороги, через этот лес не существует, если чужак ступает среди тех деревьев, он уже не жилец, племена, которые там обитают, убивают всех, кто посягнет на их владения, это их святые места.

— они маги?

— да, каждый из них, в отличие от имперского порядка, где катализатор выдают только офицерам или особым специалистам в области строительства, медицины и так далее, берсерки считают что каждый обязан иметь свой кристалл, по их вере, катализатор, это сама душа в материальной форме и забирать у человека право колдовать с помощью него, значит лишать его души, с учётом того, что лес граничит с небесными пиками, это горный массив в шахтах которого добывают катализаторы, недостатка в минерале у берсерков не наблюдается.

Нирия призадумалась.

— ты сказал они убивают всех, кто ступил на их территорию? Почему тогда не убили тебя?

Максвелл улыбнулся.

— со мной поистине уникальная история приключилась, какой-то мальчик из одного из их лагерей решил, что уже достаточно взрослый чтобы отправиться исследовать мир вне леса, и убежал от своей стаи, которая в то время несла дозор у границы и стояла очень близко к ней, мальчику, я думаю, было лет восемь, пухлый он был, я даже удивился, как он такое расстояние прошел один, потому что позже, когда меня и Арта вели к их стае я чуть не сдох от усталости, кстати, это было ещё до войны, и мы с Артом ещё были слабо знакомы, так вот когда этот мальчик вышел из опушки, на него напала стая диких собак, которую мы одолели и пошли возвращать мальчика в лес, за это берсерки научили меня своему волшебству, они умеют копить свою ярость внутри, а когда наступает нужда, освобождают ее, тем самым приобретая огромную мощь.

Нирия слушала молча, она размышляла о силе волшебства, почему же на их родном континенте никто не колдовал? Потому что на другом континенте не была освоена добыча минерала Зионита. Может, если бы у них было подобное оружие, то их деревни не сжигались бы одна за другой под факелами первопроходцев?

— расскажи мне больше об этой вашей магии.

— нуу, это долгий разговор, что бы ты хотела знать?

— как она работает? Откуда берется энергия?

— работает она благодаря особым кристаллам, которые добываются всегда в горах, а энергия... Подожди, слышишь?

Нирия насторожились, по дороге со стороны Геринбурга слышался топот лошадей. Максвелл не растерялся.

— Арт, в засаду.

Артемий исчез среди густых кустарников и стволов деревьев. Нирия поднялась вместе с Максвеллом со своего места. Она принялась доставать меч.

— подожди пока, может это просто путники, но будь готова к худшему.

Нирия вернула меч в ножны.

— не учи белку лазать, я за тобой.

Она встала за спиной Максвелла. Топот копыт становился все громче. Максвелл вышел на дорогу, вдалеке были видны три всадника, двое были одеты в застегнутые походные плащи, их лошади были облачены в тяжёлую кавалерийскую броню, а третий был простов монашеской робе, волос у него не было, он скакал во главе.

— похоже какой-то важный генерал с конвоем, только маловат конвой и роба эта монашеская.

Тут Максвелла осенило, да это инквизитор. Чем ближе становились всадники, тем больше тревоги нарастало на душе. И вот они уже совсем рядом, замедляя шаг они едут мимо, лысый монах, молча, внимательно осматривает путников, в ответ они рассматривают его, затем он снова пускает лошадь в голоп, но через пару минут останавливается и снова оборачивается на пару путников. Максвелл ругнулся, лысый монах развернулся и двинулся прямо в сторону парочки.

— Нирия, паладины самые сильные маги воли на континенте, даже не думай о том, чтобы заблокировать, меч сломается, я дам тебе силу через твой ошейник, все тихо, они подъезжают.

Нирия приготовилась к сражению, ей не нравилось, что приходится постоянно слушать Максвелла, но сейчас не время для препирательств, о противниках он знает намного больше. Всадники вновь подъехали к путникам, заговорил монах.

— благословения вам под лучами пантеона брат и сестра.

Это оказалась женщина, что было совершенно невозможно определить по мешковатому балахону и лысой голове. Максвелл ответил.

— благословенны будьте.

— скажите, добрые путники, не видели ли вы неподалеку троих подлецов, по чьим следам мы идём? Двое мужчин, одна женщина, один из них в белой маске.

— никого похожего святая мать, только зверушки вокруг да птички в небе вот и все, кого мы видели.

Какое-то время женщина пристально разглядывала путников.

— а не подскажите, в каком часу вы выдвинулись из города?

— пожалуйста, мы покинули пределы восточных врат аккурат по полудню.

— и пройдя всего пару часов вы решили устроить привал?

— мы никуда не торопимся, нам нравятся неспешные путешествия так ведь Мария?

Он тронул Нирию локтем, та быстро кивнула. Тем не менее монахиня не унималась.

— красивое кольцо, никогда не видела фиолетовых камней.

Максвелл прикусил губу, как он мог так сглупить? Подняв локоть, он засветил свой

катализатор.

— да, это семейная реликвия, мой дед был очень сентиментальным человеком чтобы его продать, да и отец тоже, и я в них пошел.

Максвелл убрал руку за спину.

— приятно видеть, что жадность вам не свойственна, подобное кольцо стоит немалых денег, позвольте я взгляну?

Максвелл всем нутром ощущал, что это ужасная идея, когда он покажет кольцо этой женщине обратной дороги не будет, поэтому он медлил. Однако монахиня не отступала, она была полна решимости оценить очень редкий камень. Максвелл двинулся к ней, он знал, что Нирия готова в любой момент ринуться в бой, хоть они и были знакомы всего неделю он ей доверял уже в достаточной степени чтобы та прикрывала ему спину, хотя плечо зудело ещё два дня после того ножа...

— почему бы и нет.

Максвелл подошёл ко всаднице и протянул ей свою руку, сжатую в кулак, чтобы та не сняла драгоценный катализатор. Женщина начала рассматривать кольцо под разными углами насколько это было возможно. Глаза ее расширились, она явно узнала это украшение.

— говоришь фамильная ценность?

Максвелл кивнул, разумеется он врал, это кольцо вручила ему старая Мария перед смертью вместе с наказом никому не показывать этот артефакт до тех пор, пока не подрастет, рассказать откуда у нее это кольцо она не успела.

— очень красивое украшение, а знаешь, что в нем необычного?

— эти милые змейки?

— то что это выгоревший катализатор, который к тому же очень сильно похож на артефакт проклятого рода, убийц прежнего императора.

Максвелл попытался опустить руку, но женщина сжимала ее мертвой хваткой, очевидно усиленной волей. Он ей не поверил, проклятый род? Убийство императора? Это произошло двадцать лет назад, да кому оно сейчас вообще сдалось это убийство? Нынешний император чувствует себя прекрасно, а подобных колец в мире сотни. Максвелл тоже усилил свою руку.

— вот те раз, ещё утром не подумал бы что сегодня днём меня назовут убийцей императора.

Максвелл повернул голову к Нирии.

— Мария, я императора убил! Слыхала?

Затем он вновь посмотрел на женщину, та вновь заговорила.

— а ещё интересно то, что по счастливому стечению обстоятельств, из города сегодня никто не выезжал, кроме тех троих из северных ворот, а учитывая то, что прибыли они с севера, очень странно что они отправились обратно, а ещё, чтобы совершить крюк и выйти на восточную дорогу, где мы сейчас и находимся, понадобится именно столько времени сколько сейчас на часах, начиная с восхода солнца.

Максвелл не тешил себя надеждами разойтись мирно, она давно все поняла, ещё когда разворачивалась. Двое всадников у нее за спиной держали одну руку на упряжке, а другую на рукоятках, он не видел, что у них за оружие за накидкой. Максвелл не стал ждать первого удара он сразу открыл канал, красная вспышка сверкнула в занятой руке, и всадница полетела со своего коня прямо на землю. Нирия кинулась добивать оглушенную монахиню, она увернулась от потерявшего контроль коня и обрушила удар на лежащую на земле. Однако синие тиски сжали лезвие, и оно остановилось в паре сантиметров от тела. Нирия

отскочила к Максвеллу.

— по-быстрому не получилось.

Всадники слезли со своих закованных в броню коней, тяжёлый металлический звон пронёсся по ушам, когда они один за другим спрыгнули на землю. Максвелл выдавил из себя.

— паладины.

Плащи были откинута и серебряные доспехи с золотыми каймами засияли на солнце, у каждого висел за спиной щит, который методично был вытасчен из-за спины, в правой руке эти великаны держали массивные булавы. Нирия не понимала, как обычный человек способен удержать этот огромный кусок металла в одной руке, да ещё и вес доспехов был немаленький, как же ей их одолеть? В броне не было видно ни одного слабого места.

— Нирия, слушай меня.

Максвелл достал белый камень души.

— паладины очень сильные маги воли, они невероятно сильны и устойчивы к ранениям, ищи их катализаторы или просто урони, доспехи осложняют движение и подняться им будет очень проблематично, твой ошейник не только для боли, с помощью него я могу наполнить тебя своей силой, только скажи, что тебе нужно скорость или стойкость?

Нирия ответила не задумываясь.

— скорость.

— я тебе ее дам, сражаться будешь одна, я буду поддерживать тебя со стороны, удачи.

Максвелл отошёл от своей подруги. Теперь она одна противостояла двум закованным в броню верзилам и одной монахиня которой те помогли подняться.

— как ты смеешь нападать на служителя пантеона? Ты сгоришь в аду за это.

Монахиня вдруг приобрела огромную скорость, в мгновение Ока она оказалась лицом к лицу с Нирией, та не мешкая нанесла удар, но клинок рассек пустоту, монахиня направилась в сторону Максвелла и, когда та была уже совсем близко, Максвелл окружил себя синим барьером так что женщина могла только царапать стенку своим кинжалом. Нирия обернулась, паладины шаг за шагом уверенно сокращали расстояние до нее. Максвелл обратился к инквизитору.

— с каких пор пантеон одобряет в своих рядах запретное колдовство?

— раскаявшийся грешник стоит трех праведников.

— Нирия, сейчас!

Время вокруг замедлило бег, Нирия почувствовала огромный прилив сил, она могла крушить горы или в мгновение ока оказаться на другом конце обломка, все вокруг было так непривычно, паладины же теперь шагали втрое медленнее. Она взглянула в сторону Максвелла, инквизитор занесла кинжал над его шеей, и он уже почти обрушился на голову беззащитному магу. Нирия бросилась на помощь и выбила кинжал из рук женщины, тот завис в воздухе. Инквизитор отступила от Максвелла, проворно уворачиваясь от выпадов Нирии, двигаясь ничуть не медленнее. В конце концов женщина спряталась за спинами, паладинов, которые были уже практически рядом с Максвеллом, мирно стоящем рядом с костром. Нирии приходилось двигаться осторожно, каждое ее движение вызывало огромную инерцию, поэтому она старалась шевелиться очень плавно.

"Вот это сила, сколько у меня ещё времени?"

Она посмотрела на инквизитора, та стояла за спинами паладинов и уже не выглядела такой быстрой. Нирия поняла, что та вновь вошла в привычную скорость. Что же делать с

паладинами? Она подошла к одному из них и рубанула по незащищённой голове, все равно что рубить камень, лезвие не оставило даже царапины, однако противник медленно потянулся к месту удара, значит хоть что-то он почувствовал. Нирия обернулась на второго, булава уже медленно летела прямо в ее голову, она буднично прошла под ней. И подошла ко второму.

"И что мне с ними делать?"

Она попыталась силой опрокинуть противника, но он стоял, будто корнями врос в землю.

"Охох, да что вы за люди такие"

Время начало ускорять ход. Она больше не могла тратить время на эти две скалы. Настолько быстро, насколько возможно, она бросилась в сторону инквизитора и, перед тем как время вновь двинулось по своему прежнему руслу, лысая женщина упала замертво. Паладины смотрели в ее сторону, на их лицах не было заметно ни одной эмоции. Максвелл, находящийся уже позади двух воинов тяжело дышал, видно он отдал все что у него было. Паладины переглянулись и без слов один двинулся к Максвеллу, а второй к Нирии.

Она отступала спиной, необходимо было подумать. Даже ускоренная, она не смогла ничего поделаться с этими дуболомами, а что же сможет сейчас? Максвелл сказал уронить или разбить катализатор, первый вариант отпадает, он слишком силен, как насчёт второго? Она внимательно оглядела противника, разумеется, катализатор под броней.

"Он может укреплять тело, а как насчёт доспехов?"

Нирия поняла, что нужно делать, к этому времени в нее уже летел первый удар. Словно танцуя, она легко ушла в сторону щита. Паладин ударил ее им, но девушка уже была у него за спиной.

" Ты силен, но в тебе нет ни намека на тактическое мышление"

Она резанула по внутренней стороне бедра, разумеется, не нанеся никакого урона нападавшему, но, когда паладин развернулся, его набедренник слетел на землю. Злорадная ухмылка блеснула на губах у девушки.

— потанцуем?

Максвелл аккуратно отходил от своего противника заводя его в гущу деревьев. Он потратил всю ярость в запасе чтобы дать Нирии время разобраться с самым сильнейшим из них, и она не провалила задачу, правда теперь он не знал, что делать, вся надежда была только на Артемия, спрятавшегося где-то рядом. Отходить больше было некуда, сзади разросся кустарник и Максвелл приготовился к битве, он усилил тело ожидая удара этой гигантской палицей. Вот паладин приблизился к противнику и, не мешкая, занёс свое дробящее кости оружие над головой, как вдруг его лицо взорвалось белой вспышкой, Максвелл на время оглох и закрыл глаза, а когда смог их вновь открыть, то увидел, как Артемий тщетно пытается пробить эту махину. Он наносил удары в сочленения между доспехами, но кинжалы постоянно встречали непреодолимое препятствие на пути. Противник отходил назад, держа наготове щит, а второй рукой протирая глаза, в конце концов его взгляд смог сфокусироваться на Арте и тот грациозным кувырком отпрыгнул от противника.

— Арт! Ты идиот! Знаешь же, что не пробьешь!

Максвелл не сразу понял, что кричит. Артемий бегло показал другу жест мол попытка не пытка.

— согласен, ты вариантов то больше нет... хотя.

Его внимание зацепило бревно, сидя на котором он рассказывал Нирии о берсерках. Максвелл похлопал друга по плечу и показал в сторону бревна.

— его доспехи не позволят ему подняться, сможешь повторить трюк?

Его друг кивнул. Паладин вновь приближался уверенными широкими шагами. Артемий двинулся в обход противника, тот кинулся за ним, посчитав что шут в маске опаснее выдохнувшегося мага. Максвелл следил за врагом, Арт кинулся в атаку. Пока он будет подводить паладина к бревну есть пара секунд, и он кинул взгляд на Нирию, по всему выходило, что проблем у нее не было. Словно ветер, она оплетала своего противника, который в свою очередь яростно кричал и в бешенстве размахивал своим оружием, вокруг валялись части серебряной брони, а на самом паладине ее осталось не так уж много, ещё болтался нагрудник, и наголенники с наручами были целы. Что она задумала?

Артемий уже дрался с врагом рядом с корягой, в ловкости он ничуть не уступал Нирии, однако ударов наносил намного меньше. Послышался второй хлопок, это Арт вновь оглушил противника так что тот пятился назад прямо на бревно. Арт наносил удар за ударом чтобы враг продолжал пятиться, наконец тот уже был достаточно близко, ещё один шаг, и он упадет. Максвелл не хотел испытывать судьбу, он создал синий барьер и увеличил высоту коряги, о которую тут же споткнулся паладин, после чего потерял равновесие и с громким металлическим лязгом упал на спину. Артемий быстро отпрыгнул от яростно кричащего и размахивающего во все стороны своим грозным оружием врага. Максвелл аккуратно подошёл к своему другу, вместе они смотрели как отчаянно пытается подняться паладин, Арт тяжело дышал.

— у тебя отдышка, стареешь, а кстати сколько тебе лет?

Арт показал на пальцах цифру четыре.

— сорок лет? Я думал, ты младше меня, а тут оказывается, что ты мне в отцы годишься, ладно, заканчивай.

Щит уже улетел в сторону, противник пытался раскачаться чтобы перевернуться на живот, но все тщетно. Артемий достал очередную бомбу, поджег фитиль, Максвелл закрыл рот рукой, граната полетела в сторону лежащего. Черный дым заструился во все стороны. Максвелл крикнул.

— если позволишь мы прервем твою жизнь быстро и безболезненно.

— я отправляюсь на небеса чтобы стать частью святого воинства, а вы не избежите кары за грехи.

Он стал сильно кашлять, газ брал свое.

— спроси в небесном воинстве, сколько инквизиции нужно пытать человека, чтобы очистить его от всех грехов, я слышал дня два.

И тут раздался выстрел.

Нирия начала уставать, нагрудная кираса никак не хотела отходить, она болталась на шее словно фартук, а противник был уже достаточно разъярен. Во время очередного выпада, на его шее показался медальон, он выпал из-под одежды.

"Вот он, наконец показался"

Паладин остановился, он тяжело дышал и не отрывал взгляда от девушки, даже сквозь одежду было видно, что он обладал огромной мускулатурой. Нирия думала, как теперь разбить кристалл, к нему просто так не подобраться если только... Она нащупала пистолет за ремнем, он был заряжен, Белла со слов мужа научила им пользоваться. Нирия достала пистолет и направила его в сторону противника. Тот усмехнулся.

— стреляй.

Но она медлила. Стреляя первый раз в жизни с такого расстояния было не попасть, а выстрел только один, и тогда Нирия решилась на рискованный поступок. Метнувшись в сторону врага, она вновь ушла от удара палицы в сторону щита, а затем прижалась к груди противника быстро подняв руку с пистолетом к небу. Паладин не стал медлить он обнял девушку и стал душить ее, из этой хватки она не выберется никогда.

— боги мои, примите грешницу в сени свои и подарите ей очищение от грехов.

Она не могла дышать, Нирия прижала медальон дулом пистолета к груди противника и, не медля, выстрелила. Захват сразу ослаб, палица и щит в раз стали слишком тяжёлыми для обычного человека, она выскользнула из смертельных объятий, рыцарь упал на колени.

— мне ещё рано очищаться.

Она оборвала жизнь противника последним ударом своего клинка.

Пару минут Нирия смотрела на поверженного врага, она не могла поверить, что одолела его.

"Такая огромная сила и они так бездарно ее используют"

К ней подошёл Максвелл, он оглядел падшего могучего воина.

— тяжёлый бой, а я подумал, что мы все мертвецы, когда инквизитор нас раскусила.

Нирия, все еще тяжело дыша, отвела взгляд с поверженного врага.

— достойный был противник, откуда у них такая мощь?

— как я уже говорил, их воля исходит из веры, паладинов не выпускают из стен родного монастыря до совершеннолетия, им вдалбливают в голову что они истинные защитники пантеона, сами боги направляют каждое их движение, на выходе они имеют самые сильные волевые барьеры на всем континенте.

Нирия вновь опустила взгляд к врагу.

— фанатики.

— просто с детства они не имели другого выбора.

— нужно убрать его с дороги, я поймаю лошадей.

Она вернула меч в ножны и двинулась в сторону испуганных животных. Максвелл напился силой и взял тело себе на плечи, после чего понес его к лагерю. Арт уже собирал разбросанные по всей дороге серебряные доспехи.

Спустя время, Нирия одну за одной привела всех лошадей и привязала их к дереву. Максвелл с Артом тем временем уже рыли две могилы, а три тела лежали неподалеку рядом с кучкой аккуратно сложенных доспехов. Она начала снимать с лошадей их тяжёлую броню, после чего бросила ее к остальному комплекту.

— вы роете слишком близко к дороге, собаки легко учуют запах гнили под землёй.

Они вдруг остановились и посмотрели друг на друга, Арт в сердцах бросил на землю наголенник которым скреб землю.

— да чтоб тебя, Арт ты же вроде по этим делам спец, хоть бы слово сказал.

Нирия молча наблюдала сверху на копошащиеся в яме фигуры.

— мы польем тела слизью лизунов, она воняет неделями, и все собаки от нее нос ворочают.

После этих слов друзья снова принялись рыть. Нирия заговорила.

— доспехи и тела видно с дороги, настоящее чудо, что никто до сих пор не проехал мимо, неловко бы получилось, да и могли бы одну общую яму вырыть вместо трёх.

Максвелл вновь поднял голову.

— женщина, хватит нас пилить, им по вере положены разные могилы, лучше помощи.

Нирия молча принялась за работу, она оттащила тела и их вещи в кусты после чего тоже принялась за рытье. Спустя некоторое время три ямы были готовы, путники сбросили туда тела и доспехи, Максвелл вылил весь запас слизи, который у него был, после чего место действия засыпали землёй.

Небо тем временем уже практически потемнело, с минуты на минуту станут видны звёзды, костер уже давно потух.

— если ночь будет светлая, то мы сможем отойти немного от этого места на лошадях.

Предложила Нирия уставшим голосом, Максвелл молча кивнул.

— напряжённый был день, думаю сейчас можно отдохнуть пару минут

Он сел на землю, остальные поступили также, все были вымотаны. Им ужасно повезло, что никто не обратил на них внимания, пока двое рыли землю и перетаскивали тела третий наблюдал за дорогой, они все же разминулись с парой путников. Нирия достала пистолет и принялась его чистить.

— а всё-таки не зря ты его за моральный ущерб взяла.

— да, полезная штука.

— как клинок?

— хорош, немного нужно привыкнуть к заточке, а так вполне приемлим.

— рад что наши деньги не ушли в пустоту, ну, большая их часть.

Нирия вздохнула, сколько он ещё будет вспоминать про это? Она решила сменить тему.

— ты сказал, им по вере положены разные могилы, зачем так заморачиваться? Думаешь, они бы не оставили твое тело гнить в ближайших кустах?

— эти бы не оставили, они может и фанатики, но сражаются с честью, и я очень сильно расстроен, что нам пришлось их убить, может, не было бы инквизитора, все вышло бы иначе, кстати, ты была просто великолепна, даже после драки в той подворотне, выглядишь то как жук-палочник, но, чтобы победить паладина нужно немалое умение, считанные единицы способны на такое, да ещё и без волшебства.

В голове у Нирии промелькнула мысль.

"Жук-палочник? Это ещё что такое?"

— ты видел мало настоящих воинов, великим Делай-Ша-Леккоем человеку дарован разум, глупо отвергать его дар и полагаться только на силу и умение, а что за инквизитор? Она двигалась также быстро как я.

— да, по официальной версии инквизиция боролась с черными магами, сейчас церковь пяти утверждает что эта организация давным-давно распущена, но слухи ходят разные, мол после странного обряда черные маги становятся новыми инквизиторами, или что церковь до сих пор тайно содержит этот орден, или же они действуют самостоятельно, но сегодня мы встретились с одной из них и то что им не чужда черная магия это факт, потому что тебя я именно ускорял, а она замедляла время, просто ей не хватило заряда вот и все, а так мы бы уже все лежали с перерезанными глотками вместо них.

Нирия заметила, что Арт тоже внимательно слушает своего друга, как-то даже слишком внимательно.

— то есть известно то, что ничего не известно.

— именно так, пора выдвигаться.

Чистое ночное небо стелилось от горизонта до горизонта, огромные луны проплывали по нему освещая их маленький мирок. Путники упаковали сумки и двинулись на лошадях на

Восток.

— дальше есть деревня, нас с Артом там знают, завтра утром будем там, там же и отоспимся.

— согласна, чем дальше мы уйдем, тем лучше, конечно и лошадей лучше бы оставить если мы скрываема.

Они двигались пару часов, Максвелл отчаянно боролся с дремотой. Наконец Нирия подала голос.

— думаю, мы достаточно отошли.

Она тоже была жутко уставшей. Путники нашли полянку, залитую серебряным светом, привязали лошадей и легли спать прямо на траву кто где устроился, Максвелл одолжил Нирии свой спальник, из-за чего теперь проклинал бесконечных насекомых, лезущих во все щели в его голове, но спустя пару минут заснул и он.

— эй исключенец!

В голову Максвеллу прилетело глазурное пирожное из столовой, одно из тех, которые сегодня подавали за обедом. Он вскочил с лавки и выдвинулся в сторону метателя, волосы можно отмыть, но форма академии была невероятно дорогой для его бюджета, чтобы приобрести этот комплект Олея отдала свой месячный доход с таверны Дрына. И теперь Максвелл был полон уверенности пройтись по физиономии того выскочки, который рискнул посягнуть на этот комплект. Однако четверо однокурсников оказались сильнее, он успел нанести только два удара после чего его повалили на землю и снова избили.

— как ты смеешь поднимать руку на своих господ, чернь, моя семья даёт тебе возможность бесплатно получать образование в величайшем храме науки на всем Дитрекеле, будь благодарен за это.

Максвелл вытер кровь с разбитой губы, эта четверка уже не в первый раз решила свести с ним счёты. Говорящего, самого главного из них, раздражало то что он отставал на несколько баллов от обычного сироты, считающего каждый грош, да еще и родом с нижнего города.

— жаль, что твоя семья не даёт тебе возможность научиться бить не как ребенок.

Новый удар полетел в сторону лежащего, в саду в это время обычно не было никого.

— привыкай глотать грязь из-под моих ног.

После этих слов четверо молодых людей, смеясь, удалились. Максвелл лежал на земле, во время драки его столкнули с мощеной дорожки, и он упал в зелёную зону, где сейчас и лежал, смотря на небо и думая зачем он вообще продолжает учиться здесь. Неподалеку послышались шаги, затем нежный девичий голос.

— ты помял цветы.

Максвелл поднял голову, он и вправду лежал на клумбе белых цветов.

— вот черт, не нашел рядом подушек на гусиных перьях, пришлось импровизировать.

Он поднялся, отряхнул манжет. Как его теперь стирать он понятия не имел, может кто из официанток подскажет.

— у тебя губа разбита.

Максвелл наконец оторвал взгляд от клумбы, которую ему было очень жалко, и посмотрел на рискнувшую заговорить с простолудином в этом царстве хороших манер.

— просто кое-кто не знает иных способов как заставить чернь жрать землю под его ногами.

Девушка нахмурила свои аккуратные бровки, Максвелл понял, что сболтнул лишнего.

— простите за грубость мазель, прошу, проходите мимо, здесь для вас мало интересного.

Он поклонился и принялся складывать в сумку учебники, чтением которых здесь занимался. Девушка не уходила.

— я знаю замечательную чистку в городе, там недорого берут и очень добрый персонал, всё-таки неприятно получать выговор за неподобающий внешний вид.

Максвелл закончил с сумкой, закинул ее на плечо. Он вспомнил о стирке в родном районе, женщины, мокрые от пота, трущие грубые вещи на своих стиральных досках так, что через пару минут от брызгов в тазике совсем не остаётся воды. Одежда для местных неженок могла не выдержать такого сурового испытания.

— боюсь, что у меня не хватит средств даже на ваше “недорого”.

— тебе сегодня везёт, я намерена доказать свою правоту и согласна оплатить первый визит.

Максвелла кольнула гордость, это была не самая изящная причина для помощи, однако отказываться от бесплатного он не привык.

— ну раз так, тогда я буду рад сопроводить вас до этого места.

— вот и славно, можем пойти прямо сейчас.

У него в голове промелькнула мысль.

"Интересно, если я скажу “да”, не будешь ли ты разочарована тем что тебя увидят в компании безродного?"

— боюсь, мне нужно сдать книги в библиотеку, предлагаю встретиться у вторых ворот через тридцать минут.

— хорошо.

Девушка развернулась и как-то уж слишком официально двинулась прочь из парка, видимо она стеснялась гораздо больше чем показывала.

— подожди! А как твое имя?

Она остановилась.

— Филоменна ля-Капсоль.

— а я Максвелл, безродный.

— очень приятно Максвелл.

И она упорхнула прочь из парка, чтобы встретиться с парнем с клумбы через несколько минут. Он проводил ее взглядом, вот уже месяц он посещает занятия третьего курса и наконец хоть кто-то с ним заговорил. Максвелл понимал, что отчасти это связано с тем, что родители главаря той шайки — одни из самых знатных представителей императорского двора, другие просто боялись с ними связываться, интересно, знает ли его семья, в какого человека вырастает их чадо.

Первые лучи солнца ослепляли сквозь закрытые веки, Максвелл отвернулся от него в надежде, что сладкое сновидение вернётся к своему хозяину, но оно ушло, и уже ничего нельзя было сделать. Филоменна, где же ты теперь. Их первая встреча, как давно же он про нее не вспоминал, первая любовь всегда горит ярче полуденного солнца. Однако радостные воспоминания испарились без следа, вытесненные стыдом за то, что он совершил, и продолжает совершать. Нет, вчера те трое хотели их убить, или пленить, что тоже

равносильно смерти, тут уже либо мы, либо они. Однако чувство неправильности происходящего не покидало мысли. Максвелл перевернулся на спину и прошептал.

— чего же я хочу...

Он услышал, как Нирия ворочается в его спальном мешке. На самом деле он даже не понимал зачем отдал ей спальник, обычный порыв благородства, ему показалось, что ей он нужней. Пора было будить своих спутников. Полностью продрогший от прохладного утра, он поднялся с земли, взглянул на лошадей.

"Мы ведь не оставили ни одного дозора, да что с Артом не то, он ведь всегда мне про все напоминает, а тут что про собак не сказал, что про дозор, вон он дрыхнет"

Рядом с Нирией в своем спальнике лежал Артемий. Максвелл подошёл к друзьям и принялся их будить. Те нехотя проснулись. Когда глаза перестали сами собой закрываться от недосыпа, группа быстро перекусила, и двинулась в путь, необходимо было как можно дальше отъехать от злополучного места.

Всю дорогу Нирия не давала покоя Максвеллу. Он рассказывал ей о шести государствах Дитрекеля, о народах империи, ее истории, о магии и пороке, о традициях и вере.

Казалось, вопросам не будет конца, однако наконец, после того как они забрались на очередной холм, внизу стала видна маленькая деревушка. Небо уже приобрело свой обычный голубой оттенок.

— пришли, деревня Лабухи.

Нирия осматривала строения внизу.

— выглядит жалко, зачем вы строите крыши из соломы? Ее же каждые пару тройку лет менять нужно.

— сказала та, в чьей стране не строят выше двух этажей.

Путники принялись спускаться с холма, по мере приближения в деревне не было видно ни одного жителя, возможно, никто еще попросту не проснулся. Они беспрепятственно въехали в главные ворота. В близком рассмотрении домики оказались не такими ухоженными как издавна, многие были заброшены, соломенная крыша на них совсем провалилась, также кое-где не было видно окон. Максвелл поехал вперед, Вокруг царила абсолютная тишина, не было видно ни собак, ни кошек, ни даже скота. После того, как они с Артемием покинули Геринбург во время войны, эта деревня была первой где они остановились, тогда шел первый год, и еще не все жители сбежали от бесконечных армий, осаждающих крепость. Максвелл знал почему в деревне после военного голода не было скота или животных, и думал о том, догадывалась ли Нирия об этом. Наконец он остановился у очередного обшарпанного домика.

— кажется это здесь.

Он слез с лошади и постучал в дверь. Послышались быстрые шаги и, спустя минуту, в открытой двери показался бородатый старик в одной только майке и широких штанах. Он начал сильно шуриться в надежде рассмотреть нежданных визитёров, после пары неудачных попыток беззубым ртом он прожамкал.

— чаго надо?

— ты староста?

— ну я.

Старик упер руки в бока как бы бросая вызов собеседнику.

— полтора года назад мы у вас гостили если помнишь, во время войны я как мог лечил ваших жителей и ничего не брал взамен, а мой друг большой любитель поиграть на публику.

Старик сморщил лоб силясь вспомнить, о чем его просили, потом его осенило и вскинул руки в радостном приветствии.

— Макшвелл, да как можно тебя жабыть, ты ж единштвенный лекарь што пощетил нашу шлавную жеревушку, привяжите лошадей на жаднем дворе и жаходите.

Пришельцы так и сделали, к тому времени вокруг уже начали скапливаться любопытные взгляды. Когда они все втроем вошли в дом, за большим столом посередине комнаты уже восседал хозяин, а над ним, спешно накрывая на этот стол, носилась хозяйка.

— присаживайтесь, ращкажывайте, што ващ привело, вы оштанетещь на пару деньков? Щейчас лекарь нам бы пригожился, пощле войны много кого хвори ражные одолевают.

Втроем они уселись за стол, Максвелл заговорил.

— рады что смогли заскочить, однако задержаться мы не можем, уже завтра днём отправимся дальше, поэтому скажи всем чтобы не затягивали с визитом, я буду работать только до вечера.

Староста кивнул, он обратился к своей жене.

— щышала карга? Иди ражнещи новость, вще жнают, куда идти.

Хозяйка фыркнула и вышла из избы, предварительно поставив перед гостями три тарелки. Накрыто на столе было немного, в основном только ягоды да молодые овощи. Путники неторопливо принялись за еду.

— денег у нащ нет, но мы можем обещаечить ващ пропитанием в дорогу, што-нибудь точно нащкребем.

— оплата нам не нужна, и пропитания хватает, нужен только ночлег, а ещё хочу, чтобы ты знал, что за нами погоня, поэтому чем меньше люди вокруг будут болтать, тем лучше, понимаешь, о чем я?

Старик жевал ягоды беззубым ртом.

— погоня говоришь, хто гонитщя?

— как придут в твою деревню расспрашивать, так и узнаешь.

Старик немного помедлил.

— я тебя понял, люди тебя жобром помнят, поэтому помогут, я им вще скажу, не переживай.

— благодарю, расскажи тогда, как живёте после окончания войны?

Старик перестал есть, он положил обе руки на стол.

— да как живётщя, во время войны мы нещколко раж вще в леш щбегали, когжа ещё бабы жа жети были у нащ, а потом ожин набег оржынцев, второй набег, и вще в рабсщве, только щтарики и ощтались, да ты и щам жнаешь, когда армии щтогляли, все прожовольщтвие ижвольте на щтол, кому тощкливо, по женщкой лашке щкучает тоже щода, потом, конечно, перещтавали, когда понимали, что только одни щтарухи тут, да легче от этого не щтановитщя, три гожа мы голожали, дичи в лещах нет, всех ловили вражешские войска, пока щтогляли у крепости, жерно тоже отобрали, вот так и жили, щейчас, конечно легче, пара ребят щ войны вернулощ, даже две женщины, что после первого нашего побега по лещам ушли солдатиков помогать лечить вернулись, ягожа в лещу появилась, вот, овощи наконец пошли, так что живём понемножку.

— бандиты есть?

— у нащ нет, тут жень пути вщё-таки жо крепощти, а вот жалшье, на вощток, они на кажжой деревне вищят, мало было людям крови, ещё жаждут, воруют, убивают, вще как вщегда, нежавно мимо проходил гонец, щказал, что император распорядилщя о помощи

приграничным жеревням, а бандитов рано или поздно всех перебьют, никто в это, конечно, не поверил, однако все равно надемся.

Максвелл молча отправлял в рот одну ягоду за другой, рядом с домом уже начали скапливаться люди.

— приятно слышать, что у вас все налаживается.

Однако сведения про бандитов ему не понравились, конечно, он не питал надежды на то что отряды дезертиров сами собой все мирно вернутся по домам, но так, чтобы на каждой деревне, их ведь там штук десять только по тракту наберётся.

— лошадей мы тоже оставляем вам.

Тут староста начал упираться.

— нет нет, лошадей мы не вожьём, вы и так же даром будете лечить всех в деревне, а теперь ещё и лошадей отжаёте, щами то на чем поёжете?

Но вдруг он с подозрением прищурил оба глаза.

— а не подкупаете ли вы нащ? Шпионы вражешские, так и жнал, берите ущлуги, лошадей, а пощле вы нам ращскажите какие караваны правительщственные мимо хожят, да?

— нет, лошади клейменные, ворованные, так что их на забой пустите, либо мы их отпускаем.

Тут уже взбунтовалась Нирия.

— что значит на забой? У вас на столе достаточно пищи чтобы прожить до лучших времён, вам ни к чему лишать жизни этих животных.

Максвелл пристально посмотрел на девушку.

— ты ведь понимаешь, что из-за клейма нас легко выследят по этим лошадям, скажи мне, ты видела хоть одну собаку или кошку по дороге сюда.

Нирия призадумалась, а ведь и правда, в деревне не было ни единого зверя.

— ты сам знаешь, что не видела.

— и ты уже догадалась что с ними стало.

Он был прав, она уже догадалась.

— и вы называете нас дикарями, мы по крайней мере не режем друг друга из-за выдуманных понятий о долге.

Нирия встала из-за стола.

— говорите в лесу нет дичи? Где мне найти лук?

Старик, не знающий куда деться, заговорил.

— милочка, мы не вожьём ваших лошадей, ваш друг уже щделал многое для нащ во время войны, и щейчащ поможет, мы не нащтолько отчаянные, жеревням жальше на вощтоке еще похуже чем нам.

— где дом охотника?

— прямо на выхоже из жеревни, вы проходили мимо когда въезжали.

Нирия вышла из-за стола и открыла входную дверь, снаружи уже собралась приличная очередь. Она посмотрела на Максвелла.

— не смей никуда втюривать лошадей, Арт, перенеси пожалуйста мою сумку в дом, вернись вечером.

И, не дождавшись ответа, она вышла из дома, после чего направилась искать нужную ей хату.

Максвелл был недоволен Нирией, чего она так привязалась к этим лошадям? Ему было жалко животных, но иного выхода он не видел, отпускать их нельзя, вокруг леса и они точно

будут передвигаться по дорогам пока их кто-нибудь не найдет и не увидит клеймо, и с чего это она такая вежливая с Артом?

— щдаетця мне, в вашем доме мужиком бужет она.

Максвелл повернулся к старику.

— мы не пара, в страшном сне я видел такую своевольную жену, да что бы ты ещё понимал старик.

— я понимаю поболе твоего, вожьми щебя в руки и покажи ей кто в доме хозяин, иначе так и бужешь бляеть как овца пока она бужет вышашывать иж тебя вще щоки, пока вы щчащтливо не умрете в один день.

Слова старосты ничего для Максвелла не значили, и он знал, что через пару часов забудет об ущемленной гордости. Однако нечто пошевелилось внутри него, давно забытое и спрятанное глубоко внутри, желание любить и быть любимым, которое он ощутил лишь на мгновение, после чего его искалеченную душу вновь заполнила знакомое безнадежное смирение с судьбой, которые беспрепятственно поглотил канал, и снова внутри царствовала пустота.

Наконец вернулась жена старосты.

— господин, снаружи уже собралась прилично народу.

Максвелл поднялся из-за стола.

— господином я не рожден, спасибо добрая хозяйка за трапезу, однако если я буду принимать людей здесь мне нужен этот стол.

Старуха округлила глаза и кивнула, она не была привычна к такой благодарности после трапезы.

— я сейчас все уберу, скоро придет Святослав, он отведет вашего друга в дом вашей ночёвки и поможет с переноской вещей.

— хорошо.

И Максвелл начал доставать из медицинской сумки все необходимые ему принадлежности, камень души Нирии бился о грудь внутри скрытого кармана.

"Вот черт! Совсем забыл про него, как далеко она собралась?"

В это время Арту уже помогал высокий и далеко не слабый мужичок. Передавать камень на виду Максвелл не собирался, чем меньше народу его видело, тем лучше. Он поднялся со своего места.

— я должен кое-что сказать своей спутнице.

И вышел за дверь. Снаружи около десятка пар глаз сразу вопросительно уставились на него.

— не расходитесь, через пару минут я начну прием.

Он пошел в сторону главные ворот, как и сказал староста, и довольно быстро нагнал свою подругу. Оглянулся, рядом никого не было.

— подожди, ты кое-что забыла.

Нирия остановилась и вопросительно посмотрела на него. Максвелл достал камень души и вручил ей.

— ты ведь далеко собралась, это же не моя жизнь зависит от этого красивого камушка.

Нирия взяла камень, она действительно совсем забыла об этом мерзком предмете.

— а может я не хотела упоминать про него при посторонних и хотела, чтобы ты передал мне его без лишних глаз.

Максвелл только ухмыльнулся, а после прошептал.

— я вижу ты не совсем понимаешь ситуацию, если мы не избавимся от клейменных лошадей нас выследят, за убийство паладинов, и тем более инквизитора, нас будут преследовать до самого Илена, наш единственный шанс, это скрыться, или свалить вину на кого другого, иначе можно прощаться со спокойной жизнью.

Нирия смутно представляла себе, о каком таком преследовании могла идти речь, по словам Максвелла они и так были в бегах, к чему тогда беспокоиться об ещё одной погоне? Эти лошади всю жизнь служили человеку в неволе, их долг исполнен, и их надобно отпустить, для пропитания же следует отправляться в лес и, в честном противостоянии с природой, заслужить право на сытную пищу. Нирия поблагодарила Максвелла за камень и вновь выдвинулась на поиски хаты охотника. Его тревога передалась и ей, неужели эта маленькая стычка может иметь такие серьезные последствия? Нехотя она признала, что тот могучий воин был намного ее сильнее, если бы Максвелл не знал об их уязвимостях, то они все трое там бы и полегли.

Впереди показался дом, маленькая хата рядом с которой стоял сарай, а на крыльце сидел молодой мужчина и курил трубку. Нирия отворила калитку и поприветствовала хозяина.

— доброе утро добрый человек, я ищу дом охотника, не подскажешь в какой он стороне?

Мужчина сплюнул, и низким голосом ответил.

— ты его нашла, чего хочешь?

Нирия оглядела собеседника, среднего телосложения, в простой крестьянской рубаше и штанах, длинные волосы и густая борода на лице, сидел он в уверенной позе и даже бровью не повел, когда она зашла на его территорию, однако взгляда не сводил.

— я хотела найти лук для охоты, мне сказали, что ты можешь помочь.

Мужчина все также не показывал эмоций.

— ты же пришла, зачем тебе здесь охотиться?

— поспорила с другом, вот и решила доказать, что он неправ.

— ты не похожа на охотника, на зайца собралась?

— на лису, дашь лук или нет?

— на лису с собаками ходят.

Нирии начал надоедать этот пустой разговор.

— слушай, у меня нет времени на разговоры, нужно успеть до темноты, дай мне оружие, и я пошла, или не мешай.

Мужчина медленно загасил трубку, затем поднялся со своего места.

— в лесу зверя нет, всех сожрали вражеские армии и беженцы, но я все равно с тобой прогуляюсь, идём в сарай.

Нирия двинулась за ним.

— меня Ганс зовут, а как твое имя женщина?

— Нирия.

— будем знакомы Нирия.

Он подошёл к двери сарая и отворил замок. Глаза быстро привыкли к полумраку внутри, свет сюда проникал только сквозь щели между досок в стенах в виде золотых лучей, внутри которых виднелись парящие в воздухе пылинки вперемежку с опилками. Воздух был пропитан запахом древесной смолы. Ганс прошел вперед и достал с верхней полки одного из шкафов старый лук без тетивы который и вручил Нирии.

— держи, это лук матери, я возьму отцовский.

И он полез ко второму такому же шкафу с другой стороны сарая. Нирия поднесла к свету орудие. Простая конструкция, но надёжная, плечи были украшены замысловатым узором, похожим на лианы. Этот лук сделали вручную для особо человека.

— похоже эта вещь для кого-то дорога, может дашь мне что-нибудь, что не будет жалко?

Ганс наконец достал второй лук и положил его на стол рядом. Этот был немного больше, и надписей на нем никаких не было, столько инициалы: М.Е.

— ни для кого он больше не дорог, нужно пользоваться пока полностью не истлел, да и я не верю, что мы хоть кого-нибудь сегодня найдем. Теперь Ганс полез в сам шкаф, откуда достал две тетивы.

— надевать умеешь?

Нирия без слов принялась вязать тетиву на крючок. Одно время Ганс посматривал на нее, но потом убедился, что девушка знает, что делает, и со спокойной душой снова полез на шкафы, теперь уже за ловушками на мелких зверей. Пока тот лазил, Нирия принялась и за второй лук.

— ты сказал больше никому не дорога, что с твоими родителями?

Ганс отвечал все так же ровным голосом.

— не знаю, я недавно с войны вернулся, а их нет, мужики с деревни рассказывали, что, когда они в первый раз в лес бежали, родители обеспечивали их дичью, они оба были охотниками, и меня с братьями учили, а потом ушли на очередную вылазку и не вернулись, три года уже прошло, домой вернулся только я, а раньше нас было пятеро, все братья.

Он засунул силки в сумку, а два лука отдал Нирии.

— ты не думал, что твои братья находятся на пути домой? Война ведь осенью закончилась, а сейчас первый месяц лета, после зимовки идут долгой дорогой.

Они вышли с деревни и сошли с дороги, после чего, через чащу, двинулись на юг, подальше от места стоянки армий.

— никто не вернётся.

— почему ты так уверен в этом?

— потому что, я видел, как умер каждый из них.

Нирия замолчала, она тоже потеряла всю семью, однако в глубине души всё ещё надеялась, что ее сестра жива, а этот человек потерял всех, и знал об этом, поэтому она не понимала, что может ему сказать. И она молчала, но Ганс видимо уже окунулся в трагичные воспоминания, отчего-то почувствовавший в идущей рядом родственную энергетику.

— мы служили лучниками под командованием генерала Рахмана Фоксеса, шли на подмогу городу Карым-Ине, который уже месяц был в осаде, в одном из сражений вражеское ядро угодило прямо в наш строй, меня побил камнями, а младшего убило моментально, потом, когда город пал, во время отступления, ордынские конники постоянно совершали на нас маленькие набеги, наша численность постепенно уменьшалась, под их стрелами погибли ещё два моих брата, нас осталось двое, мы уже практически добрались до основных сил империи, которые строили на границе укрепления, грязные, вшивые, уставшие, но не сдающиеся, мы вновь вернулись в родную страну, потому что территория Карым-Ине уже была захвачена врагом.

Они пробирались по густому лесу, Нирия все время высматривала вокруг следы зверей, но ничего не находила. Ганс тем временем продолжал, он уже начал свой рассказ и сейчас

ему нужно было выговориться.

— из двух тысяч нас осталось только двести человек, генерал оставил свою жизнь под городом, отдал приказ к отступлению, а сам предпочел умереть в бою, солдаты его уважали, а вот знать не жаловала, пережили зиму на границе, а по весне последнего моего брата зарезали разведчики федерации, когда тот был в дозоре, я до сих пор помню те пустые глаза, когда увидел его мертвое тело.

Ганс замолчал они продолжили молча пробираться через бурелом. Нирия следовала за этим человеком, и размышляла над его словами, она хотела спросить зачем они вообще пошли воевать, но чувствовала, что для этого не время. Наконец они остановились, Ганс снял с плеча сумку и достал силки, вручил половину Нирии. Солнце уже стояло в зените, они довольно долго двигались.

— видела следы зверей?

— нет, ни помета, ни следов, но ловушки и правда стоит поставить, может кто-то и попадет.

Ганс кивнул, они разошлись в разных направлениях и принялись расставлять по разным местам силки. Спустя час они вновь встретились на прежнем месте. Ганс с явным смущением смотрел на свою напарницу, та была на целую голову ниже него.

— я никому ещё не вываливал что у меня на душе.

— да, ты немного увлекся.

— только не думай, что я размазня.

— я так не думаю, вообще-то я тоже потеряла всю семью, думаю ты это почувствовал и поэтому все рассказал, я тебя понимаю.

Ганс ещё немного постоял в нерешительности.

— но ты не выглядишь подавленной.

Нирия увидела злобу в его глазах, неужели он решил, что она его обманывает?

— да, я больше такой не выгляжу.

И тут ее осенило, она целый год жила в ненависти, с жадной мстительностью, убивала гладиаторов лишь бы выжить, в надежде что ее приведут к самому Распорядителю, чтобы как-нибудь, любым способом забрать его никчемную жизнь за то, что он сделал с ней и ее сестрой. Потом побег, Артемий учит играть детей на палубе корабля, Максвелл приятным теплом залечивает ее синяки на койке, а после он же говорит, что ее сестра возможно жива, а она бьёт его за это. Сейчас она стоит напротив этого несчастного, но сильного человека и не испытывает злобы, которая поддерживала ее очень долгое время, она рада тому что выбралась на столь родную охоту, и эту радость, словно воду в пустыне, она выпивала каждой частичкой своей души.

Тем временем Ганс продолжал злобно смотреть на собеседницу. Она понимала его и ей стало его жаль, совершенно неожиданно для себя она его обняла и проговорила.

— я соболезную твоей утрате, я просто надеюсь, что моя сестра ещё жива, и ты надейся на лучшее.

Ганс стоял в ступоре, Нирия отпустила его. Он покраснел, затем быстро схватил свой лук, развернулся и двинулся дальше.

— идём, время уходит!

Нирия тоже подняла свой, и двинулась за ним.

"Зачем я его обняла? Дура, да кто он вообще тебе?"

Видимо Ганс тоже испытал некую неловкость, спустя около часа они снова

остановились, он заговорил.

— здесь достаточно далеко, может даже повезет найти оленя.

Он натянул тетиву сначала на своем луке потом на луке Нирии.

— как точно ты стреляешь?

— в зайца с десяти шагов попадала.

Ганс присвиснул.

— брешь.

— нет, предлагаю пари, я убиваю первого зверя с первой стрелы, и забираю лук.

— а ты азартная, спор на споре, согласен. Иди вперед.

Нирия заметила, что он повеселел. Она медленно провела ладонью по деревянной основе оружия, затем взяла одну стрелу и вложила ее в тетиву, после чего медленно побрела вперед.

— настоящий охотник никогда не даст обнаружить себя до того момента пока сам того не захочет, твой шаг должен быть лёгок, а твои чувства острее ножа.

Они сидели друг напротив друга и при серебряном свете лун отец обучал свою любимую дочь.

Нирия, пригнувшись, медленно двигалась среди кустов, подмечая глазом любое движение, которое совершалось вокруг. Сзади послышался шорох, она резко обернулась и направила стрелу прямо ко лбу Гансу. От неожиданности тот выпучил глаза.

— чтоб тебя Ганс, не ходи за мной, иди посиди где-нибудь.

— как ты меня услышала? Я с рождения по лесу хожу.

— с рождения так и не научился.

Ганс развернулся и двинулся прочь.

— я оставлю рюкзак на той полянке, встретимся там.

Нирия вновь двинулась охотничьим шагом. Она двигалась и слушала, солнце проскальзывало среди густой растительности оставляя незамысловатый узор на ее руках. Прошло около получаса, когда наконец Нирия услышала новый шорох, быстрый и резкий, она повернулась на шум и увидела кролика.

— чтобы убить зверя с первого выстрела необходимо знать его слабые стороны, попади оленю в шею и тот истечет кровью, промажешь и выстрелишь по туловищу, и на лице твоей сестрёнки не появится улыбки от предвкушения сытного ужина.

Нирия улыбнулась.

— твоя мать тоже не охотница, тотем хозяйства не такой уважаемый как тотем охотника, но все же, у каждого свое предназначение, как ты помнишь, так о чем я, ах да, не держи тетиву слишком долго, но и торопиться не стоит, в момент выстрела ты должна быть спокойна, ты знаешь что твоя стрела поразит цель, на самом деле дичь уже мертва, тебе

просто нужно отпустить тетиву.

Нирия очень тихо вздохнула, успокоила сердце, и принялась медленно натягивать тетиву, кролик начал дергать ушами, прислушиваться к этому чужеродному звуку скрипящего дерева. Нирия выпустила смертоносную стрелу, затем быстро подбежала и добила несчастного зверя. Радость от успеха сменилась тоской. Она села на землю, из глаз полились слезы, и тихо прошептала.

— смотри отец, теперь Лелиана будет улыбаться.

Ганс возвращался на поляну, где оставил сумку с колчаном для Нирии, он улыбался от всего сердца, когда нас в руках свежую дичь, последний раз он ел мясо ещё на фронте в первый год войны, потом только каши да алкоголь. Выйдя на поляну, он обнаружил победно улыбающуюся девушку, а рядом лежали четыре бедных зверя, и рядом с каждым по одной стреле. Ганс посмотрел на свою добычу и бросил ее в общую кучу.

— у меня только два лука.

— если не хочешь, можешь не отдавать.

— слово есть слово, его отец сделал специально для матери, и для меня он маловат, так что забирай, я не жалею.

Нирия поклонилась.

— благодарю за дар.

Небо уже имело оранжевый оттенок, возвращаться предстояло по темноте. Нирия заволновалась, они слишком задержались, она сказала Максвеллу что вернётся вечером, а не ночью, а ведь ещё предстояло проверять ловушки.

На обратном пути Ганс рассказывал о своих боевых буднях. Оказывается, в империи было не все так гладко как могло показаться в прошлом городе. Армия серьезно отставала в техническом развитии от других стран, тяжёлые имперские рыцари всем скопом падали под градом пуль от мушкетеров федерации. Волшебство уже не играло решающей роли в сражении, по словам Ганса один умелый маг мог с лёгкостью справиться с десятком солдат, а то и с сотней, имперские командиры прикрывали отряды своими барьерами, сержантам также выдавали казённые катализаторы, однако простым солдатам иметь катализатор было запрещено. Ганс думал, что это аристократы боятся за свою жизнь, потому что огромное социальное неравенство в империи сослужило плохую службу армии. Никогда не видевшие реальные сражения зелёные офицеры из знатных семей стремились доказать, что они в праве распоряжаться людскими жизнями, из-за чего в высшем командовании были нередки ссоры и стычки. Офицеры были заняты больше объяснением друг другу кто кому чем обязан, а не войной. По итогу империя проиграла, потеряла целый край и выплатила солидную сумму денег коалиции стран. Федерация отказалась бесплатно возвращать пленных с деревень и солдат, однако согласилась на скидку и надавила на Орду, чтобы та выдала всех пленных имперцев за вознаграждение. Из-за поражения в войне, народ Аврелианской империи очень сильно недоволен императором, старики вспоминают убитого 20 лет назад императора Казимира II, мол вот тогда были времена, этот бы ни за что не допустил поражение благородной имперской армии.

Когда охотники вернулись в деревню было уже совсем темно, на окраине ни в одном доме не горели свечи, сначала Нирию это насторожило, но потом она увидела яркий свет

дальше по улице, как от большого костра, оттуда доносилась веселая музыка и пение хора женских голосов. Ганс вопросительно спросил.

— что там происходит?

— похоже Арт снова устраивает праздник.

— кто такой Арт?

— мой друг, неважно, когда придёшь сам узнаешь.

— сейчас мне нужно разделать кролей.

Нирия повернулась к нему.

— значит, пришла пора прощаться, скоро мы уедем.

— ночью? Зачем так поздно?

— мы беглецы, ещё у меня просьба, когда сюда прибудет легион и начнет расспрашивать ничего им не говори, ты один поймал эту дичь, а мы просто прошли мимо если, вообще были здесь, понял?

Ганс не стал спорить и просто серьезно кивнул.

— от меня они не услышат ни единого слова

Нирия поблагодарила его кивком и выдвинулась в сторону шума. Ганс хотел было сказать что-то еще, но быстро передумал, молча проведя ее взглядом до тех пор, пока та не скрылась за поворотом. В центре деревни, перед домом старосты, горел общий большой костер, вокруг которого танцевали люди. В стороне на своей флейте играл Артемий, и под его музыку красиво пела средних лет женщина. Люди танцевали и веселились, их тени кривыми кляксами отражались на стенах домов, у дверей дома Нирия высмотрела Максвелла, тот сидел на лавочке и что-то бурно обсуждал со старостой. Подойдя ближе, она начала различать, о чем они спорили.

— империи нужен новый щильный правитель, да ты хоть жнаешь школько доштойных мужей и женщин погигло на поле брани ради победы? Щтали бы они отжавать швои жизни, жная, что империя пожорно примет капитуляцию, и выплатит прежренную компенщацию жа войну, которой не начинала, жнать швои кошельки держит на жамке поэтому пуштуу кажну шейчас будут пополнять жа щчёт нащ, проштого нарожа, помяни мое шлово юноша, хужшие времена только начинаются.

— империя понесла территориальные потери, народ недоволен тем, сколько родственников пришлось похоронить, с этим я согласен, но если сейчас сменить императора, то никто на замену к нему не придет, его сын ещё слишком мал, а аристократы, как ты и сам сказал, держат свои деньги под замком, поэтому начнут грабить народ ещё сильнее чем нынешний правитель, нужно просто пережить это тяжелое время и все наладится, я так считаю.

Максвелл не заметил, как к их парочке подошла его новая подруга. В его глазах было заметно недовольство.

— ты сказала к вечеру, а не ночи.

Нирию снова окатила волна раздражения, казалось, ещё пару минут назад она была настроена к этому человеку более чем радушно, однако после этой фразы она снова разозлилась.

— я буду возвращаться, когда захочу, да и судя по тому, что Артемий тут устроил вы все равно никуда не собираетесь сейчас.

Максвелл не отреагировал на очередную колкость.

— лошади в порядке, стоят тихо мирно на заднем дворе, сейчас Артемий тут всех

растанцует, уставшие, они лягут спать, и мы тихонько отправимся дальше.

Максвелл говорил так спокойно об их планах, несмотря на то что рядом сидел местный староста. Нирия покосилась на него.

— видимо пару часов у меня ещё есть, в каком доме вы остановились?

— третий с левой стороны, маленькая белая холупка, не пропустить.

— поняла, я буду там.

И Нирия двинулась на поиски нужного дома. Максвелл смотрел в след ее на первый взгляд хрупкой фигуре.

— твоя подруга тебя недолюбливает.

— она свободолобивая, а я после долгого общения вон с тем клоуном в маске привык к командованию вот и все, принеси лучше что-нибудь поесть, если не жалко, конечно у нас есть свои припасы в дорогу.

— никаких швоих припащов, мы ващ накормим.

Старик вошёл в дом и вынес оттуда поднос все с теми же ягодами и молодыми овощами который и вручил Максвеллу.

— я приду ващ проводить.

— как хочешь, старик.

Максвелл взял поднос и двинулся к тому маленькому дому, куда их поселили. Дверь внутрь была заперта, он поставил поднос и отворил засов, после начал открывать дверь, внутри что-то упало. Он зашёл внутрь, дверь за ним медленно начала закрываться, а в спину уперся клинок.

— снова решила меня проткнуть?

Нирия убрала клинок от его спины, она обошла Максвелла справа, чуть не касаясь его своим плечом, окинула его озорным взглядом, и уселась на широкую кровать. Лунный свет проникал в единственное окошко, отражаясь от белых стен, снаружи были слышны звуки праздника, в комнате стоял запах пыли и сушеных трав. Максвелл поставил поднос на тумбочку. Она устало подняла голову и посмотрела на еду, вдруг поняла, насколько была голодна.

— тебе нельзя пренебрегать приемами пищи, на самом деле те, кто испытывал голод чаще всего всю жизнь откладывают по разным тайникам пищу, а ты вон, весь день в лесу бегала на одних ягодках.

Нирия легла на кровать, затем посмотрела на Максвелла.

— знаешь, что я сегодня поняла?

— что против ветра лучше не плевать?

— что ты тоже потерял кого-то дорогого.

Максвелл перестал улыбаться, он не хотел отвечать.

— ты знаешь мою боль, поэтому ты знаешь, как с ней бороться.

Она уже закрыла глаза и медленно погружалась в сон, ее речь становилась все более плывучей.

— ты дал мне надежду, и теперь я надеюсь, что моя сестра жива...

Нирия уснула, Максвелл молча смотрел на спящую девушку.

"Да, я знаю твою боль, надеюсь твоя судьба будет лучше моей"

Он взял из ее рук меч и поставил его к стенке, укрыл ее одеялом и вышел из дома, рядом стояла хлипкая лавочка, на которой он и поместился. Максвелл долго глядел на чистое небо, вспоминая названия созвездий и прокручивая в голове события прошлого.

"Был ли у меня выбор?"

— три пива на третий столик!

Олея только что отнесла заказ, вернулась к барной стойке, схватила поднос и вновь выдвинулась исполнять поручение.

— теперь на кухню! Помоги повару с картошкой.

Она вздохнула, сегодня на одной из фабрик был инспекционный день, и рабочие заполонили трактир, не было ни секунды чтобы отдохнуть.

— хочешь, чтобы я научила его чистить картошку?

— хватит острить, иди и помогай.

Олея фыркнула, но подчинилась. Вот уже три года она работала в этом заведении, Максвелл постоянно был занят учебой, поэтому времени на работу у него не оставалось. С тех пор как Дрын приютил их, местные дылды перестали вытрясать из их карманов последние деньги. Она всегда находила это странным, зачем местному авторитету брать на попечение двух чуждых ему детей с улицы, при том чем он занимается, лишние привязанности могли его ослабить, а со слабаками в трущобах разговор короткий. В какой-то мере простая медитативная чистка картошки постоянно заставляла ее размышлять. Наконец Олея закончила и бросила последнюю картофелину в ведро, затем встала, сделала шутливый реверанс в сторону молчаливого повара, который как всегда не обращал на нее никакого внимания и двинулась в зал, скоро должен был вернуться ее брат.

Спустя полчаса она стояла рядом с барной стойкой и тяжело дышала.

"Пожалуй, завтра возьму выходной"

Дверь в зал снова отворилась, а это означало, что скоро прилетит ещё один заказ. Олея глубоко вздохнула, собралась с духом и приготовилась чтобы обслужить ещё одного клиента. Однако внутрь прошел не обычный рабочий в неизменной кепке, это был статный, хорошо одетый мужчина, явный аристократ. Олея удивилась, как он вообще дошел до их района, сумев сохранить очки и запонки. Мужчина встал у входа, пренебрежительно огляделся после чего закрыл нос изящным платком.

После этого в дверь ввалился Максвелл. Он показал пальцем на лестницу на второй этаж. Гость что-то сказал из-за чего ближайшие ко входу рабочие медленно начали подниматься со своих мест. Однако вот к визитерам подошёл человек Дрына, он окинул свирепым взглядом недовольных и те сразу потупили глаза. После чего махнул рукой, приказывая следовать за ним, и вся троица двинулась на второй этаж. Олея помахала рукой своему брату, тот ответил лёгким кивком.

Максвелл следовал за профессором Петицием, ему было очень неловко приводить сюда своего наставника. До сих пор трущобы, из которых каждый день спешил на занятия его студент, представлялись ему чем-то абстрактным, теперь же профессор может изменить свое мнение, увидев место где они с сестрой живут.

Троица поднялась на второй этаж. Здесь, в центральном зале, играли в карты ещё трое головорезов главаря, как только аристократ появился в их зоне видимости карты, полетели на стол, а на лицах засверкали плотоядные улыбки.

— вот это рыбку ты нам приволок Максик, а зубки у него тоже золотые?

Бандит начал доставать нож за что получил чёткий и быстрый удар в челюсть от

сопровождающего.

— хватит псину душить чертила, это гость босса, никто из вас его не тронет.

Головорез начал подниматься, Максвелл же взял за руку своего преподавателя чтобы отвести подальше и ощутил, что тот в ступоре от страха.

"Ну все, теперь он окончательно напуган"

— черт, вы хоть ярлыки на них вешайте, я босса уважаю, но иногда хрен поймёшь кто к нему, а кто в прачечную.

Прачечной называли комнату допроса, находящуюся на этом же этаже. Сопровождающий убрал руку с рукоятки своего ножа.

— когда же ты уже запомнишь, я в прачечную людей не вожу.

После этих слов он указал на нужную дверь и обернулся к гостю.

— вам сюда.

Профессор неуверенно посмотрел на своего студента, казалось, он уже несколько раз пожалел, что согласился на эту помощь. Максвелл ободряюще ему улыбнулся и толкнул дверь в кабинет Дрына. Тот, как всегда, своей могучей фигурой нависал над таким же огромным дубовым столом.

— Максвелл! Как твоя учеба?

За Максвеллом вошёл профессор, он бегло оглядел убранство комнаты прежде чем остановил взгляд на хозяине. Дрын заговорил первый.

— немного заблудился папаша?

Петиций пребывал в растерянности, но все равно нашел в себе силы на ответ.

— я так понимаю это вам нужна была помощь в осмотре.

— мне помощь не нужна, помощь сейчас нужна тебе золотой ты мой, большая ошибка приходить сюда без сопровождения легиона, можно и не вернуться.

— н-но я же...

Тут слово взял Максвелл.

— хватит давить Дрын, профессор достойный человек, пришел сюда безвозмездно помочь твоему сыну, а ты тут свой театр опять разводишь.

Дрын улыбнулся.

— твоя дерзость растет вместе с ростом, малой.

Он медленно поднялся из-за стола и подошёл к визитерам.

— благодарю вас профессор что не отказали этому сорванцу, уверяю вас, вне зависимости от исхода, вы уйдете отсюда в безопасности.

Не дождавшись реакции, он двинулся прочь из комнаты, приглашая их за собой. Снаружи все резко поутихло, когда босс покинул свое обиталище. Поднявшись на третий этаж, он достал с шеи ключ, которым отворил дверь и тихо вошёл. Профессор с Максвеллом двинулись за ним.

Внутри, посередине комнаты, стояла кровать, а на кровати лежал мальчик лет 9, если бы его грудь не двигалась от дыхания, можно было подумать, что он мертв.

— мой сын, Альженар.

Петиций поправил очки чтобы лучше разглядеть пациента.

— мне нужно больше света.

Максвелл зажёл свечи на люстре. Дрын молча наблюдал за осмотром сына.

— вы не ошиблись, молодой человек, симптомы и впрямь необычные.

Обратился Петиций к Максвеллу.

— я искал в разных учебниках, открытых для моего курса, но ничего похожего не нашел, поэтому я предположил, что в секциях старших курсов есть нечто похожее.

— на старших курсах нет ничего нового, дальше вас ожидают в основном практики магического искусства.

Профессор дотронулся до груди мальчика, из-под ладони начал струиться золотой свет.

— это очень редкая патология, которая упоминается далеко не во всех учебниках.

Мальчик начал чаще дышать. Дрын вскочил со своего места.

— что ты делаешь с моим сыном?!

— я его спасаю.

Петиций положил вторую руку на голову пациенту из которой тоже начало литься золото. Мальчик открыл глаза, но зрачки его метались в разные стороны с безумной скоростью. Профессор продолжал.

— внутри каждого из нас пульсирует энергия, она даёт нам возможность колдовать, также она неразрывно связана с разумом, если связь прерывается тело становится просто оболочкой.

Профессор оторвал свои руки от мальчика и теперь направил свет на горло пациента, подняв глаза на отца.

— с ним произошло именно это.

Свет становился все тусклее, дыхание Альженара становилось все размереннее. Дрын всё ещё стоял, он пристально следил за профессором, ожидая объяснений. Наконец, золотой свет погас окончательно, Петиций убрал руки с шеи мальчика.

— ваш сын будет жить, вот только он никогда не сможет колдовать, я создал искусственный канал между разумом и так называемой душой, на поддержание которого уходит вся его энергия.

Дрын все также молча смотрел на профессора Петиция.

— на самом деле этот молодой человек правильно сделал, что позвал именно меня, подобного рода магия является высшей категории сложности, я даже впечатлён, что он смог понять, что это необычное заболевание.

Максвелл при этих словах приосанился, это было редкое поощрение со стороны этого интеллигента. Дрын подошёл к сыну, потрогал его лоб, затем протянул руку профессору.

— я вас безмерно уважаю профессор, вы единственный кто согласился бы спуститься к нам ради какого-то уличного пацана.

Профессор пожал протянутую руку, он знал, что скорее всего, этот большой человек был прав.

— я прибыл сюда по просьбе этого юноши, ваш сын проснется спустя пару дней, вам предстоит заново его обучить разговаривать, ходить, и даже держать ложку, дальше все зависит от вас. Петиций развернулся чтобы уйти, Максвелл открыл ему дверь.

— было приятно познакомиться Дрын.

И вышел за дверь.

— Максвелл, пусть ребята проводят его до мостов.

Парень кивнул и вышел за своим наставником. На втором этаже за столом сидели уже четверо бандитов и играли в карты. Максвелл подошёл к ним.

— босс велит сопроводить гостя до мостов.

Трое с досадой бросили карты, но тот, что уже получил по морде от проводника, снова открыл рот.

— пусть он сам себя доведет, хоть на жизнь настоящую посмотрит, когда его в переулках на лоскуты резать начнут.

Максвелл подошёл к столу прямо глядя на говорящего.

— вижу ты совсем не учишься на ошибках Ваня, мне интересно что ты скажешь, когда вновь выйдешь из кабинета босса в соплях и крови, и снова будешь умолять меня вправить тебе нос, или руку.

Головорез резко вскочил, в руке у него уже блестел нож, острие которого он приставил к шее незащитного Максвелла.

— а ну повтори пацан, сколько твоя сестрёнка будет от нас прятать свою невинную головушку, когда твоя вдруг окажется в паре метров от своего законного места?

Максвелл не двигался, с шеи уже капала кровь, а в голове летала мысль.

"Как этот придурок вообще оказался приближенным?"

Остальные трое уже поднялись со своих мест. Вдруг Максвелл почувствовал, что лезвие уже не упирается в его шею, словно барьер вырос между его кожей и ножом. Наконец бандит опустил клинок и вернул его в ножны.

— я его сопровождать не буду.

И снова уселся за стол уже в одиночестве. Трое других без пререканий были готовы исполнять указания босса. Они спустились на первый этаж и вышли из здания через черный ход.

Они шли по узким улицам трущоб, под ногами хлюпала грязь, со вторых этажей свисали сушильные веревки с одеждой, а вокруг то и дело была слышна ругань. Максвелл решил разбавить молчание разговором с профессором.

— смотрите, видите те группки людей? Они тут вас поджидают, запомнили, что мы двигались вглубь нижнего города, чтобы на обратном пути собрать с вас свою долю.

Максвелл сразу пожалел о сказанном.

"Да что ты такое несёшь?!"

Профессор вдруг перестал осматривать окрестности.

— вижу вы достаточно хорошо знаете местные обычаи.

— если хотите, могу вас научить.

После этих слов уровень неловкости резко возрос до космических пределов, так Максвеллу казалось.

— боюсь, что с возрастом я потерял способность к обучению молодой человек, могу я задать вам личный вопрос?

— после сегодняшнего можете задавать мне любые вопросы.

— зачем вы пошли в академию?

— я хочу достойной жизни только и всего.

— не обманывайте меня, для достойно жизни нужно выбирать факультет Потенциала, или Кинетики, но не Созидания, лекари, в основном, не сильно обеспечены.

Максвелл замялся.

— я хочу открыть клинику в нижнем городе, если я сделаю жизнь этих людей хоть немного лучше моя собственная жизнь приобретет смысл.

Профессор задумался, и после короткой задержки произнес.

— достойная цель, вот мы и пришли.

Впереди был виден каменный мост через реку с постом охраны на обратной стороне.

— хочу предупредить вас Максвелл, вы имеете прекрасные баллы и у вас есть опыт, вы

намного опережаете своих однокурсников, однако вы не благородной крови, и некоторым представителем высшей знати это очень сильно не нравится.

— да я уже привык к пренебрежительному отношению со стороны сокурсников, и даже некоторых преподавателей.

— ты не понимаешь, они не могут принять то, что простолюдин по всем показателям способен их превосходить и это неприятие, накопленное годами, в сочетании с чувством полной безнаказанности может вылиться в ужасные поступки.

— спасибо профессор, я буду осторожен.

Они попрощались, и профессор Петиций выдвинулся на другую сторону моста, ему ужасно хотелось вымыться после визита в эти вонючие трущобы.

Максвелл смотрел ему в след и думал.

"А ведь их подколы с каждым годом становятся всё жестче"

Он отбросил эти мысли и двинулся обратно к трактиру, сегодня ему было что рассказать сестре за ужином.

Кто-то тряс его за плечо, Максвелл открыл глаза и увидел знакомую белую улыбающуюся маску.

— дай поспать белая морда.

И снова попытался уснуть. Он сидел на все той же скамейке перед домом, однако сон не приходил. Максвелл с Артом немного успели поспать ещё вечером, когда пациенты закончились, однако этого было недостаточно. Стояла глубокая ночь, а вокруг не было слышно ни единого голоса, все в деревне уже спали.

— она совсем не отдохнула, посадишь на свою лошадь, пусть в дороге покемарит.

Арт с готовностью кивнул. Друзья вошли в дом и принялись собирать сумки, Нирия не просыпалась. Когда староста привел лошадей и они прицепили всю поклажу к седлам, она все ещё спала, поэтому Арт на руках аккуратно ее вынес и усадил на свою лошадь, потом взобрался на нее сам.

Максвелл очень сильно удивился, на корабле он вообще не видел, чтобы Нирия спала, она просыпалась от каждого шороха, готовая в любой момент к сражению, а сейчас спит как убитая, вон даже на лошадь ее посадили. Он попрощался со старостой и вместе с шутком, привязав третью кобылку, двинулись прочь из деревни, дорога предстояла долгая и опасная, впереди поджидали бандиты.

Шли медленно, безоблачное небо освещало путь серебряным светом, а под ногами мирно покачивалась лошадь. Максвелл думал, зачем они идут в столицу? Его там ждёт только виселица, да и друзей уже не осталось, так он думал до тех пор, пока не получил зашифрованное послание от Дрына.

"Пацан, если ты это читаешь, значит я не зря отдал гонцу десять золотых монет, у меня к тебе очень важное дело которое можно доверить только тебе, жду тебя в столице, адрес ты знаешь, пришло время вернуть должок"

А вместо подписи рисунок стального кола, Дрын всегда так подписывался.

Что же это было за дело? Без веской причины он бы не написал, должно быть это была очень веская причина, вопрос жизни и смерти, поэтому Максвелл решил, что вдвоем с Артемием они могут даже не дойти до столицы, мимо всех постов, бандитов или шаек дезертиров, не впутавшись ни в единую драку. Да они бы уже лежали на пыточных столах инквизиции, если бы не Нирия. Он вспомнил, как она одолела паладина.

"Она в первую очередь дерётся головой, может поэтому Кхтонцы такие сильные воины?"

Много вопросов и мало ответов и Максвелл переключился на другие мысли.

"Нужно убедить берсерков обучить ее, вероятнее всего мне придется пройти их испытание духа чтобы стать полноправным членом стаи, тогда и она сможет доказать, что достойна, если конечно нас не прибьют ещё на подходе к лесу"

Ему сильно не хотелось возвращаться в изумрудный лес, тамошнее посвящение не было ему по душе, да ещё и их целители страшно его раздражали. Он постоянно цапался с знахарями по поводу методов исцеления. Зачем целый день собирать травы, когда можно провести магический ритуал, и тогда больной будет меньше и страдать, и времени уйдет тоже намного меньше.

Небо начало розоветь, свет солнца вытеснял собой тусклые огоньки звезд, а на

растительности вокруг поблескивали капельки росы.

Нирия проснулась от того что в глаза ей начал литься солнечный свет, и первое что почувствовала, это чужое тело за спиной. Сразу засуетились мысли.

"Это ещё что за представление?!"

Она развернулась с твердым намерением вломить наезднику локтем по наглой морде, однако, когда увидела знакомую маску, сразу остыла.

— хорошо, что ты догадался посадить меня к себе Арт, Максвеллу я бы врезала.

Артемий сделал вид что смеётся, после чего достал откуда-то ягодку и с невозможной точностью бросил ее в друга, мирно сопящего прямо в седле впереди. Максвелл почесал затылок.

— очень смешно, а в рот мне попадешь?

Максвелл сдвинул лошадь чуть в бок и выжидающе открыл рот. Артемий достал вторую ягоду, немного прицелился, и бросил, та угодила прямо в цель.

— теперь сможем показывать совместный номер, ягодный стрелок.

Нирия улыбнулась, но улыбка быстро сошла с ее губ. Как крепко она спала что они усадили ее на лошадь? Нотки неуверенности начали поигрывать в ее разуме свою мелодию. Она была знакома с этими людьми чуть больше недели, а уже настолько доверилась им, что без проблем засыпала глубоким сном, абсолютно беззащитная. Внезапная догадка закралась ей в голову.

"Максвелл маг, он может воздействовать на ее эмоции чтобы привить ей чувство привязанности, да и тем более камень души все это время был у него"

Если это была правда, значит он ей не доверял. Нирия потрогала карман где лежал ее ошейник, он был пуст. Значит и правда не доверял.

"Зачем он его забрал?"

Максвелл, шедший впереди, спешился, Артемий тоже остановил свою лошадь, Нирия спрыгнула и принялась разминать затёкшие ноги. Арт последовал ее примеру и начал делать свою ежедневную разминку.

— ты не ела весь прошлый день, голода не чувствуешь?

— чувствую, Ганс угощал меня своими запасами, пока мы были в лесу.

— Ганс, это кто?

— охотник, который подарил мне лук.

— просто так подарил?

— не просто так, я выиграла спор, и он мне его подарил, сказал пусть уж им пользуется кто-нибудь умелый, чем он рассыпется в труху.

Максвелл задумался.

— похоже ты его поразила.

— он солдат, сражался на войне, почетный ветеран, как у вас говорят.

— ты говорила, что у вас желающий вступить в брачные узы дарит семье подарок.

— говорила, и что?

— так значит ты за один день нашла себе целого мужа, а мы похитили тебя спящую невесту и увезли на загадочный восток.

Нирия закатила глаза.

— идиот.

Они плотно позавтракали, дорога впереди была долгая и опасная. Максвелл заговорил.

— сейчас на дорогах много бандитов, дезертиры или оставшиеся после военных

действий банды, проплаченные федерацией, по возможности нужно обходить деревни стороной, двигаться будем обходными дорогами, там, где пройдут лошади, если повезёт, доберёмся до изумрудного леса без проблем.

— в какой стороне столица?

— на юге, стоит на берегу моря гигантов.

— тогда зачем мы идём на восток?

— в изумрудном лесу живут берсерки, они научат тебя своей магии и помогут усмирить гнев.

Нирия внимательно на него посмотрела, они условились только о пути в столицу, помощи в таинственном деле, не было произнесено не слова об изумрудном лесу, об обучении, и уж тем более об усмирении гнева, она никому не хотела позволять копаться у себя в голове. Девушка быстро встала.

— ты слишком много на себя берешь Максвелл, с чего ты взял что вправе решать, что мне это нужно?

Максвелл тоже поднялся, он не отводил взгляд от ее глаз и видел в ней возрастающую злобу, а еще думал о причине почему не рассказал ей о смене маршрута.

“Похоже, что я просто-напросто забыл.”

А в слух проговорил.

— в империи очень сильные маги, не только представители силовых структур, среди подпольного мира тоже, ты не выступишь даже против сержанта с катализатором, будь ты хоть трижды Кхтонка, паладины используют только волю и это тебя спасло, но, если противник будет и быстрее и сильнее, не говоря даже о воздействии на чувства, пропало наше маленькое путешествие.

— дело не в том, кто против кого не выстоит, почему ты решаешь, что для меня лучше?! Тебя никто не просил мне помогать и не надо думать, что ты знаешь, что для меня лучше, как они собираются усмирять память о мертвом отце убитого в спину как труса, или мать, сгоревшую заживо в нашем доме?

Нирия снова начала на него кричать, а Максвелл молча слушал, он ждал пока она выговорит все что думает. Несколько локонов ее волос выпало из пучка на затылке, постепенно она успокоилась.

— тебе видимо просто нравится, когда на тебя кричат.

— вообще-то нет, просто ты сейчас права я и в правду упустил этот момент, нужно было рассказать сразу.

Максвелл показал на Артемия.

— я долгое время путешествовал вот с этим чудом, а он просто ходил и делал все что я говорю, вот я и привык.

Нирия принялась вновь заплетать волосы в пучок.

— или ты просто не умеешь правильно разговаривать с людьми.

Максвелл снова сел, ее покрасневшее от злобы лицо освещало утреннее солнце, она ещё нескоро успокоится. Он ответил ей.

— пока что никто не жаловался.

Она кинула на него последний злобный взгляд и двинулась к своей лошади. Артемий сложил на груди руки и смотрел на товарища.

— знаешь ли, и ты не совершенен, тоже ошибки совершаешь, хотя она уже начинает меня раздражать своими криками.

И он тоже двинулся к своей лошади.

Нирия долго думала попросить своих освободителей научить ее колдовать, но пока что решила подождать, она итак многое взяла у Максвелла просто так и не хотела быть ему еще более обязанной. В итоге вышло так что проблема решилась сама собой, и поэтому она не стала оспаривать предложение изменить маршрут.

Впереди показалась маленькая деревня. Трое путников уже две недели обходили стороной любое поселение, встречающееся на пути. От окончательной потери направления их спасало только то, что Максвелл с Артом несколько раз уже проходили по этим местам и знали несколько дорог, также Нирия помогала с направлением, ориентируясь по солнцу и звездам, благо в этой части мира созвездия были те же самые что и у нее дома. Но вот этой деревни впереди никто увидеть не ожидал, вдалеке от главного тракта стояло от силы шесть домиков без огней в окнах, не смотря на то что на улице уже было достаточно темно. Троица молча смотрела на деревню.

— деревня заброшена, похоже не устояла под ордынскими набегами.

Нирия смотрела на пустые дома, что-то ее там привлекало.

— пойдем посмотрим, пусть Арт пока начнет готовить ночёвку.

— согласен.

Максвелл с Нирией спешили, Артемий был очень недоволен тем что его с собой не берут. Максвелл решил его подбодрить.

— да будет тебе, мы все расскажем, когда вернёмся.

Арт показал другу неприличный жест.

— и тебя туда же.

Вдвоем они выдвинулись в сторону деревни. За время пути их отношения немного сгладились, Максвелл старался не умничать по пустякам, а Нирия перестала постоянно ему перечить. Только Артемий одинаково не раздражал обоих. На самом деле им обоим даже стала приятна компания второго, хоть они и не признавались себе в этом.

Вход в деревню был уже близко, Нирия двигалась впереди, высматривала людей или их признаки, но никого рядом не было. Она осторожно заглянула за дом, перед которым они спрятались, после чего быстро вернулась обратно.

— там тела на улице лежат.

Максвелл понимающе кивнул.

— значит не заброшена, хочешь взглянуть поближе?

— а ты?

— я уже насмотрелся на тела на фронте.

Нирия снова заглянула за дом, вокруг уже как минимум несколько дней не было никаких людей.

— они достойны того чтобы их похоронили.

В Кхтонии мертвых кремировали, когда в племя приходила смерть, необходимо соблюсти обряд, чтобы воздать последние почести ушедшему из жизни.

— согласен, тогда идём.

Они осторожно вышли из-за дома. Вокруг царила могильная тишина и воняло гнилой плотью. Максвелл наклонился над телом молодого парня.

— прошла всего пара дней, вот этого полоснули по горлу, при чем не с размаху, а медленно, будто с удовольствием. Он подошёл ко второму телу.

— бабушка, ее проткнули быстро, умерла она тоже быстро, мало страдала, время смерти в один день с парнем.

Пока Максвелл осматривал тела, Нирия заглядывала в дома, почти во всех двери были сломаны или выбиты, внутри они не находила ничего, только деревянная и глиняная посуда, никакого металла или запасов провизии в погребах, нападавшие вынесли все подчистую.

Было очевидно, что здесь побывали разбойники. Они убили жителей и забрали все что сумели отыскать ценного. Максвелл тоже закончил осмотр.

— это бандиты, старых убили сразу, над молодыми ещё издевались, я не нашел ни одной женщины, всех забрали с собой, думаю их было две или три, не больше. Нирия смотрела на тела.

— ваш правитель настолько слаб что не в состоянии справиться с шайкой воров?

— нельзя винить во всем только одного человека.

Нирия фыркнула.

— зачем вырезать всю деревню, когда можно месяцами собирать с нее долю?

— это акт устрашения, они запугали все окрестные поселения этим жестом, здесь мало домов, соответственно мало жителей, слишком незначительная потеря, зато эффект того стоит.

Максвелл знал это потому что в трущобах поступали точно также, и продолжал.

— нужно их похоронить.

— сожжем их.

— мы не на вашей земле чтобы их сжигать, мы хороним мертвых в земле.

Нирия наконец оторвала взгляд от тел.

— тогда копай, может к завтрашнему утру и закончишь.

И двинулась в сторону хат в поисках всего что поможет развести костер.

Максвелл посмотрел ей в след.

"Вечно она торопится"

Он выбрал место поприличнее, направил энергию под землю. Затем открыл канал и под ногами что-то взорвалось, вокруг посыпалась земля. Нирия резко выбежала на улицу.

— ты что творишь?!

Рядом с Максвеллом зияла большая яма. Он повернул голову в ее сторону.

— копаю.

— а для паладинов ты так не мог?

— на паладинах я использовал всю силу что была на тебе.

Они скинули тела, затем закопали, Максвелл сказал пару слов над усопшими, после чего они вдвоем отправились на поиски Артемия. Настроение у обоих было подавленное, Нирия даже не ужинала, до сих пор она думала, что Империя вырезает целые поселения только у нее на родине, однако сегодняшние события показали, что проблем внутри страны хватает. Максвелл же ел без проблем, он рассказывал своему другу что они обнаружили.

Первой в дозор сегодня заступала Нирия, из ее головы никак не выходили слова Максвелла.

"Его резали медленно, словно наслаждаясь процессом"

Она размышляла, откуда в людях столько жестокости, у нее на родине тоже были такие люди, но, чтобы вырезали целые деревни, вестей не было никогда, по крайней мере среди

своих. Нирия нашла место поскромнее, села, прислонившись спиной к стволу дерева, и закрыла глаза.

"По крайней мере ветер в лесу везде шумит одинаково"

Оставшееся время она молча слушала окружающее пространство пока не наступило время меняться. Девушка выбралась из своего убежища и двинулась к ночлегу, где тихо разбудила Артемия. Когда она уже засыпала в спальнике то краем глаза увидела, как тот ловко лезет на дерево.

"Какие же истории ты мог нам рассказать Арт?"

Артемий лежал на толстой ветке древнего дуба, нагретая телом кора почему-то была сейчас ему удобнее холодной земли. Внизу спали его друзья, Максвелл лежал спокойно, а Нирия постоянно ворочалась. Ночь стояла темная, облака затянули все небо и звёзды не освещали местность, поэтому оставалось только лежать и слушать, кто там бродит в темноте.

Но вот среди обычных лесных звуков послышались чьи-то шаги. Арт поднял голову чтобы посмотреть кто это там шагает в такой час. Он тихо присел на корточки и принялся пристально всматриваться в окружающую темноту. Ничего не было видно, если это крадётся враг, то единственное преимущество Артемия, это внезапность, он так же невидим для врага, как и он для него. Вот на поляну вышли четыре фигуры, они медленно крались к спящим путникам. Артемий достал свои кинжалы и приготовился бросать слепящую бомбу, его друзья конечно потом будут поносить его последними обзывательствами, зато будут живы. Он уже примерялся к броску, как из-за кустов вновь появились фигуры, ещё четверо, итого восемь противников. Бомба могла оглушить всех и, пока они не разбегутся, Артемий мог прикончить троих, однако теперь их стало слишком много, его друзья не смогут сражаться, а без ослепления сражаться в одиночку было глупо. Оставалось ждать нужного момента.

Фигуры начали рассматривать своих жертв, их внимание привлекло кольцо на пальце у Максвелла, сразу трое подошли к нему чтобы его рассмотреть. Артемий боялся, что их убьют прямо во сне, однако, когда грабители увидели кольцо, их тактика изменилась, четверо обступили со всех сторон Нирию, а другие четверо приготовились снимать с Максвелла кольцо, когда все были готовы, один поднял руку, видимо главный, и принялся отсчитывать начало. Три... Два... Один...

Нирию принялись медленно, чтобы та не проснулась, связывать, а с Максвелла стягивать кольцо. Артемий выжидал, он ужасно сильно хотел слезть чтобы спасти своих друзей, но понимал, что его просто возьмут числом, а друзей убьют, нужно ждать. Тем временем кольцо уже было снято, а ноги Нирии уже опоясывала крепкая веревка. Это были опытные люди, она даже не проснулась.

Арт все сидел на дереве и наблюдал, теперь он был уверен, что его друзей не убьют, раз уж начали вязать. Когда на лица им стали завязывать кляпы Нирия проснулась. Она резко вывернулась, но быстро поняла, что связана, а когда поняла, то почему-то резко перестала извиваться, даже не попыталась никого ударить, Артемий был растерян, видимо постоянно нападет она только на Максвелла. Тот в свою очередь проснулся только когда кляп уже был у него во рту. Наконец разбойники начали разговаривать.

— какой улов! Вельможа и его шлюха, чисто сработали парни, берите пожитки и тащите их в лагерь.

Гробовое молчание сменилось радостными воплями, бандиты зажгли факелы и Арт наконец смог их разглядеть. Шестеро мужчин и две женщины, большая редкость в бандитских кланах, они должны быть самыми опасными членами банды чтобы не быть постоянными игрушками для остальных. Разбойники быстро собрали все вещи, которые нашли и водрузили все на лошадей, на них же ничком положили и двух пленников.

— эй старшой, кобылы то три, зачем им три кобылы?

Низким голосом ответил старший.

— запасная видимо, мы уже обшарили всю местность, никого нет кроме этих обывателей.

Артемий хорошо запомнил внешность главара, грызня за власть у таких обществ всегда стоит нешуточная, если убрать главного авторитета можно посеять немалую смуту среди рядов врага.

Разбойники запрягли лошадей и двинулись в сторону своей стоянки. Артемий, разумеется, последовал за ними, в такую темную ночь свет факелов был виден очень далеко, а сами бандиты напротив, привыкшие к свету ничего не видят в темноте. Видимо чувствуют себя полноправными хозяевами на своей территории раз настолько ничего не боятся.словно ночной дух, его белая маска следовала за обидчиками по пятам, он мог прирезать их всех одного за другим пока они шли, начиная с самых задних, но тогда он и его друзья не узнают где же их стоянка, а судя по рассказам Максвелла там могут быть ещё пленные, которых необходимо спасти.

Максвелл лежал на лошади и прислушивался к разговорам разбойников.

— хорош новичок, малой их ещё пол дня назад увидел, догадался сначала их стоянку выследить, а потом уже до нас побежал, ещё и маг этот, если бы мы не знали кто он, то как минимум двоих бы там и оставили, кстати не хочешь сегодня уединиться под вековым дубом? Оставить память, так сказать.

Второй говорящей была женщина.

— вы сегодня все с той бабой уединяться будете после атамана, она то тебе ничего не отрежет.

Голос первого стал чуть тоньше, видимо, к нему приставили нож, Максвелл этого не видел.

— ладно, понял, могла бы просто сказать.

Он попытался повернуть голову так чтобы рассмотреть Нирию, разумеется он знал, что когда пленница попадает к бандитам, то первая очередь стоит за Атаманом, а дальше для нее творится настоящий ад. В деревнях ему рассказывали истории что некоторые отцы убивали сначала своих дочерей, чтобы те не доставались ордынским ханам, а после сами падали на нож, потому что не могли вынести горя. Сейчас ему было больше жалко Нирию, чем себя. Максвелл поймал себя на мысли, что его собственная смерть вызывает гораздо меньше эмоций, чем смерть его подруги.

Неожиданно света стало в разы больше, наконец они пришли к стоянке бандитов. Когда отряд приблизился к остальным членам банды послышались одобрительные возгласы.

Максвелл был бы рад посчитать сколько здесь вообще человек, но никак не мог поднять голову, чувствовался запах алкоголя и жаренного мяса.

“Откуда у них мясо? Может это та самая помощь о которой говорил староста?”

Наконец лошади остановились, его сняли и небрежно усадили на землю, руки за спиной привязали к деревянному колу, вбитому в землю. Теперь Максвелл мог оглядеться вокруг. Они находились в ещё одной деревне, немного покрупнее чем прошлая, внутри домов и на улице горели костры, вокруг домов был построен высокий деревянный забор с большими воротами, через которые их и провезли. Сам он сидел спиной к одному из домов, а напротив стоял ещё один дом, вот только этот отличался от остальных, крыша у него была намного целее чем на прочих, также глаз цепляло наличие двери. Именно в этот дом один из членов банды понес связанную Нирию.

"Черт Арт, хватит голубей ловить, давай бегом сюда"

Максвелл стал оглядываться, рядом с ним был также привязан ещё один пленник. Среднего возраста человек в бежевом балахоне. Бандиты оставили пленников без внимания, видимо были уже уставшие и хотели отложить все разговоры на завтра. Максвелл позвал человека.

— эй! Ты живой?

Человек медленно поднял голову и посмотрел на нового собрата по несчастью.

— живой.

— ты кто такой? Долго здесь уже?

— да вот уже месяц меня за собой таскают, лечить заставляют, целитель я императорский.

— не повезло тебе целитель, как ты здесь мог оказаться?

— также как и ты, путешествовал, нес свет Аудреналь в каждый уголок мира.

— понятно, выбраться хочешь?

— если бы мог, то выбрался.

— сможешь, нужно только подождать.

Нирию, словно мешок, положили на деревянную лавку у двери, внутри дома была только одна комната, в центре которой стояла широкая кровать, на которой лежал на боку и курил трубку усатый мужчина в халате. Принесший ее бандит заговорил первый.

— поймали вельможу и его бабу.

Он достал из кармана кольцо и показал его главарю.

— вот, это его кольцо, сняли пока спал.

Он отдал украшение атаману. Кольцо вызвало немалый интерес у главаря, он начал пристально его разглядывать.

— что ещё?

— три лошади, добротный клинок, а дальше по мелочи, у вельможи ничего кроме кольца не нашли, прячет где-то, утром будет выбивать.

Атаман кивнул.

— понятно, сейчас давай людям отбой, завтра будем решать, а сейчас пошел вон.

Его взгляд упал на связанную Нирию. Бандит молча вышел и оставил ее со своим главарем наедине. Он положил трубку с кольцом на тумбочку рядом с кроватью, поднялся с кровати и двинулся к ней.

— вот уже не ожидал такого подарка сегодня ночью.

Он взял ее за подбородок и поднял голову, взглянув прямо в глаза. Нирия смотрела на

него без страха, но с пылающей ненавистью внутри. Пока она не знала, как будет выпутываться из этой ситуации.

— ты меня не боишься, я уже такое видел, ты ещё не до конца осознала, что тебя ждет, твой разум всё ещё цепляется за надежду, что ты контролируешь свою жизнь, посмотрим, как ты будешь на меня смотреть этим утром.

Он взял ее на руки, потом отнес на кровать и кинул. Снял с себя халат.

— утром же ты и расскажешь мне все что знаешь о своем друге.

Он не развязывал ее и не стягивал кляп. Будь у нее свободны хотя бы ноги, она сломала бы этой твари шею, но время шло, и она оставалась все в том же беззащитном положении. Между тем главарь продолжал, она впервые была так близка к мужчине, даже в рабстве к ней боялись приближаться стражники, большинство из тех, кто пытался, она искалечила, вот только настолько сильно она никогда не была связана. Действия бандита становились все наглее.

В душе Нирии начал просыпаться страх, и не просто страх, этот страх способен был вырасти в нечто большее.

"Не паникуй, пока ещё ничего страшного не произошло, я лишь слабая жена вельможи"

Разбойник наконец снова поднял глаза.

— вижу ты начала осознавать во что вляпалась, а я ещё только разогреваюсь.

Он взял с тумбочки нож и разрезал путы на ногах, после чего приставил лезвие к ее шее.

— только попробуй двинуться.

Он начал ее раздевать. Нирия не двигалась, лезвие слишком плотно давило на ее шею. Она поняла, что начинает дрожать, сейчас случится нечто непоправимое.

"Да чем же я заслужила все это?!"

— под одеждой ты казалась полнее.

Дверь за его спиной негромко хлопнула. Краем глаза Нирия уловила лёгкое движение. Главарь зарычал и обернулся.

— я же сказал, пошел вон пока не прирезал.

Нож все также давил ей на шею. Однако сзади никого не оказалось.

— видимо сквозняк, извини дорогая, так на чем это я...

“Уж лучше я умру прямо тут”

Она рискнула, пнула его в живот схватив связанными руками за нож, но противник не был обычным солдатом. Атаман без проблем принял удар, после чего ударил свою жертву свободной рукой по лицу.

— лежать сука!

Но она не унималась, отчаянно пытаясь попасть по самым больным точкам на его теле, и все ее удары будто разбивались о скалу, этот человек не оставлял открытыми свои слабые точки, он умел драться. Из тьмы на его руку обрушилось темное пятно, нож моментально был выбит из крепкой руки атамана, а сам он уже лежал на полу, придавленный темной фигурой в белой маске. Арт одной рукой зажимал ему рот, а другой медленно вводил острие своего кинжала ему в тело. Главарь пытался кричать, спихивать незваного гостя с себя, но арт крепко сжимал его, когда лезвие вошло полностью он его вынул, нащупал другое место, и вновь начал вводить свое оружие в тело врага, он точно знал куда и как нужно колоть, чтобы противник не умер сразу. Бандит иступлённо бился в объятиях своей смерти, но ничего не мог сделать. Наконец клинок вновь вошёл в тело, теперь Арт начал ждать, силы постепенно покидали противника, все тише становились приглушённые вопли, и все больше

растекалась лужа крови под ним. Когда же тело стало немного тяжелее Арт отбросил противника на пол, встал и вытер об простыню кинжал, после чего тот вновь исчез среди одежд. Он кинул взгляд на Нирию. Она сидела, свернувшись калачиком и смотрела на мертвое тело. Артемий оглядел постель, он не знал успел ли вовремя или нет. Он взял простыню и накрыл ею девушку, затем сел рядом на кровать и по-отцовски ее обнял. Нирия разрыдалась у него на руках, казалось сил больше нет, отец говорил, что каждому дано то что он может вынести, но как после такого она могла ему поверить? Если бы Артемий хоть на минуту задержался, как она могла и дальше выносить все то что происходит вокруг? Так они и сидели пока она не успокоилась.

— ладно Артемий, дай я оденусь, у него тут где-то кольцо Максвелла было.

Артемий нашел кольцо и осторожно вышел за дверь, предварительно выглянув в окно. Большинство бандитов уже спали.

Максвелл не моргая смотрел на дом напротив, с того момента как его друг проскользнул туда прошло уже достаточное количество времени. Он уже начинал волноваться. Но вот наконец Артемий выскользнул из дома и, прижимаясь к стене, двинулся к пленникам, благо в этой части деревни не было факелов, он подошёл к пленникам и спрятался за них. Максвелл почувствовал, как кровь вновь начала приливать к кистям, когда веревки, перерезанные его другом, спали с рук. Артемий вручил ему кольцо.

— что с Нирией, ты успел ее спасти?

Артемий показал жест, который означал и да и нет.

— понял, я насчитал что-то около двадцати голов, отведи этого человека и не давай ей подойти, я сам разберусь.

Артемий сухо кивнул, когда отвязывал второго пленника тот начал упираться.

— что значит разберёшься? Они тебя убьют глазом моргнуть не успеешь, беги с нами, вместе у нас есть шансы выбраться.

Но Максвелл уже не стал его слушать, он встал и, не прячась, в полный рост пошел в сторону нескольких сидящих у костров бандитов, был слышен их разговор.

— как думаешь, богатый этот мужик, которого только что притащили?

— думаю нет, у него только кольцо нашли, да и меч знатный, его себе старшой уже захапал, а ты девку его видел?

— видел, знатно сложена, не чета деревенским, эта с характером, сразу видно, ну да после атамана весь характер из нее сам выйдет, как у той рыжей, помнишь ее?

— помню, она мне всю харю расцарапала пока на плече нес ее.

— потому что баран ты, стукнул бы и все, зато какая она потом смиренная была, да и из семьи богатой, неделю потом кутили без продыху.

Дальше разговор зашёл в тупик. Второму говорящему разнесло голову красным барьером Максвелла. Живой бандит вскочил, не зная, что делать, как увидел фигуру в темном балахоне, мирно идущую в его сторону. Он услышал спокойный голос.

— буди своих друзей.

У разбойника подкосились ноги, но он побежал исполнять приказание. Максвелл тем временем продолжил идти к воротам. Когда подошёл, он их закрыл, магией загнув засов так, чтобы никто его не открыл, затем развернулся спиной к выходу. Практически все члены банды были уже на ногах, в их руках сверкали мечи, ножи, луки, у нескольких он увидел даже ружья. Всего их было человек двадцать, как и посчитал. Стояла громкая ругань, они кричали на него, угрожали, требовали сдаться без крови чтобы быстро умереть. Максвелл

прокричал.

— это вы вырезали деревню?

Ответом ему был смех.

— ты себя кем возомнил идиот? Давай ложись мордой в грязь и не рыпайся пока резать тебя будем.

— да плевать мне на вас, ответьте на вопрос.

Кольцо у него на руке светилось фиолетовым светом, Максвелл не успокаивал себя тем, что среди них нет магов, наоборот, он готовился к худшему, а худшим было то что катализаторами здесь владеют все без исключения.

— закрой рот, тебе уже сказано, что делать.

В сторону Максвелла полетели первые магические заряды, которые разбились о его барьер.

"Настало твое время"

Максвелл поднял кольцо, и перед ним вспыхнула ярко красная вспышка, в воздухе прогремели несколько выстрелов, но ослеплённые резким светом стрелки не попали в цель. Бандиты начали отходить назад, на их глазах происходило нечто невозможное, из красного сияния гордо поднял свою голову кровавый дракон, и оглушительный вой пролетел над кронами деревьев. Его красная чешуя отражала на себе блики костров и факелов, а из пасти, также, как и глаз, струился кроваво-красный свет. Максвелл смотрел на свое детище.

Древний змей без прелюдий ворвался в толпу растерявшихся бандитов, его острые когти рвали, в его челюстях ломались человеческие тела, а вражеская магия и клинки не могли нанести на его чешуе ни одной царапины.словно бог войны, этот древний зверь сражался за своего хозяина.

Максвелл молча наблюдал за этой бойней, вот пара человек сумели проскочить мимо зверя и в панике кинулись к воротам, но не смогли открыть. Он смотрел на их отчаянные попытки выбраться. На миг он засомневался.

"Может стоит из отпустить?"

Но потом перед глазами проплыли истерзанные тела в мертвой деревне.

"Нет, скольких они убили помимо той деревушки, теперь настал из черед."

Максвелл метнул в одного из убежавших снаряд, тот угодил точно в голову бандиту, отчего тот моментально отошёл в мир иной. Второй разбойник, это была женщина, наконец обратила на него внимание, глаза ее были полны страха, но когда она увидела его то сразу перешёл в ярость.

— ты ублюдок! Ты всех убил!

Она бросила в сторону Максвелла магический хлыст. Он создал синий столб прямо напротив себя и хлыст остановился, обмотавшись вокруг столба. Почему-то ему вспомнился урок из академии.

— создавая магические барьеры, мы невольно придаем им свойства, взятые из своего разума, мы знаем, как падает бумага, поэтому создавая кинетическую бумагу, она будет падать точно также как и настоящая, вот только скорость ее падения будет взята из вашей головы, а не придана барьеру физическими законами.

Максвелл ухмыльнулся.

"Это барьер, а не настоящий хлыст"

Он разрушил столб и выпустил в противницу красную стрелу, перед ней возник синий щит, однако в последний момент Максвелл изменил ее траекторию. Стрела зашла за спину врагу и вонзилась ей в спину, перебив позвоночник. Разбойница вскрикнула от невыносимой боли. Максвелл метнул вторую стрелу и раздробил череп противнице. Затем повернул голову в сторону дракона. Тот в своем буйстве подошёл уже слишком близко к пленникам, давя под собой растерзанные тела. Максвелл начал возвращать своего питомца обратно. Вот только у него не получалось.

— да чтоб тебя, тупое животное.

Он побежал к дракону, все дома горели, дракон драл какого-то бедолагу. Максвелл накинул на своего зверя магический ошейник и потянул к себе.

— пора возвращаться!

Тут дракон обратил на него внимания, казалось бы, он должен быть верен своему хозяину, но приближался он к нему явно не с благими намерениями. Максвелл выставил перед собой кольцо.

"Так, нужно сосредоточиться."

Дракон начал разбег, вот он уже прыгнул в своем яростном забвении чтобы разорвать очередную помеху на его пути, но Максвелл смог взять себя в руки. Тело зверя испарилось и на Максвелла вместо острых клыков налетел только слабый ветерок.

Все было кончено, зарево пожара озаряло лес вокруг на много километров, вся деревня была разрушена. Разорванные тела валялись по всей земле, в воздухе летал осязаемый запах крови. Максвелл с тоской взглянул на свое кольцо.

"Ты ведь знал, что так будет, зачем теперь горевать"

Среди треска пламени отчетливо слышен стон, это был умирающий бандит, он не мог поверить в отсутствие своих ног, поэтому просто, совершенно без эмоций, глядел на культю, зажимая кровоточащий бок. Но вот кто-то закрыл собой свет пламени, и ноги скрылись в его тени. Умирающий поднял взгляд, перед ним возвышалась абсолютно черная, на фоне рвущегося пламени, фигура, длинная накидка спадала прямо до земли, а в глазах, на спрятанном во тьме лице, плясали отблески пламени. Через пару мгновений бандит умер от потери крови. Максвелл увидел клинок и лук Нирии, лежащие рядом с телом. Он поднял их из лужи крови и пошел в сторону ожидавших его друзей, совершенно не думая о смерти, свидетелем которой он сейчас стал.

Артемий вместе с Нирией и ещё одним пленником прятались за домом. Они выглянули только тогда, когда рев дракона перестал быть слышен. Нирия первая отважилась выйти, когда появился дракон она была в ужасе. Размером с дом тварь, которая без разбору принялась убивать и крушить, ревела громче боевого рога. Она не знала, что делать, ноги отказывались подчиняться, она хотела бежать, но стояла и смотрела на тот ужас что творится снизу. И сейчас, когда на месте, где только что бушевал дракон, по растерзанным в озере крови телам шел Максвелл, неся в руках ее оружие, она испытала страх к этому человеку, до сих пор он казался ей простым зазнайкой, обычным представителем империи с манией помощи каждому человеку на всем свете. Но теперь все изменилось, теперь она будет смотреть на него совсем по-другому.

Максвелл подошёл и вручил ей окровавленный кровавый меч.

— больше не теряй, нужно отсюда выбираться пока огонь не добрался до нас.

Он магией выдрал пару бревен из забора, и они пролезли в возникшую щель. После четверо беглецов долго шли по лесу пока дорогу им не перегородила река. Только теперь они позволили себе передохнуть. Лошадей не было, они все сбежали во время ада, да и припасов тоже больше не было. Максвелл освещал местность своим кольцом. Он заговорил первым.

— скоро рассвет, предлагаю весь день отдать поиску пропитания, прежде чем двинуться дальше. Нирия его поддержала.

— согласна, вода тут есть, нужно набрать еды, но сначала немного отдохнем.

Разговор не клеился, новый человек в их команде угрюмо молчал. Максвелл заметил на шее у Нирии порез. Он потянул к ней руку чтобы осмотреть рану, но она отшатнулась от него.

— это мелочь, Артемий сработал как надо.

— из-за этой мелочи ты можешь умереть если кровь заразится.

Тут целитель поднял голову.

— вы многое знаете о врачевании?

Максвелл не ответил, он осматривал царапину, которую Нирия все же согласилась показать. Молчание затянулось и ответить решила она.

— он настоящий целитель, лечит всех, кого встречает по пути.

Мужчина не отводил взгляда от Максвелла.

— целитель?

— она преувеличивает, меня отчислили на последнем курсе Имперской академии созидания, я не смог стать высшим целителем.

Тот опустил взгляд.

— не смей называть себя целителем, ты мало чем отличается от тех бандитов которых убил, мы проповедуем терпимость, мы отдадим свою жизнь ради жизни других, а ты позоришь моих братьев своим существованием, может и к лучшему то что ты не стал одним из нас.

Максвелл не реагировал, он закончил обрабатывать рану и золотой свет вновь сменился фиолетовым.

— если бы не он ты бы до сих пор сидел бы привязанный и стонал как побитая собака.

Нирию разозлили слова этого неблагодарного старика, они ведь его спасли, но ещё больше ее раздосадовало бездействие Максвелла.

— не нужно отвечать за меня Нирия, он прав, я не достоин называться целителем, по правде говоря, я им никогда и не назывался, и я не отрицаю своей темной природы, но все же пока я могу принести хоть немного справедливости в этот жестокий мир я буду это делать, люди могут говорить что хотят, кому я смогу помочь, тому и буду помогать, так или иначе.

Старик поднялся со своего места.

— в тех домах, которые разнёс твой зверь было две женщины, они уже два дня томились в плену пока ты их не убил, и я не желаю находиться ни одной лишней минуты в обществе убийцы.

Он развернулся и двинулся на юг, подальше от горящего лагеря. Никто не просил его остаться. Нирия посмотрела на Максвелла, нельзя было позволять этому человеку вот так уходить, он про них расскажет. Но вид ее друга вдруг показался ей очень уязвимым, обычно

прямая осанка сменилась лёгкой сутулостью, он смотрел вслед удаляющемуся человеку.

— Максвелл?

Он не реагировал.

— Максвелл!

Она проснулась к его руке.

— ты не мог этого знать.

Он не реагировал, только молча встал и пошел в сторону шумящей реки. Она уже хотела пойти за ним, но ее остановил Артемий, он помотал головой.

— нельзя его сейчас оставлять.

Но Арт был непреклонен, он крепко держал ее. В конце концов она сдалась. С уходом Максвелла стало совсем темно. Даже маска Артемия совсем не отражала свет.

— спасибо, ты спас меня, уже дважды, знаешь, что это было?

Арт кивнул.

— это сделал он?

И снова кивок.

— это тоже магия? Я никогда не слышала о подобной силе.

Арт начал, активно жестикулируя, тщетно пытаться что-то ей втолковать.

— я не понимаю тебя, да и не вижу толком, только твою голову как-то улавливаю, Максвелл не рассказывает, что под ней, не хочешь мне показать?

Арт вдруг отвернулся, затем нашел место поуютнее и лег там.

— видимо нет.

Смотря на Артемия, она тоже подумала, что неплохо было бы вздремнуть, легла спиной к шуту, вот только сон все никак не приходил. Нервы были расшатаны, а ещё она думала о Максвелле. В конце концов ей надоело ворочаться. Нирия встала и пошла в сторону реки, прихватив свое оружие. Течение здесь было бурное, рев воды оглушал, вытесняя все лишние мысли. Нирия осторожно спустилась к берегу и принялась отмывать свои вещи. Облака немного расступились, и лунный свет заиграл на поверхностях воды искрами разлетаясь в бесчисленных брызгах, порожденных беспокойным течением. Она увидела, что Максвелл сидит совсем рядом, проклятая темнота совсем не позволяла ничего усмотреть. Он держал кольцо в руке и смотрел на пробегающую мимо воду.

Нирия подошла к нему, молча села рядом и тоже принялась смотреть на воду. Речка была горная и от воды веяло прохладой.

— ты ведь не знал, что у них есть ещё пленники.

— я догадывался, но от этого не легче.

Нирия не знала, что сказать.

— расскажи мне про Артемия.

— он шут, и убийца, что тут ещё говорить.

— как вы познакомились?

— я подобрал его полумертвого на свалке в столице, вылечил, а после он увязался за мной, просто ходил и все, вот и познакомились, я дал ему имя, сначала он обвязывал голову тканью, но потом вырезал маску, так в ней и ходит.

— и сколько вы уже так?

— пять лет, я уже даже не представляю путешествий без него.

Нирия задумалась, пять лет...

— а сколько тебе сейчас?

— на твой век хватит.

Нирия улыбнулась, снова он начал нелепо шутить.

— ну так сколько?

— мне 24.

— я думала больше.

Она облокотилась на него.

— прошлого не вернешь, твои же слова.

Максвелл одел на палец кольцо.

— мои, тебе холодно?

Нирия спохватилась и резко выпрямилась.

— нет.

Она встала и отряхнулась.

— но все же тут легко простудиться, не засиживайся.

И направилась в лес на поиски Артемия. Максвелл ещё немного времени провел на берегу.

На следующее утро было решено, что возвращаться за своими вещами не имело смысла, более того, если за ними всё ещё велась погоня, то убежавшие клейменные лошади и их вещи, частично сгоревшие до тла, могли навести преследователей, если они были, на мысль что все они мертвы. Со сбежавшим целителем поделаться уже ничего было нельзя. Путники двинулись на восток, все хотели уйти подальше от пепелища.

— что ты там сотворил?

Максвелл не стал ничего скрывать.

— это был мой зверь души, только берсерки владеют этим видом волшебства, по их мнению, люди, это те же звери, только проклятые, наделённые осознанием себя, а зверь, которого призывает маг, является тем самым животным, которое было проклято, когда душа прилетала в этот мир.

Нирия задумалась.

— в наших верованиях люди, те же души что и звери, но наш разум, это дар Делай-ша-Леккоя, а не проклятие, который вылавливает из реки жизни мертвых существ и отправляет их обратно в наш мир.

— в чем-то вы и правда похожи, ещё берсерки, лучшие воины континента, они никогда не выходят из своих владений, а зашедшие в лес никогда не возвращаются чтобы рассказать о них, но я жил среди них целую зиму вместе с Артом, ты им понравишься.

— расскажи подробнее как ты оказался в их лесу.

— мне посчастливилось спасти их ребенка, мальчик лет 6 решил что уже достаточно взрослый чтобы выйти из леса, набрёл на деревню, местные хотели его там же и убить, в отместку за всех охотников что сгинули в тех лесах, по воле случая в той деревне находились мы с Артом, вот и спасли пацана, в поле его не оставишь пришлось нести в лес, я хотел оставить его на опушке и уйти, однако когда я уже отпускал пацана нас повязали и понесли в лагерь, потом все как-то само завертелось, в благодарность за спасение нам сохранили жизни, а так как пока они решали убить нас или нет прошел первый снег и завалил все проходы мы там же и остались, вот так все просто.

— а ты не думаешь, что я стану сильнее тебя? А потом решу, что ты мне не нужен чтобы избавиться от ошейника?

— более того, я знаю, что ты станешь сильнее, у тебя есть то чего нет у меня.

— например лук.

— и это тоже.

Тут Нирия спохватилась.

— а где мой камень? Бандиты же должны были тебя обыскать.

Максвелл засунул руку куда-то глубоко под одежду и извлёк белый камень.

— не спрашивай в какой дыре я его прятал, они были уставшими и плохо искали.

Он засунул камень обратно. Нирия вздохнула с облегчением.

— если продолжим идти в том же темпе что и раньше достигнем цели через десять дней, надеюсь, больше сюрпризов не будет.

Максвелл бежал по улицам Среднего города, не обращая внимания на окрики, он врезался в пару человек, извинялся и продолжал бежать. Миновав площадь Константина Великого, он выбежал на главный проспект, с которого тут же влился в ближайший проулок, благо здесь можно было не бояться получить нож под ребро на каждой хоть немного закрытой улочке. Совершенно не вовремя под ноги ему попался здоровенный камень и, пролетев приличное расстояние, он остановился носом прямо о роскошные босоножки милой дамы, ожидавшей своего кавалера.

— какое варварство, вижу вам не в первой носом землю ковырять.

Максвелл с виноватой улыбкой поднялся с мостовой.

— привет Филь, прошу заметить, что у моего опоздания есть очень веская причина.

— боюсь, что какой бы ни была эта причина она не сможет простить вам вашу грубость.

И она протянула ему свою руку. Максвелл поднялся с мостовой после чего отряхнулся.

— вы правы миледи позвольте мне заглазить свою вину.

Он поцеловал протянутую ему прекрасную дамскую ручку, однако этого ему показалось мало, и он протянул к себе девушку и поцеловал уже в губы. Та не сопротивлялась, она растаяла в его объятиях. На узкой улочке послышались шаги, и молодые люди нехотя отступили друг от друга.

— так почему ты опоздал?

— я вспомнил только на мосту, что забыл кошелек дома, пришлось возвращаться.

Это была правда лишь отчасти, офицер на проходной запросил за проход больше чем обычно, поэтому Максвеллу пришлось возвратиться, попутно сообщив о наглom легионере людям Дрына, больше этот зазнайка не будет повышать цену.

— ты слишком забывчив для лучшего студента своего курса.

— думаю о великом.

Он взял свою спутницу за руку.

— идём в "Три кабана"?

— там совершенно невоспитанные официанты!

— и лучшее мясо в столице.

— заказывать будешь ты.

И он повел ее по красивым и стройным улочкам среднего города. В академии им приходилось скрывать свои связи, безродный Максвелл был там постоянным объектом насмешек для высшей знати, и даже аристократов менее возвышенных домов, к которым принадлежала и Филоменна, которые отказывались считать его за равного.

— мой отец желает с тобой познакомиться.

— зря ты ему рассказала.

— тогда бы уже была обручена с каким-нибудь сыном третьего брата друга гвардейца императора, а так я выиграла время до выпуска.

— ты сказала ему кто я?

— нет.

— видать он был в ярости, аристократы слишком заботятся о своей, репутации, иметь кавалера без согласия родителей, да ещё и открыто об этом им заявлять, я смотрю, вы не из пугливых, юная мадам.

— мы ближе к народу чем к аристократии, наш род, это простые торговцы, родовое имение даже близко не стояло к столице, отец попросил меня не распространяться только и всего.

Максвелл задумался.

— до выпуска ещё два месяца, будет лучше если я сначала получу титул, а после пойдём к твоим родителям.

Поступившим по программе бесплатного обучения и проявляющим немалые успехи в учебе даровались дворянские титулы, для этого необходим был высокий процент среднего балла на протяжении всего обучения и научная работа, признанная академическим советом на выпуске, все это у Максвелла имелось. Филоменна, казалось, засияла от счастья, хоть и пыталась это скрыть.

— хорошая идея, уже придумал себе фамилию?

— Клинквуд, я думаю хорошо звучит.

— звучит как название деревни.

— ох простите госпожа Капсоль, мы, люди второго сорта, ограничены в своей фантазии, свинские условия, в которых мы живём дурно на нас влияют.

— ты прекрасно понял, что я имею ввиду, у меня есть редкая возможность выбрать себе будущую фамилию, и я не хочу менять свою фасоль на деревню, я сама выберу тебе фамилию.

Максвелл не стал спорить, с фантазией у него и правда были нелады. Он обсуждал титул с сестрой, но там та же история. Наконец они пришли к месту назначения, над входом высилась огромная свиная голова. Филоменна брезгливо сморщилась.

— ты похоже решил испортить мое отношение к тебе, что это за уродство?

— не суди о книге по обложке.

Он ввел ее в это достойное заведение, зал был полон, слышались громкие и веселые разговоры, аппетитно пахло жареным мясом. Максвелл подозвал официанта.

— у нас бронь.

Паренёк кивнул и провел пару через зал к столику в углу.

Филоменна не выражала никаких эмоций. Максвелла это позабавило.

— чего ты погрустнела, подумаешь, пару сотен кило сегодня наберёшь, поверь, здешнее мясо того стоит.

— если меня тут увидят...

— никто тебя не увидит, это заведение для простых людей, расслабься и получай удовольствие.

К ним подошёл официант.

— чего будете?

Филоменна даже не повернула головы. Ответил Максвелл.

— неси рёбрышек и шею под острым соусом, ещё два пива... вернее одно пиво и соку для дамы.

Официант отправился выполнять заказ.

— говорила же, официантам тут стоит поучиться манерам.

— поверь, манеры — это последнее, о чем думают все эти люди.

Вокруг стоял нестихающий гвалт. Простые рабочие смеялись, рассказывали друг другу веселые случаи, в зале даже было видно еще несколько парочек, разумеется, не таких элегантных как наша.

Официант вернулся с заказом, теперь на столе стояли тарелки с мясом на палочке и ребрышками, а также две миски с мыльным раствором. Филоменна была озадачена.

— а столовые приборы?

Максвелл ехидно ухмелнулся, когда принялся обмакивать руки в воде.

— ты издеваешься?!

— нет.

— за что ты меня наказываешь?

— помнишь мы играли на фестивале в "Попади в зайчика" на желание? Вот мое желание, ешь.

Филоменна с каменным лицом после небольшой задержки принялась мыть руки.

— ты козел.

— фу, как такая воспитанная дама может говорить такие гадости! придется целую неделю в храме отмаливаться.

Спустя полчаса трапеза была закончена, пара наслаждалась приятным послевкусием и теплой сытостью на своих местах. Максвелл спросил.

— ну как? Стоило это того чтобы на пару минут отказаться от ваших сухих манер?

Филоменна взглянула на свои покрытые жиром пальцы.

— теперь я месяц буду питаться только морковкой, но да, это того стоило.

Максвелл улыбнулся, она ответила ему тем же. Входная дверь вновь отворилась, внутрь вошли трое молодых людей, сначала никто не поворачивал голов, однако постепенно гул стих. Обшитые имперским золотом манжеты никак не вписывались в местную обстановку, у каждого на груди был вышит герб его рода. Трое новичков прошли к свободному столику, каждое их движение было наполнено дворянским достоинством, а глаза пренебрежительно скользили мимо присутствующих. Максвелл, который сидел лицом ко входу первым увидел эту троицу, хорошее настроение быстро улетучилось, ему на смену пришло негодование и немного страха.

"Зачем этим петухи сюда припёрлись, ещё и именно сейчас"

Филоменна, заметив смену настроения своего партнера обернулась, после чего мигом повернулась обратно.

— ты сказал, что тут не бывает аристократии!

— я знаю, что я сказал, да тут со дня открытия ни единого богача не обитало! Я и представить себе не мог что они сюда придут.

Один из них узнал Максвелла.

— сиди тут.

Он встал из-за стола и направился к старым знакомым.

— приятного дня вам господа, имею наглость поинтересоваться, что могло привести

столь знатных господ в подобное заведение?

Самый высокий и, по совместительству, самый главный из трёх с высока смотрел на склонившего голову Максвелла. Это был Люциан Докрэн, представитель так называемой высшей аристократии. Восемь самых приближенных к самому императору семей входящих в правящий совет имели абсолютную власть в империи, он же и ответил.

— Валериан имел неосторожность утверждать, будто в этом притоне готовят лучше, чем самые изысканные повара ресторанов высшего города, вот мы и пришли развеять это заблуждение.

Максвелл не поднимал головы, "пока обратного не разрешит вышестоящий по роду благородный человек обязан младший, склонив голову, внимать речам его святейшества" как гласил свод законов империи. Люциан заметил спутницу Максвелла. Он, не обращая внимания на склонившего головы прошел к столику в углу.

— леди Капсоль, вот так сюрприз встретить вас здесь, вижу вы уже оценили достоинства местной кухни.

Филоменна закончила в панике платком оттирать жирные пальцы. От стыда она покраснела, начала выбираться из-за стола чтобы поприветствовать лёгким реверансом достойного дворянина, но зацепилась платьем за стул из-за чего ещё больше раскраснелась и в итоге выдала что-то вроде сдавленного выдоха.

— вижу слухи не ввали про некую связь между вами и этим недотепой, однако я очень удивлен тому, что увидел вас в подобном заведении, ведь несмотря на ваше низшее, но все же дворянское происхождение, манерам вас обучала сама богиня.

Максвелл не поднимал головы, ярость все больше закипала внутри его юного разума, он умолял про себя.

"Уходи отсюда, пока ещё ничего не случилось"

Филоменна наконец выбралась из-за стола и не придумала ничего иного как сделать тот самый несчастный реверанс. Это движение не вызвало никакой реакции кроме улыбки на лице Люциана.

— я кажется понял, юное сердце без памяти влюбились в красивые слова безродного пса, и после ночи любви вы готовы пойти за ним хоть в канаву, главное, чтоб грязь была помягче.

Филоменна села на стул, она готова была заплакать в любой момент. Максвелл поднял голову.

— смотря на то, какие низости вытворяют отпрыски высшей аристократии в наших борделях, мы научились ценить честь наших женщин.

Люциан вдруг повернулся в сторону Максвелла.

— не знал, что ты умеешь острить, может ещё скажешь, что понимаешь, что значит честь?

Горло Максвелла сжали магические тиски, которые начали поднимать его в воздух, от схватил их руками и взмыл над полом.

— тебе стоит отрезать голову только за то, что ты посмел ее поднять.

Захват ослаб, и он упал на пол хватая ртом драгоценный воздух. Когда же Максвелл вновь смог говорить он произнес.

— ты не видишь дальше собственного носа.

Люциан поднял глаза, его друзей уже прижали к стенке, у обоих отчётливо были видны ссадины на лицах, бандиты, что держали их, демонстративно примеряли их катализаторы.

При виде этого зрелища он оцепенел. Максвелл тем временем поднялся с пола.

— ты ослеплён чувством собственной неприкосновенности, вы пришли сюда не мяса поесть, вам просто нужно доказательство того что вы лучше всех этих людей только потому что родились в нужной семье, потому что я своим усердием доказал тебе обратное, ты не поспеваешь за мной и не можешь с этим смириться, идёшь сюда, а тут снова я, оскорбляешь ни в чем неповинную даму только потому что можешь, но подумай вот о чем, сколько человек знает, что вы здесь?

Люциан молчал, Максвелл чувствовал, что тот начинает что-то осознавать, и он продолжал.

— никто этого не знает, вам было стыдно рассказывать куда вы направляется, вас прирежут здесь как свиней, а остатки выкинут на свалку, никто вас не найдет, и никто из здесь присутствующих не расскажет о произошедшем, и твоя магия тебе сейчас не поможет будь уверен.

Максвелл замолчал, наконец он высказал этому человеку хоть частичку того что накопилось в нем за годы унижений, и он не жалел об этом. Конечно он понимал, что никто их тут не прирежет, но Люциан тем временем растерянно смотрел на своих друзей.

— ты имперский целитель, ты не можешь так говорить.

— я ещё не дал клятву, поэтому могу делать все что захочу.

Максвелл крикнул державшим аристократов людей.

— оставьте их, проблем будет больше если они отсюда не выйдут, поверьте.

Бандиты переглянулись и отпустили пленников, видимо они уже знали Максвелла. Он снова повернулся к Люциану, на этот раз уже говоря шепотом.

— я спас ваши жизни, уходите отсюда.

Люциан никак не ответил на эти колкости, видимо был слишком напуган, он просто вышел из заведения, за ним вышли его ограбленные друзья, с них сняли даже позолоченные дублеты. Максвелл кивнул бандитам на другом конце зала, те ему помахали и вернулись за свой столик. Он тоже вернулся к своему, вечер был безнадежно испорчен, а все так хорошо начиналось. Филоменна тихо плакала за столиком.

— ну что же ты, это всего лишь слова, он никто без своего имени, поэтому пусть говорит все что хочет, это неважно.

Он подсел прямо к ней.

— знаешь я тут подумал, давай после выпуска поедем к тебе, в Гелиополь, пусть все эти аристократишки годами выясняют кто из них знатнее, я как целитель смогу заработать денег на наше содержание, там же и свадьбу сыграем, Олея будет рада выбраться из наших вонючих улиц.

Филоменна постепенно успокоилась, она вытерла слезы.

— звучит как сказка.

— в наших силах воплотить ее в жизнь.

Он обнял ее.

— нужно только пережить эти два месяца.

Нирия молча смотрела на догорающий костер, вот уже месяц они находились в пути, от Максвелла она многое узнала об этом континенте. Самое древнее и большое государство —

Аврелианская Империя, занимала все южные территории, в ее границах находились огромный горный массив на востоке, откуда шла добыча 80 процентов металлов в стране, а также там находились редкие залежи Зионита, так называли минерал, который после переработки использовали для создания катализатора, в центральной части империи выращивали зерно, по словам Максвелла ордынские банды очень часто пользовались, тем что имперская регулярная армия была сосредоточена в основном на западном фронте, потому что коалиция не распыляла свои силы, а наносила мощные организованные удары, из-за чего внутри страны оставалось недостаточно солдат для защиты ферм, как результат на второй год войны в империю пришел голод, ситуацию кое-как спасали поставки с новой земли, однако почему островные пираты не грабили имперские суда он не знал, видать, было какое-то тайное соглашение или что-то вроде того. Также на континенте помимо империи находились Торговая Федерация, Северное королевство, Ордынское княжество и Пустынное королевство.

В федерации правили самые богатые торговцы. Тех, чей капитал имел достаточную сумму чтобы выкупить все северное королевство, называли Гаурсахами, таковым был и Распорядитель, чьего настоящего имени Максвелл не знал.

На севере жили суровые люди и бесстрашные воины, Король севера всегда был прямолинейным и грубым настолько же насколько и сильным, это была небогатая страна, один из немногих товаров, которые они поставляли, были шкуры животных, бытует неофициальное мнение, будто они варят самые лучшие хмельные напитки на всем континенте.

На востоке от федерации и северян располагается Ордынское княжество, тамошние обитатели приспособились к бесконечным просторам тундр, их кочевой стиль жизни способствовал развитию самых лучших конных стрелков среди всех стран, эти жили за счёт грабежей. В своих набегах они редко оставляли живых людей, словно черная туча, они врывались за границы несчастной страны, которой не посчастливилось сегодня стать их жертвой, после чего грабили, порабощали или убивали всех, кто попадался им на пути, затем также быстро, как и появились, они уходили на своих быстрых лошадях. Ни одна армия не успевала добраться до места разгрома.

Долгое время северяне враждовали с Ордой так как те не трогали только федерацию, это был главный рынок сбыта награбленного товара, и империи слабо доставалось от злобных конников, однако после создания коалиции все силы кочевников обратились против империи, в открытом бою те редко появлялись, но всю страну буквально заполонили их клопы, постоянно покусывая постепенно угасающее величие Аврелианской Империи.

Только на дальнем востоке особняком держалось Пустынное королевство, в отличие от северного, оно было самым культурно развитым государством среди прочих, различные философские трактаты, стихи, картины, но больше всего своими роскошными коврами, в один миг улетающими на любых аукционах за огромные суммы денег, славилось это государство. Пустынники редко участвовали в распрях в основном потому что их отделяла огромная пустыня площадью около половины всего континента.

Небо начинало синеть, на горизонте вновь обозначились огромные пики великих гор. Нирия потеряла над углями задубевшие руки. Скоро снова пора была выдвигаться, не то

чтобы ей этого не хотелось, просто она слишком долго просидела в клетке, хоть сейчас они и проходили расстояние в день намного больше того с чего начали, но все равно она сильно уставала в конце дня. После той ночи с бандитами они больше не выходили на дороги, только сейчас, когда лес сменился полями, они решили, что пора двигаться по общему тракту, деревень впереди не было из-за близости изумрудного леса и можно было немного расслабиться в отношении бандитов. Но вот солнце уже показалось из-за горизонта. Максвелл открыл глаза и, одновременно с зевотой заговорил.

— ещё один прекрасный день, истоптанные в кровь мозоли, палящее солнце, комары и дудка Арта.

Он поднялся с импровизированного спальника, настоящий остался у бандитов.

— доброе утро Максвелл.

Он сонно протирал глаза, а после ответил Нирии

— знаешь какой сегодня день?

— день, когда ты уже в конец надоел со своими шуточками.

— такого дня не существует, сегодня мы войдём в изумрудный лес.

— мы уже так близко?

Максвелл обратил взгляд в сторону гор, у подножия выстроилось огромное изумрудное покрывало, в его полотне не было видно ни единой полянки, сплошной лесной массив. Максвелл сказал уже серьёзнее.

— чтобы начать тебя учить, они должны будут провести испытание, и оно не из приятных, ты можешь умереть.

— ты уже это говорил, сейчас мой последний шанс повернуть назад.

Максвелл молча кивнул.

— обратной дороги не будет, мы можем раздобыть для тебя обычный катализатор, я обучу тебя чему смогу, отправимся в столицу, уже не будем легкой добычей.

Нирия ответила не сразу.

— если они самые сильные маги ярости, то я хочу обладать их силой, злобы во мне больше чем чего бы то ни было.

— злоба не единственный источник силы.

— уж кто бы говорил.

Максвелл не ответил, он принялся молча будить своего друга. Нирия поняла, что сболтнула лишнего, но все же она знала, что права, он не рассказывал ей о себе ничего кроме того, какими умениями обладает, но сколько бы она не спрашивала, он всегда менял тему. Вот так и получалось, что ни об Арте, ни об Максвелле, она на самом деле не знала ничего, в какой-то мере они знали ее лучше чем она их. И это как ей казалось создавало барьер в их отношениях, но на самом деле и Арт не знал ничего о прошлом Максвелла, как и Максвелл о прошлом Артемия.

Спустя полчаса путники уже двигались по заброшенной дороге в сторону гор, на поясах у них болтались фляги, сплетённые Нирией из коры ещё в лесу, Максвелл долго разглядывал ее плетение, потом также долго расхваливал эту поделку, единственное что ему не нравилось это то, что кора легко трескалась, но за неимением других вариантов пришлось смириться и хранить свою флягу как собственного ребенка чтобы та не сломалась. Нирия распустила волосы, долинный ветер развивал их на ветру. У их корней начал пробиваться настоящий цвет волос, не впитавший тонны грязи, светлый каштан. Первым его заметил Артемий, когда она выбивала искру он подошёл чтобы потрогать ее лоб, потом начал что-то

внимательно там искать, солома никак не хотела загораться и Нирия прикрикнула на него чтобы отошёл. Максвелл, поняв на что показывал его друг заступился за него.

— а я думал ты рыжая.

Кремень встретился со своим другом и наконец искра зажгла копну сена. Нирия удовлетворённо подняла взгляд.

— почему?

— тебе по характеру подходит, этакая огненная бестия.

— как видишь мир полон разочарования.

Лесной массив впереди приближался с каждым шагом, все больше отдельных деревьев становились различимы невооружённым взглядом, они не делали привалов сегодня, каждый хотел побыстрее встретиться с тем что их ожидает. На исходе второй части дня после быстрого перекуса они стояли перед четкой границей деревьев, отделяющей два мира.

— последний шанс. — задумчиво произнес Максвелл.

Нирия не ответила, она первая ступила в эту неизведанную чащу. План был простой, она идёт впереди как самый опытный охотник, следом идет Максвелл, а замыкает Артемий. Максвелл сказал, чтобы искала следы необычно больших зверей, а как найдет, сразу делает ему знак чтобы тот был готов к нападению. Так они и шли около часа.

Первое что попало девушке на глаза, это обилие живности, в прошлых лесах было в разы меньше и птиц, и насекомых, то и дело вокруг бегали бурундуки, белки и зайцы. Если бы не их цель, то сегодня они бы ужинали как короли. Кроны деревьев практически не пропускали света, поэтому вокруг плясало бесконечно множество маленьких лучиков света, добавляющие к картине некую таинственность. Нирия остановилась, чтобы шепотом обратиться к своим спутникам.

— сколько нам ещё идти? Я не вижу ни единого крупного зверя.

— не знаю, может так что и до завтра, ты устала? Можем сделать привал.

— я не устала!

И она снова выдвинулась вперёд, клинок с луком за ее спиной противно цепляли ветки, но лишние звуки ее не беспокоили потому что если Артемий и умел двигаться по лесу без шума, то Максвелл бы абсолютным нулем в этом деле.

Нирия резко остановилась, ее внимание привлек новый ритмичный звук, затишье Максвелла позволило ей прислушаться, когда понимание пришло в ее голову она вскрикнула.

— барьер вперёд!

В один момент, когда зверь ее роста выскочил из-за кустов в хищном прыжке, прямо перед носом Нирии возник синий щит, который остановил внезапную атаку лесного хищника. С рычанием огромный волк отпрыгнул от барьера, ловко приземлился на задние лапы и принялся по-волчьи гавкать на незадачливых пришельцев. Нирия впервые видела такого большого зверя, с человека ростом, более того, она впервые видела и такой окрас, абсолютно красная шерсть на ногах перетекала в синий цвет на загривке, а из пасти и глаз струился фиолетовый туман. Она только раз видела такое свечение, и сразу поняла, что перед ней берсерк. Теперь была очередь Максвелла, она обнажила меч, но отступила чтобы дать ему место.

Максвелл аккуратно вышел вперёд. Волк не спешил нападать, он только яростно рычал и лаял на своих жертв. Максвелл тоже не нападал, он просто стоял и смотрел на животное.

— я смотрю ты вырос, вспомнишь меня?

Волк бросился на противника, однако Максвелл никак не реагировал, вот он уже лежал на спине прижатый огромной тушей хищной твари вот только вместо того чтобы быть разорванным на куски зверюга его облизывала.

— хватит! Ты мне все письма испортишь! Слезь с меня псина.

Из-за спины Нирии показался Арт, и волк перескочил уже на него, дав Максвеллу отдышаться и отряхнуться.

— глупая псина, где твой хозяин?

Он успел заметить, как мимо него пронесся дротик, направленный в сторону его подруги, ноги Нирии подкосились, и она упала без чувств. Максвелл вновь приготовился к бою, он укрепил тело чтобы игла не сразила и его, но второго выстрела не последовало, вместо этого из-за кустов выбрался человек, одет он был как дикарь, а с головы свисала копна длинных волос. Он сразу заметил друга.

— ты никак заблудился Первый из Забытых.

На лице Максвелла появилась неконтролируемая улыбка.

— Волчий Дух, как я рад тебя видеть, давно же мы не виделись.

Они пожали друг другу руки, а после обнялись. В это время Артемий выбрался из-под объятий огромного волка.

— и тебе привет Артемий.

И он пожал ему руку тоже.

— ты решил, что в праве притащить в наш лес каждого жителя империума, раз имеешь право входить во владения первых людей?

Максвелл посмотрел на бесчувственное тело.

— я вернулся чтобы закончить посвящение, а эта женщина по воле судьбы попалась мне на пути, я решил, что она достойна вашего учения.

Дух скептически посмотрел на него.

— она достойна потому что случай подкинул ее тебе? Я думал ты умнее своих соотечественников.

— разве важно мое мнение? Если она недостойна, то отправится к предкам, но я все же верю, что судьба не просто так свела нас вместе, кто мы такие чтобы противостоять судьбе?

Волчий Дух сложил руки на груди.

— очевидно, что никто, теперь я вижу, что ты ни капли не изменился, идём в логово, а то до зимы тут с тобой профилософствуем.

Максвелл не стал спорить, он поднял бесчувственное тело и выдвинулся вслед за своим новым проводником

По лесу шли долго, на все попытки Максвелла завести разговор их проводник отвечал, что время для разговоров настанет позже. В свое время волчий дух учил его призывать своего зверя, также он показал, как правильно использовать канал, созданный старейшинами. В отличие от остальных берсерков, Максвелл не являлся полноправным членом стаи. Все достигшие определенного возраста претенденты совершают паломничество к Мировой горе, самой высокой горе на Обломке, в ее недрах находится относительно неглубокая пещера где и проживают свой век хранители. Но все же один раз ему удалось перед ними предстать, они судили его за нарушение границ, и эту встречу Максвелл не забудет никогда в жизни. С помощью черной магии они вертели его мыслями как им вздумается, самые сокровенные тайны и желания становились для них явью, такой беспомощности он не чувствовал никогда в жизни. Наконец Волчий Дух решил заговорить,

видимо они были уже близко к лагерю.

— как твой змей? Ты смог приручить его?

— все такой же красный и злой, в последний раз мне показалось что он хочет меня убить.

— это невозможно, это твое истинное воплощение, то есть твое не проклятое начало.

— моего истинного воплощение не существует в природе, ты уверен, что ваши суждения не ошибочны?

— не святотатствуй, в этом мире чужой только человеческий род, если твой зверь, это дракон, значит, и они не просто выдумки, ты так и не понял почему ты Первый из Забытых?

— я не смог понять, как вы даёте имена.

— ты первый дракон после сотен лет, древний забытый змей, царь всех живых существ, истинный хозяин этого мира.

Максвелл тяжело вздохнул, он и забыл, как его друг любит пафосные речи.

— моего хозяина мира может одолеть любой ваш воин, да и призывать зверей умеете только вы, может, если обучить всех людей в мире этому искусству, то драконов станет в разы больше.

— твой зверь слаб, потому что ты не в гармонии с собой, этот красный змей отражение тебя самого, он не покажет своей истинной силы, пока ты не справишься со своими демонами.

— долго ещё идти?

— мы уже пришли.

Очередные заросли расступились перед опытными путешественниками чтобы перед их глазами предстало поселение Стаи Жизни, одного из пяти стай изумрудного леса, деревянные шалаши из сухих веток и соломы, маленькие, но многочисленные грядочки, над которыми склонились в основном люди преклонного возраста и несколько детей, по центру большая поляна, на которой то тут, то там, прямо на земле сидели, казалось, все члены стаи, сейчас их взгляды были направлены на пришельцев. Только что играющие дети резко остановились, и в лагере повисла могильная тишина, из-за обильной растительности наконец выбрался Артемий и дети с радостными возгласами ринулись к нему, все помнили веселого, но немного Арта. Взрослые тоже начали вставать и подходить к Максвеллу, они жали руки и обнимали старого знакомого, скольких здесь он вылечил от неизлечимых для их медицины болезней, никто этого не говорил, но все признавали в нем полноправного члена стаи, несмотря на то что он был лишь посвященным в их тайну.

Кто-то взял из его рук все еще же бесчувственную Нирию, он легко ее отдал, потому что знал, что ей не причинят вреда, только запрут в клетке до посвящения, которое состоится сегодня же, эти люди не любят ждать. Когда людская масса наконец начала расходиться чтобы начать приготовления к пиру и посвящению, Волчий Дух провел своих друзей к большому шалашу, рассчитанному минимум человека на четыре.

— вот, этот ваш, речка с северной стороны, приводите себя в порядок и приходите праздновать.

— благодарю тебя Волчий Дух.

Они попрощались и разошлись. Максвелл с Артемием сбросили с себя все снаряжение что было, остался только белый камень души и двинулись к речке. Когда вокруг стало менее многолюдно, Максвелл прошептал другу.

— Арт, держи себя в руках, ты слишком привязался к ней, если ее убьют не психуй,

иначе отправишься за ней.

Арт показал знаками.

"Не могу ничего обещать"

— она сильная, мне даже стало интересно одолеешь ли ты ее в бою?

"Одной рукой"

Когда они вернулись к шалашу внутри их уже ожидала свежая местная одежда. Ткани из волокон растений были жёсткими и грубыми, однако выбирать не приходилось, это типичная повседневная одежда местных обывателей, из кожи они создавали только доспехи, а про металлы вообще только слышали, мечи тут были ни к чему, только луки и костяные ножи.

Оранжевое небо проплывало над единственным свободным от кроны деревьев прорывом над поляной, светящиеся лианы, местная достопримечательность, уже отдавали красивым свечением всех цветов радуги. По местным поверьям, каждая лиана символизировала жизнь человека, как не было двух идентичных душ, так не было и двух идентичных цветов лиан. Вокруг стояли столы, на которых уже были разложены разнообразные кушанья. Максвеллу всегда нравилась местная готовка, минимум мяса, максимум овощей, ягод, орехов, одним словом, всего чем богаты здешние места. Мужчины принарядились, у многих на рукавах красовались ленты отличия на различные подвиги, женщины от них тоже не отставали. Люди не прикасались к накрытым столам, казалось ждут здесь только двоих задержавшихся человек, которые уже начинали чувствовать себя неуютно из-за неожиданного опоздания.

Но наконец двое друзей показали из-за навеса своего шалаша, люди перед ними расступались тем самым образуя коридор к центру поляны, и вот они уже ожидают под светом заходящего солнца, окружённые всеми членами стаи. Волчий Дух поднялся на постамент, который принесли сюда специально для него.

— друзья! Сегодняшний праздник обусловлен возвращением легендарного дракона!

В одной руке он держал каменную кружку, откуда-то из толпы Максвеллу с Артемием тоже дали по кружке, наполненным местным вином.

— несмотря на свое происхождение, эти люди доказали нам, что являются нашими братьями не по крови, но по своему существу, так поднимем наши кружки за их здоровье, и пусть судьба благоволит им.

Раздался общий крик одобрения, говорящий начал пить и все последовали его примеру, даже Арту пришлось приподнять свою маску так как отказ от первого тоста считался оскорблением говорящего.

— также от своего имени хочу особо выделить посла от стаи Огня, нам приятно видеть вас в нашем обществе Быстрый как Ветер.

Снова поднялся довольный гвалт. Снова все отпили из быстро наполненных кружек.

— и последнее! Вскоре подруга Первого из забытых пройдет посвящение в нашу тайну, это против традиций, потому что она кандидат от кандидата, мы не можем этого допустить, поэтому завтра утром я отправлюсь вместе с ним в паломничество, чтобы старейшины признали в нем полноправного члена нашей стаи, ну все, заговорился я, судьба не будет ждать.

Третий тост и третий глоток вина теплом отозвался в желудке Максвелла.

"От пира до посвящения в один вечер, вот ведь народец."

Следующие пара часов тянулись медленно, Максвелл никак не мог забыть о том, что

ожидает Нирию этим вечером. Всем хотелось поговорить с ним и это было понятно, единственный источник информации о внешнем мире, молодые девушки и ревнивые взгляды таких же молодых парней, старые мудрецы, самодовольные глупцы, действительно достойные люди или предатели. Для обеих сторон люди на с другой границы казались абсолютно другими, традиции, одежда, образ жизни, вера, все что ни возьми, но Максвелл был вхож в оба мира и знал, что человек остаётся человеком где бы он не родился, загвоздка была только в том, что эти люди с их традициями приходилось ему по душе. И он рассказывал, шутил и смеялся, оттягивая злополучный момент. Но вот толпа, словно по приказу начала освобождать центральную поляну, свет на которой с солнечного сменился серебристым лунным, а лианы вокруг уже светились во всю свою силу Максвелл ощутил тошноту внутри.

"Сейчас начнется"

Он даже не подозревал что будет так волноваться, он бы с радостью продолжил пир до утра, но эти люди не хотели ждать. К нему, вдруг побледневшему, подошёл Волчий Дух.

— сейчас все прояснится, ты боишься за свою подругу.

Он протянул к Максвеллу ладонь.

— твое кольцо.

Максвелл снял с пальца свою драгоценность и вручил старому учителю. Подошёл второй человек.

— Первый из Забытых, познакомься, это мой брат Волчий Глаз, он будет испытывать твою претендентку.

Мужчины пожали руки, Волчий Дух назвал его братом, значит он тоже член Волчьей стаи, особого отряда, состоящего из лучших воинов со всех пяти поселений. Глаз заговорил.

— если она такая же волевая, каким предстал и ты, тогда тебе нечего бояться.

Максвелл кивнул, и противник Нирии вышел на арену.

Она открыла глаза, мягкая трава неприятно колола ей щеки. Нирия села и облокотилась на стенку деревянной клетки. Голова раскалывалась, думать было сложно. Постепенно боль улеглась, и она огляделась, ничего необычного, простая клетка в человеческов рост, вокруг было слишком много растительности чтобы увидеть что-либо ещё, однако откуда-то справа слышалась музыка и человеческий гвалт.

"Кто-то там празднует"

Нирия принялась рассматривать красивые Лианы, свисающие с деревьев, каждая из них светилась каким-то своим цветом, сколько она не смотрела, не могла найти повторяющегося оттенка. За этим занятием она провела не так много времени, минут через десять появились четыре человека. Она молча посмотрела на них.

Четверо взяли клетку и понесли ее в сторону шума. Нирия все также молчала, да и носильщики похоже не горели желанием вести диалоги. Она увидела поляну, окруженную большой толпой, только сюда попадал лунный свет, хотя благодаря лианам света и так было более чем достаточно. Клетку вынесли на арену, поставили и открыли, после чего носильщики удалились.

На этом круге света Нирия находилась не одна, напротив стоял жилистый человек без оружия и доспехов, простая местная рубаха из льна, вот и вся защита, в прочем, на ней тоже не было ничего защитного.

— я не понимаю, чего вы хотите? Где Максвелл и Артемий? Они, кажется, ваши друзья.

Ответом ей было молчание. Внезапно человек с огромной скоростью ринулся на нее, она едва успела клониться от удара, но не успела уйти от второго, резкая боль пронзила ее грудную клетку, после чего она отлетела от напавшего на прилично расстояние. Приземлившись на спину, Нирия перевернулась, чтобы встать на четвереньки и начала тяжело дышать. С трудом она вновь поднялась на ноги.

"Похоже это то, о чем говорил Максвелл, мне нужно победить этого верзилу, или он убьет меня"

Она встала в стойку для кулачных боёв.

— бьешь как пацан до переходного возраста.

И вновь ответом ей был рывок, к которому она была готова сделав обманный удар она зарядила коленом под ребра нападавшего, но завершить бой не успела, он все с той же невероятной скоростью отпрыгнул от нее.

"Так он маг."

На лице противника появился оскал, Нирия поняла, что бой будет очень непростым. Снова рывок, теперь она не успела даже выставить блок, новый удар пришелся на правую ногу, она упала и сразу ботинок летит ей прямо в голову. Мир пошатнулся, не сразу ей удалось встать. Как только это удалось, на Нирию снова набросился противник. Второй удар по ноге по тому же самому месту на голени, и всю ногу пронзила резкая боль. Она постаралась встать, но когда перенесла вес на место удара, то вскрикнула от нахлынувшей боли. Нога была сломана. В голову вновь начала просачиваться паника, Нирия осознала, что не победит в схватке. Так она и сидела, пытаясь оставить разум чистым перед болью, когда противник вновь выдвинулся к ней, она начала пятиться. Когда Волчий глаз подошёл, то попытался нанести ещё один удар по голове, который она с большим трудом отразила, но противник будто этого и ждал, он схватил руку в захват, Нирия почувствовала, как ломается ещё одна кость.

Острая боль, ещё сильнее чем первая, снова заняла все ее мысли, из глаз полились слезы, она почувствовала, как теряет сознание. Но раньше беспомощности пришло осознание скорой смерти, абсолютное одиночество и сожаление о всем достигнутом в жизни, канувшем в небытие. Противник медленным шагом выдвинулся с другого конца арены, первым порывом было бежать, но она сидела, прижимая сломанную руку здоровой и просто смотрела на приближающуюся смерть.

"Отец, надеюсь ты нашел маму, и вы вместе встретите мою бедную душу прямо на берегах реки смерти"

Нахлынули воспоминания о давно ушедшем.

Холодная темная ночь, шел сильный снег, ветер постоянно приклеивал снежинки к разгоряченному от тяжелой тренировки лицу. Юная Нирия сжимает в своих руках деревянный меч, а напротив возвышается мощная фигура отца с таким же оружием. Паром изо рта она согревает кровотокащие мазоли на своих ладонях, но отец непреклонен, он ждёт, когда его противница откроется, чтобы нанести новый удар.

— папа хватит! Я уже не могу, ты победил, идём домой.

Ответа не последовало, вместо этого в ее сторону полетел новый выпад, который был парирован изящным движением юной девушки, но контратака снова не удалась. Отец выбил

меч из рук дочери, так что та упала на снег вслед за своим оружием, она закрыла глаза кровавыми ладонями и заплакала. Отец оставался непреклонен.

— мы не уйдем отсюда пока я не пропущу удар, ты уже достаточно взрослая чтобы противостоять мне, так вставай и дерись.

Она молча повиновалась, молча нашла меч и снова встала в стойку.

— скажи, что ты чувствуешь сейчас?

— я тебя ненавижу.

— этого недостаточно, чтобы меня одолеть.

Он снова перешёл в нападение, она отбивала одну атаку за другой, снова и снова ее контратаки летели мимо цели, и опять ее меч был выбит. Отец начинал злиться.

— хватит танцевать, дерись по-настоящему!

Нирия вновь поднялась, оставив на снегу маленькие капельки крови. Снова началась дуэль, один удар, второй, отец начинал выходить из себя, его удары становились все сильнее.

— отец, хватит!

Но он не переставал, игра становилась реальностью.

"Его агрессия мой шанс"

Удары отца становились все хаотичнее, все меньше тактики прослеживалось в его движениях. Нирия ждала заветного шанса и вот, наконец, он наступил, меч вылетел из крепких рук отца, а в догонку она со всей силы ударила его своим. После этого она выбросила и свое оружие и молча направилась по направлению к дому. Спустя полчаса пути ее нагнал отец, он накинул на нее забытую меховую накидку.

— отвали от меня.

— послушай, что я тебе скажу прежде, чем уходить.

Она не останавливалась.

— жизнь жестока, ты ещё слишком молода чтобы это понять, ты поймешь это, когда захочешь вернуться обратно на эту тренировку, чтобы вновь заняться фехтованием как раньше.

Она не реагировала, просто молча продолжая идти.

— я тебя очень люблю Нирия, и мне очень страшно отпускать тебя в наш суровый мир, можешь меня ненавидеть, я тебя прощаю, но теперь я точно уверен, что тебя так просто не сломить.

Она остановилась, в первый раз он признался, что любит ее.

— это все же был перебор.

— нет, твое обучение закончено, теперь ты можешь перейти под тотем Хищника, такая юная, но такая сильная.

Через полгода она заслужила право носить звание Охотник-Хищник по древней традиции победив троих опытных воинов в честном состязании, и отец, как старший охотник, выбил ее имя на скале памяти.

"Нирриэла Энтемос"

Она без страха смотрела на приближающегося врага, в глазах все плыло, она не видела ничего кроме маленького пятнышка впереди, но она не убегала, он не получит удовольствие увидеть ее страха перед смертью. Перед ней вспыхнул синий свет, из которого

материализовался огромный, но теперь уже практически синий волк. Он оскалил зубы и принялся, прерывая свое хищное рычание, громко лаять в считанных миллиметрах от ее лица, глядел он ей прямо в глаза, и Нирия не придумала ничего лучше, кроме как замахнуться целой рукой. Подняв ее для удара силы покинули девушку, и она упала на землю, последним, что она увидела, был золотой свет, заливающий все вокруг своим ослепительным сиянием, а после наступила тьма.

Такое же безоблачное утро, как и ночь, над огромным изумрудным полотном у подножия величественных гор медленно поднималось слепящее солнце. Уже традиционно, первые его лучи падали внутрь маленького окошка одного из шалашей, сооруженных прямо на ветках векового дуба.

Свет заставил девушку проснуться, некоторое время она не могла понять, где находится, в правой ноге и левой руке словно жар, ощущалась тянущая боль. Она вспомнила вчерашний поединок.

"Вернее избиение."

Она лежала в уютном шалаше на мягкой кровати, по-видимому набитой перьями. Нирия приподнялась на здоровой руке. Сломанные конечности были перевязаны и обработаны, к руке и голени были крепко привязаны по четыре ровные толстые палки.

"Так это было по-настоящему, я чуть не умерла."

Снаружи послышались шаги, ткань, служившая дверью, откинулась и внутрь вошла низкая, пожилая и улыбающаяся женщина. Она несла на руках большой деревянный тазик, наполненный водой.

— ааа, доброе утро красавица, вижу тебя не пришлось будить, голова не болит?

Нирия помогала головой, старушка поставила тазик на столик рядом с кроватью.

— это пока действие лекарства не прошло, вечером будет раскалываться, как после десяти кружек нашего пойла.

Нирия не знала, что ответить.

— меня зовут Глядящая в Даль, я буду тебя лечить.

— я Нирия.

Старушка начала осматривать повязки.

— твой друг совершенно не умеет делать шины, я ему говорила, дай мне место, я все сделаю, а он нет да нет, все сам, вот и сделал сам.

— а где мой друг?

Тот который в маске или без?

— оба.

— в маске у дуба сидит, дожидается, когда ты проснешься, а второй ушел.

— куда?

— к старейшинам его Волчий Дух повел, членом стаи делать.

Нирия снова легла.

— правильно, лежать тебе сейчас нужно, ни о чем не думать, радуйся, что не мертва.

— почему я жива? Я проиграла поединок.

— смысл поединка не в победе, а в том, чтобы преодолеть греховные животные инстинкты, чтобы понять, какого это быть настоящим человеком, ты возвысилась над

первобытным страхом смерти, встала перед бездной и шагнула в нее, заслужив этим место среди нас.

— и что же значит “быть настоящим человеком”?

— жить, будчи не привязанным к своим низменным желаниям.

— долго они будут отсутствовать?

— дней двадцать.

— двадцать дней?!

— я вроде внятно сказала.

Нирия вспомнила чувство одиночества, которые посещали ее вчера, захотелось, чтобы Максвелл был сейчас рядом.

"Почему он не попрощался со мной?"

Старушка будто бы услышала ее мысли.

— мы нарушили традиции, посвятив тебя как кандидатку от Первого из Забытых, он должен скорее стать членом стаи, нужно восстановить баланс, поэтому Волчий Дух настаивал на раннем уходе, он всю ночь просидел у твоей постели.

Нирию этот ответ вовсе не удовлетворил. Глядящая в Даль критически осмотрела повязки, после чего оставила ее одну.

"Вот теперь я буду вспоминать ту тренировку с улыбкой"

Максвелл вместе со своим учителем продвигались мимо густых зарослей кустарника, вот уже десять дней они находились в пути. Ему было приятно вновь находится в обществе своего наставника.

— а было такое, что вы не знаете название зверя, которого по бывает новичок?

— не было, с течением веков мы повидали всех зверей, и все они описаны в наших хрониках.

— а если у кого-то будет помесь двух видов, лося и, скажем, носорога, такой трехрогий толстый волосатый свин получится, такое возможно?

— такого не может быть.

— почему?

— потому что лось не может родить от носорога, поэтому нет души предназначенной для этого тела.

— зря, было бы очень интересно, а звери передаются по кровной линии?

— иногда, чаще всего нет, однако существуют несколько родов, зверь в которых передается от родителя из такого рода ребенку.

Десять дней пути пролетели в один миг, Волчий Дух был у себя дома и без проблем обеспечивал пропитанием и себя и своего спутника.

— ты не думал остаться с нами? Я вижу твое разочарование во внешнем мире.

— а чем здесь лучше, чем там?

— хотя бы тем, что здесь нет голода, мы чтим природу, мать нашу, и поклоняемся старейшинам, отцам нашим, мы не берём больше чем должны, и живём в мире, а как живёте вы? Постоянно воюете, крадете друг у друга, поклоняетесь каким-то странным богам, даже ваша аристократия, считающая себя лучше других только по праву рождения.

— ты видишь только чёрное друг мой, у моего мира не мало достоинств.

— например?

— например, наша наука, имперские учёные известны во всем мире, даже в Пустынях восхищаются знаниями, которые собраны в столичной Великой библиотеке, а также магия.

Волчий Дух фыркнул.

— безусловно вы являетесь непревзойдёнными мастерами школы Кинетики, но в остальных видах ваши знания хромают, Созидание, Восприятие и Становление у вас практически не развивалось, только Потенциал развит достаточно хорошо, но всё-таки далёк от уровня наших храмовников.

Волчий Дух подавил свою обиду.

— ну тут ты прав Первый, в нашей стае плохо развиты эти школы, но ты ведь не видел остальных, лучшие наши лекари находятся среди стаи воды, это единственный наш народ, который не патрулирует границу, однако уважения от этого не теряет ни на грамм.

— кстати о других стаях, на пире ты упомянул посланника.

— да, гонец огненных, у нас с ними сейчас случился раздор, раньше они ссорились одинаково со всеми, а с того момента, как мы не приняли тебя с твоим другом, ссорятся только с нами, как ты безусловно понимаешь и ссоры стали серьезнее.

— вы ведь действовали по указанию старейшин, это они причислили меня к вам.

— так оно и было, воля отцов наших — закон, поэтому остальные приняли это решение, но не огненные, они никогда не давали мирного житья остальным, так что это уже стало ещё одной традицией, у нас есть даже поговорка "нет мира без огня".

— странная поговорка.

— это означает, что при любом принятом общем решении при девятидесяти девяти процентах голосов "за", всегда найдется один "против", который не даст житья остальным.

Перед ними возвышалась величественная гора, казалось, ее вершина пронзает само небо. Максвелл во второй раз находился так близко к этому монолиту, и во второй раз не мог отвести взгляд. Перед паломниками зияла огромная дыра, вернее, по очертаниям это была скорее дверь, Максвелл знал, что это природное образование, но что-то внутри него хотело верить, что этот проход появился здесь не просто так, словно какой-нибудь гигант, живший здесь до эпохи людей, каждый день приходил сюда чтобы поспать, или приготовить пищи на ужин. Перед проходом не было леса, и они стояли на просторной поляне.

— вот и пришли, ты готов Первый?

— нет, я не готов, мы можем вернуться и сказать, что все сделали и теперь я член племени?

На этот раз его друг шутку не оценил, он кинул на Максвелла презренный взгляд, тот понял, что пора быть серьезным.

— ладно, шутки в сторону.

Он снял с пальца кольцо и снова вручил его Волчьему Духу.

— кстати вот ещё плюс нашего мира, ювелирные изделия, красота да и только.

— лишнее материальное развращает ум побуждая проклятые желания.

Максвелл улыбнулся, он все такой же не преклонный.

— пожелаешь мне удачи?

— удачи не существует, только судьба.

Максвелл двинулся в сторону прохода.

"Скажи это тому мальчику с рынка рабов"

Был закат, заходящее солнце светило ему прямо в спину, освещая длинный и высокий

тоннель, по форме не отличающийся от входа, прямоугольник с треугольником наверху. Когда-то абсолютно ровный пол был покрыт трещинами и бесчисленными обломками камней, обвалившиеся с верхних сводов.

"Это точно искусственное образование, Волчий Дух что-то скрывает"

Никакого освещения не было, Максвелл все шел, гулким эхом отдавался каждый его шаг. Он начал напевать знакомую песенку с нижнего города чтобы тихое гудение пустого тоннеля не сводило его с ума.

Чтож ты Клара как шалава
Сумочку мою украла
Было в сумочке моей
Десять тысяч векселей

А в голове вертелась мысль.

"Кто придумал этот бред?"

Солнце практически село за горизонт, последние лучи отражались от матовых стен пещеры, Максвелл сел на камень поприличнее и стал ждать, скоро все свершится, он не знал, чего ожидать, поэтому очень волновался. И вот наконец последний луч исчез с лица земли чтобы вновь вернуться на заре следующего дня. Максвелл оказался в полной темноте, был слышен только гул огромного тоннеля, ветра не было совсем. Он ждал, прошло десять минут, ничего не происходило. Максвелл уже начал скучать.

"Интересно, а Нирия боится темноты? Она ведь охотница, наверное, не должна"

— Максвелл...

Он вскочил, голос раздался будто над самым ухом, словно его имя прошептал прямо в него. Максвелл напрягся, в прошлый раз такого не было, может тут обитают не только хранители?

Откуда-то сверху начал литься белый ровный свет, Максвелл обнаружил что стоит в кругу, исписанном различными письменами на языке, которого он не знал.

— что тебе нужно?

Голос раздавался со всех сторон, но сколько бы он не вглядывался, никак не мог различить говорящих.

— я пришел, чтобы соблюсти традиции и заслужить право стать членом стаи жизни, прошу вас рассмотреть мое прошение.

— кто ты такой чтобы просить нас?

— ты уже был здесь, мы пощадили тебя.

— ты хочешь ещё раз испытать судьбу?

Он ответил.

— я не хочу испытывать судьбу, я бы сюда не пришел если б ваш народ не настоял на этом.

В голову Максвеллу будто вбили очень тонкий гвоздь, он упал на колени не в силах устоять на ногах.

— мы видим твои мысли, знаем, чего ты желаешь.

— ты обманываешь себя.

— но не смей обманывать нас.

Он вновь поднялся на ноги.

— ладно, правда в том, что я не знаю зачем пришел, мой друг освободил девушку, она должна была сопровождать нас до тех пор, пока я не отдам долг старому знакомому, потом я решил, что могу ей помочь, привел ее в ваш лес, и вот теперь я здесь, помогаю той девушке.

— зачем ты помогаешь ей?

— а что, вы сами не видите?

И снова боль в голове, на этот раз Максвелл устоял на ногах.

— я помогаю всем, кому могу.

— зачем?

— хочу найти смысл продолжать жить в этом поганом мире.

— ты противоречишь сам себе.

— вспомни, сколько человек ты лишил жизни.

— вспомни момент, когда ты шагнул за эту грань.

Старейшины замолчали, Максвелл чувствовал, как они плавают среди его сознания, бессовестно ощупывая самые потаённые его воспоминания.

— то что я такой же урод, как и все, было понятно и без вас, отпустите меня или убейте уже, но не нужно меня судить.

— так просто ты отсюда не уйдешь.

— дальше все зависит от тебя.

— что зависит?

Максвелл почувствовал, как проваливается в пропасть, земля улетела из-под ног, и он потерял сознание. Очнулся в пустой комнате, из интерьера впереди стояло три стула, два были заняты скелетами, а третий пустовал, комнату освещала одна единственная свеча. Максвелл знал, что это за комната. Сзади послышался спокойный голос.

— привет Максвелл.

Он вздрогнул и обернулся на голос, перед ним стоял он сам, руки были сцеплены за спиной, а на лице не было заметно ни единой эмоции.

— значит, влезли всё-таки мне в голову, ты будешь моим проводником?

— я не проводник.

— и кто же ты тогда?

— после узнаешь, а пока.

Двойник щёлкнул пальцами и скелеты ожили, они обрели плоть и стали людьми, искалеченными, окровавленными. По центру сидел Люциан Докрэн, справа от него Валериан Пэнтол, те самые люди, что когда-то унизили его и Филомэнну в мясной забегаловке. Двойник подошёл к Люциану и ударил, Максвелл не реагировал.

— как думаешь, ты бы смог вынести то, что вынесли эти люди?

— они это заслужили.

— неужели? А что бы ты сказал в то время, когда бродил по свалке в поисках яда, чтобы отправится на тот свет потому, что предал или потерял все, ради чего жил? Заслужили ли они то что ты с ними сделал? Тогда ты не был так уверен в своих словах, если ты забыл, то я напомню.

Время отмоталось назад, теперь пленники не были в крови, они в ярости выкрикивали проклятия силуэту что стоял перед ними. Что будет происходит дальше Максвелл знал.

— ты запытал их до смерти, скажи, сколько раз ты вспоминал ту ночь?

— каждый день.

— и каждый день ты корил себя за совершенное, этот стало частью тебя, ты уже даже не

представляешь жизни без сожаления содеянным.

Декорации сменились, теперь Максвелл оказался на поле боя, вокруг стонали раненные, они, вместе с Артом, все в крови, зашивают очередного бедолагу, вся магия уже давно источилась. Они сидели на коленях посреди бесконечного поля окровавленных тел, красное солнце практически скрылось за горизонтом, и света для операции оставалось все меньше.

— узнаешь?

— второй год войны, самый кровавый год, что же ты нашел тут?

— а вот что.

Максвелл из последних сил старается помочь выжившим, уже третий день они с Артом бродят среди трупов и спасают кого могут, в глазах мутнеет, страшно хочется спать, голова раскалывается. Он знает, что в госпитале он будет нужнее, но никто не идет больше искать раненых, армии был дан приказ срочно оставлять позиции, а целители все находят и находят новых раненных, словно в кошмарном сне, живые мертвецы тянут свои ослабшие руки к спасителям, но те просто проходят мимо. И вот Артемий падает от усталости, больше они не вынесут физически. Максвелл даёт последние наставления лежавшему, может и выберется, будит своего друга, и они отправляются прочь с поля боя. Они бредут мимо стонущих при их виде людей, но силы уже все истощены, больше они никому не смогут помочь. Бредя руку под руку, они находят маленький островок растительности среди моря крови и засыпают там прямо на земле, а после пробуждения раненых уже не было видно, только мертвецы.

— тогда ты разочаровался в правителях, все эти люди, чьи-то сыновья, дочери, ради чего пали в этой битве? Ради выдуманных понятий о долге, чести или веры, ради защиты своего дома или семьи? С обеих сторон сражались простые люди, потому что пара десятков высших чинов, называющими себя королями или императорами так им приказали, тут ты узнал истинную цену жизни, данной тебе свыше, и цена эта — абсолютный ноль.

Максвелл молчал, это было путешествие по его не самым приятным воспоминаниям, и он не хотел прерывать рассказчика.

Следующая картина, корабль Лоренца, Максвелл насылает безумие на бедного торговца, двойник продолжал.

— а что с этим эпизодом? Ты ведь мог лишиться его одежды и всех документов и выкинуть на улицах Геринбурга, но ты поступил иначе, ты знал, что о мальчике позаботятся, но все равно решил, что имеешь право на мечь, и право выносить приговор этому человеку, здесь твоя истинная натура проявляется в чистом виде, чистое лицемерия и гордыня своими возможностями.

Максвелл упал на колени, безысходность и безразличие вот и все что оставалось сейчас внутри него.

— но я ещё не закончил, недавнее твоё выступление.

И они оказались в деревне, той самой, где сейчас бушевал красный дракон.

— помнишь, что тебе сказал человек, который, в отличие от тебя, действительно делает этот мир лучше? "В той деревне находилось две женщины, уже два дня разбойники держали их в плену". Каковы были ощущения убийства невинных? Не говори, я ведь и сам все знаю, тебе было плевать, ты денёк прогрел и забыл, искалеченная душа уже не может принимать в себя потери и неудачи, ты смирился с тем, что вся твоя жизнь сплошной цирк, что бы ты не делал, куда бы не пошел, ты останешься все тем же жестоким и жалким человечешкой, каким всегда и был, а теперь скажи мне кто я?

Максвелл не реагировал, канал в его разуме больше не действовал и все отчаяние, злоба,

грусть, сожаление вернулись к нему. Старейшины поступили очень жестоко, вернув его разум в прежнее состояние. Меж тем его двойник уже кричал.

— кто я?!

— ты — это я.

Его откинуло мощным взрывом. Максвелл поднялся и увидел перед собой гигантского красного змея. Красный дракон был десять метров высотой. Максвелл на его фоне был словно муравей перед ребенком, давящим его собратьев.

— ты прав! Я это ты! Я твоя ярость, я твое отчаяние и твоя совесть, я прихожу к тебе каждую ночь чтобы напоминать о тех несчастных, которых ты погубил, каждый день ты противостоял мне, ты запер меня на пять лет, но не сейчас, сейчас ты умрешь, и останусь только я.

Дракон взревел, из его пасти широкой струёй вырывался столб огня, он торжествовал своей победой. Максвелл видел и смотрел на свое порождение, ему уже было безразлично что будет дальше.

"Я уже давно живу инерцией, зачем же затягивать?"

В воспоминаниях всплыло лицо Нирии, вот она стоит перед Изумрудным лесом, ветер развивает ее распущенные волосы, а вот они сидят у реки, и она неосознанно прижимается к нему, даря свое тепло, а потом они оба смущаются от неожиданной близости.

"А она красивая, я и не замечал."

Из пасти адского зверя на одинокую фигуру, безучастно глядящую на свою погибель, обрушилось пламя. Но Максвелл выставил перед собой синий щит, и пламя было разрезано на две половины. Он встал на ноги.

— ты много чего упустил, давай я покажу тебе.

Декорации вновь сменились, снова три стула и два скелета.

— смотри, что они натворили.

Максвелл перенес их с подвала на третий этаж таверны. Там, на кровати, лежала мертвая Олея, а рядом на коленях плакал Максвелл.

— они опоили и изнасиловали ее потому что не могли достать меня, Олея выпила яд, она сохранила честь среди воров и убийц, а достойное общество сгубило ее, и она поняла, что в мире нет чистоты, то ее совершенное, во что она верила, оказалось еще более гнилым, чем та грязь, в которой она жила, она потеряла всякую надежду на радостную жизнь, это ее и убило, и за это я убил их.

Декорации вновь были перенесены, теперь уже на поле битвы, Максвелл вместе с Артемием шли по лагерю к местному лазарету, из толпы постоянно тянулись руки чтобы они их пожали, вместе с благодарностями.

— вы спасли мне жизнь.

— спасибо, если бы не вы, я бы истек кровью.

— приходите к нам в деревню после победы, мы примем вас как родного.

Дракон развеял иллюзию.

— и что?! Что бы ты не делал, ты никогда не заглушишь вину за совершенные зверства.

В сторону Максвелла вновь полетела огненная струя. Новый барьер отразил атаку.

— не смей мешать мне!

Он создал цепи и сковал синими кандалами голову противника, тот в бешенстве пытался вырваться, но воля Максвелла крепла с каждой минутой, казалось, он встал на нужный путь.

— смотри!

Теперь они в палатке торговца рабами, окровавленные простыни, а напротив неприкрытая клетка с детьми.

— эта тварь сделал все на глазах остальных, он работорговец, люди для него — просто вещи, это не первая его жертва, на улице он мог делать то же самое с бездомными, он мог без труда убедить стражу, что является полноправным гражданином федерации, просто рассказав им о их традициях, ни ты, ни я этого не знаем, но я точно знаю, что теперь он получил свое, и вот последнее.

Дракон вырвался, он обрушил на маленького человека свою огромную лапу, Максвелл едва успел защититься. Он создал вокруг себя клетку, как дракон не бил он не мог пробить эту защиту.

Окружение вновь поменяло вид. Теперь они находились в заброшенной деревне, Максвелл вместе с Нирией осматривают мертвые тела.

— во время набега всех мужчин зарезали на глазах у их матери и сестры, или жены, или дочери, а после тех ждал настоящий ад в плену у бандитов, их не продашь в рабство потому что слишком далеко везти всего двоих, и выкупа не получишь, поэтому это просто расходный материал, мне не было больно, потому что после всех перенесенных страданий, ты подарил им покой, я тебя использовал.

Клетка начинала трескаться, двойник Максвелла практически разрушил ее. Он не знал, что делать дальше, как победить этого могучего зверя не было ни одной мысли. Оставалось пара ударов, клетка уже была на последнем издыхании.

"Похоже, я ничего не изменил, и он убьет меня, зато я его как следует разозлил"

Ему страшно захотелось увидеть Нирию в последний раз, и это желание затмило все прочие эмоции внутри него. Клетка была разрушена, но Максвелл отказывался умирать.

— тебе меня не одолеть!

Его руки обросли синей чешуей, а рост начал резко увеличиваться, гигантский красный дракон внезапно оказался не таким уж и гигантским, теперь напротив него величественно ревел, переливающийся всеми оттенками синего, но оттого не менее грозный древний змей. Красный зарычал в ответ, и оба противника ринулись друг на друга в яростном порыве разорвать своего оппонента.

Максвелл очнулся от глубокого сна, он сидел все в том же освященном кругу среди моря тьмы. Не сразу он понял, что кричит, а когда осознал закричал в пустоту.

— боитесь показать, что вы такие же люди, как и мы?!

— ты недостойн видеть нашего рода.

— если хочешь, чтобы мы прекратили.

— заставь нас уважать тебя.

— покажи нам свою душу.

Максвелл поднялся.

— у меня нет кольца.

— здесь оно тебе ни к чему.

Он отнёсся скептически к словам старейшин, того старого канала в его голове больше не было, теперь сосуд был в разы меньше, и он вновь ощущал теплоту ненависти внутри себя, но теперь он был готов направить ее в нужное направление. Максвелл попробовал призвать зверя, ожидаемо, у него не получилось.

— ты всё ещё боишься его.

— если хочешь выйти отсюда живым

— докажи, что достоин.

Максвелл вновь сконцентрировал свою энергию. Впереди сверкнула яркая фиолетовая вспышка из которой вышел дракон, вот только теперь он не был красным. Его чешуя отливала всеми оттенками синего, красный цвет переходил с хвоста на загривок, крылья были фиолетового цвета, как и глаза, а из пасти лился фиолетовый туман.

— теперь ты подчинил его.

— он истинный хозяин этого мира.

— почитай его как себя самого.

— и тогда он будет тебе подчиняться.

Максвелл не мог оторвать взгляда. Величественное создание, в два раза выше его, не нападало, оно с любопытством новорожденного осматривали своего нового хозяина. Максвелл прикоснулся к своему созданию, он почувствовал холод.

— что вы сделали со мной?

— мы дали тебе шанс.

— ты ослеп из-за своей боли.

— и ярости.

— мы воплотили ее в твоей голове.

— и ты увидел то, что должен.

— белое и черное.

— и середину, к которой необходимо стремиться.

— теперь все в твоих руках, и ее.

Максвелл склонился перед невидимыми собеседниками.

— спасибо великие хранители, я всегда буду вам благодарен.

— твоя награда ждёт тебя.

— в твоей памяти мы обнаружили.

— давно забытое.

— давно утраченное.

— мы восстановили что смогли.

— и теперь ты увидишь.

Максвелл вновь провалился в бездну. Он очнулся от качки, все вокруг ощущалось словно сон. Женщина несла его и ещё одного ребенка, завернутого в пеленки. Все было размыто, и Максвелл не мог рассмотреть лица женщины. Вокруг гремели взрывы, женщина бежала так быстро, как могла, слышались крики, он начал плакать от испуга, но женщина не обращала на это внимания. Вот она остановилась перед мужчиной, по всему было похоже, что это очень властный человек, он кричал и раздавал указания, внезапная вспышка света озарила все пространство вокруг. Мужчина спрятал женщину и себя за щитом, но свет все не уходил, Максвелл видел, как тяжело ему было держать щит, но тут ему на помощь пришла женщина, с ее стороны потянулись серебряные щупальца, они напитали его силой, и барьер стал непробиваемой крепостью. Но вот он посмотрел на свою любимую в последний раз, она кричала чтобы он не делал этого, но выбора не было, и женщина продолжала его поддерживать. Барьер сменился ярким красным лучом, что вырвался из руки мужчины, он закричал, она тоже кричала, не переставая поддерживать своего мужчину, потом вдруг, кольцо у него на пальце взорвалось, и он упал без чувств. Женщина плакала, она отдала подбежавшей пожилой женщине свёртки с детьми, сняла с корчеговшегося в судорогах

защитника все еще светящееся фиолетовым кольцо, и передала его служанке. Максвелл видел, как она, плача, сквозь слезы прощается со своими детьми. После, ее силуэт начал отдаляться, их с Олеей относили подальше от поля битвы.

Максвелл снова проснулся, он лежал практически у входа в тоннель, на небе начиналась заря, он услышал последние слова хранителей.

— твой отец.

— и твоя мать.

— хочешь и узнаешь правду.

— не хочешь и не узнаешь.

— выбор за тобой.

Нирия проснулась от шума снаружи, ее весь день натаскивал со своими бесконечными упражнениями Волчий Глаз, поэтому она даже не заметила, как уснула у себя в шалаше. Но окончательно разбудил ее бесцеремонно вторгнувшийся в ее личное пространство Артемий.

— что там происходит?

Артемий показал пальцем на выход и вышел.

"Вот всегда он так"

Она потянулась и вышла из шалаша. Снаружи толпа приветствовала возвратившихся через восемнадцать дней паломников, они все что-то спрашивали и обсуждали. Нирия была рада видеть, что ее друг вернулся здоровым, и каким-то изменившимся. Вот толпа стала расступаться, образуя круг вокруг Максвелла. Он что-то крикнул, и толпа отошла ещё чуть дальше. Потом Волчий Дух махнул ему рукой. В центре свободной площади сверкнул свет и на волю вышел огромный дракон. Нирия было испугалась, но этот зверь был другой, его цвета отличались от тех, что она видела ранее, и он ни на кого не нападал, а просто величественно смотрел на всех присутствующих зевая. Постепенно люди начали подходить ближе, змей не реагировал, казалось, ему было также интересно, как и окружающим. Нирия потеряла своего друга из виду, но ей было очень интересно, что же случилось. Она зашла обратно в шалаш, нужно было переодеться после тренировок. За ней проскользнул кто-то ещё. Нирия обернулась и не смогла сдержать улыбку.

— ты не попрощался.

— эти люди не любят ждать, скажи мне у тебя есть ножи при себе?

— нет.

— а вилки?

— тоже нет.

— это хорошо.

Он подошёл к ней и обнял, она не сопротивлялась, потом их обоих захлестнул первый, от неожиданности неуклюжий, а после него уже взаимно желанный, нежный поцелуй.

Вечером в поселении снова был праздник, праздновали появление нового члена стаи, дракон спокойно разгуливал среди танцующих веселящихся людей. Вскоре они снова окупятся в разграбленную, пожирающую саму себя страну, чтобы дойти до самого ее сердца, но сегодня они будут танцевать и веселиться, ведь счастливые моменты не вечны, и только научившийся различать их в настоящем обретет свое счастье.

Больше книг на сайте - Knigoed.net